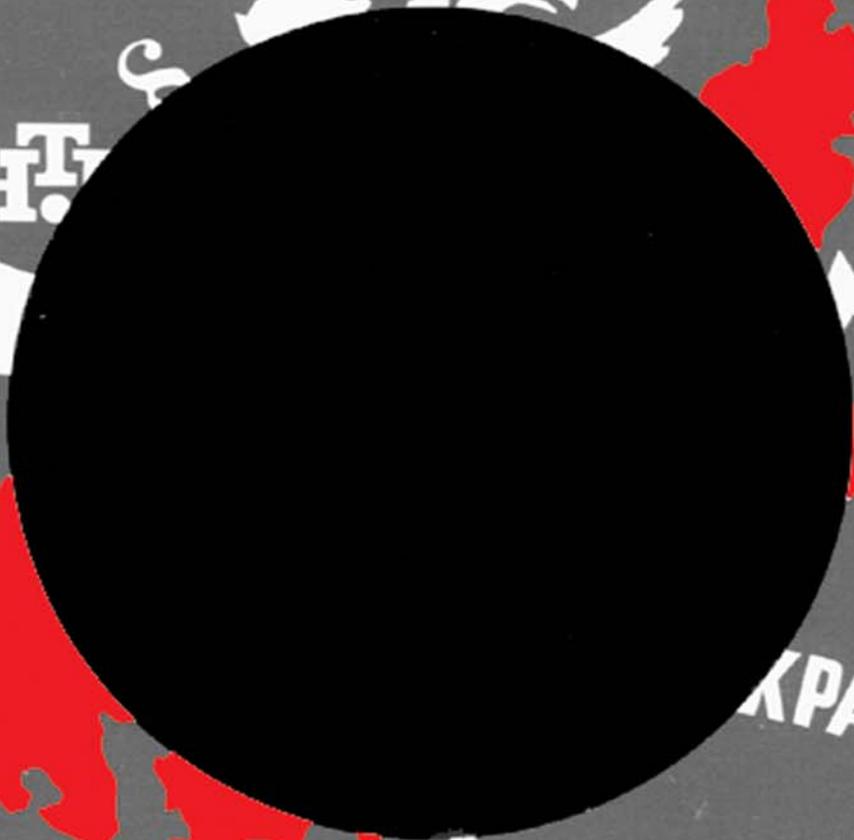

5

2015

XXX
ВМ
СС
Н
Р
РОССС
Н
Р

5.2015 сентябрь-октябрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Чудо выживания и новые угрозы _____ **6**

Страницы истории

Андрей Савин

«Ордена и отличия нам нужны...»
Роль наград в формировании советской
идентичности _____ **30**

Жорес Медведев

Опасная профессия (продолжение) _____ **40**

Пути духовных исканий

Владимир Мильков

Древнерусские представления
об ином мире _____ **66**

Ирина Мироненко-Маренкова

«Безумные Христа ради» и «мирская святость»
в Древней Руси. Классический текст
франкоязычной историографии о русском
юрродстве _____ **92**

Актуальный архив

Исаак Розенталь

Вокруг одного письма.
Еще об интеллигенции накануне
Февраля 1917-го _____ **116**

*Наталья Довжик,
Александр Репников,
Владимир Симиндей*

Москва—Каунас—Вильнюс
в 1940—1941 годы:
между геополитикой
и социальным вопросом _____ **142**

Редакционная почта

*Филипп Тараторкин,
Андрей Юрганов*

Любовь пространства _____ **170**

РОССИЯ ХХІ

Contents in English look at the page 184

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН, преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность – на русском и английском, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи (на русском и английском языках).

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами) (на русском и английском языках).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова (на русском и английском языках).

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

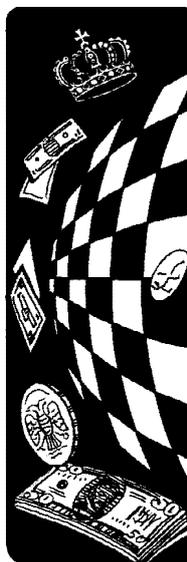
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

**Вина и несчастье – не конец,
но лишь возможный путь
к новому началу.**

Лион Фейхтвангер

**Страшно видеть, что даже
катастрофа не избавляет нас
от наших слабостей.**

Люк де Клапье, маркиз Вовенарг

Сергей Кургинян

ЧУДО ВЫЖИВАНИЯ И НОВЫЕ УГРОЗЫ

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

УДК
321.323.2
130.3

Метафизическое падение и последовавшие за ним культурное, геополитическое и прочие катастрофы, порожденные этим падением, в случае России и русского народа не привели к тому окончательному летальному исходу, к которому должны бы были привести. Значит, если процесс конфликта между Россией и Западом стал действительно долгоиграющим, действительно стратегическим, действительно фундаментальным и действительно относящимся к разряду вопросов о жизни и смерти страны, то тематика реформативной всей системы выходит на первый план. Существующая система уже не отвечает новой реальности и новым вызовам. Необходим новый проект. Если сейчас не начать это обсуждение, то завтрашнего дня у России не будет. Не потому, что надо догонять упущенное, а потому, что надо вовремя рассматривать те стратегические угрозы, которые находятся не в фокусе внимания, но представляют большую опасность. Эти угрозы могут неожиданно сделать бессмысленным все остальное.

The metaphysical fall and subsequent cultural, geopolitical and other disasters caused by that fall have not brought about the final lethal result they had to bring about. It means that if the process of conflict between Russia and the West has really acquired a long process character and become really fundamental one belonging to issues of the country's life or death then the subject of the whole system reformatting comes to the fore. The existing system is inadequate to the new reality and new challenges by now. A new plan is required. If this discussion will not be started right now then Russia will have no future. Not because it is necessary to catch up what was missed out but because it is necessary to consider in due time those strategic threats that are not in the center of attention so far but seem to be of great gravity. These dangers may suddenly make everything else dull and senseless.

Ключевые слова: метафизика; регресс; Россия; современное европейское человечество; структура; смысл; государство.

Key words: the metaphysica; retrogression; Russia; the modern European humankind; structure; sense and meaning; state.

E-mail: ecc@ecc.ru

После того, как рухнул Советский Союз, и рухнул он не потому только, что какая-то вполне локальная злая сила нанесла страшный предательский удар в спину и нечто могучее исчезло из жизни, а по совокупности ряда причин, начался глубокий комплексный регресс. Вместо общества безусловного, сложного, несвободного от весьма серьезных негативных черт, в меру омещаненного общества, в меру уже задетого обывательщиной, потребительством, но еще являющегося обществом нормальным в целом, в котором базовые понятия существуют и регулируют поведение, – вместо такого социума возникло нечто совсем другое. И казалось, что возникшее фактически безнадежно. Подобного рода метафизические катастрофы, метафизические падения очень часто оказываются началом смерти тех субъектов, которые эти падения осуществляют. Метафизическое падение и последовавшие за ним культурное, геополитическое и прочие катастрофы, порожденные этим падением, в случае России и русского народа не привели к тому окончательному летальному исходу, к которому должны бы были привести.

Чудо русского выживания в XXI веке

В этом состоит русское чудо XXI века. Неважно, с помощью ли той системы, на которую обрушился страшный удар, или без ее помощи, но в любом случае удар этот можно

образно описать как давление плиты весом в миллион тонн, обрушившейся на нечто, напоминающее по своему контуру, скажем, куриное яйцо. Что должны испытывать все, кто такую плиту скинул на подобное яйцо, лежащее на твердом постаменте? Что когда плиту поднимут снова, то обнаружится, что ничего нет. Каково же было удивление американцев, англичан, европейцев, да и всего мира, в тот момент, когда эту чудовищную плиту приподняли и выяснилось, что яйцо-то лежит по-прежнему на постаменте. Оно, конечно, поцарапано, даже в каком-то смысле чуть-чуть деформировано, но оно даже не растеклось и не разбилось.

Мне кажется, что все западные истерики, да и не только западные, по поводу «русского негодяйства» связаны с тем, что все находятся в шоке от того, что яйцо не разбилось. Оно каким-то способом уцелело. Но ведь не будем же мы говорить, что это яйцо просто взяло да и уцелело и наплевать ему было на колоссальную плиту, которая на него упала, нанеся ему соответствующую травму. Нет, конечно. Травма была нанесена, яйцо находится в далеко не безупречном состоянии. Чудо заклю-

чается в том, что оно вообще существует. И это первое, что надо признать и по поводу чего надо восхититься. Но нельзя же к этому восхищению все свести и непрерывно вопить о том, что мы «встали с колен, встаем с колен» и прочее.

Общество глубоко травмировано. Имя этой травме – регресс. И регресс как антитеза прогресса, то есть развития, охватил все сферы нашей жизни. Мы имеем дело с культурным регрессом, с регрессом исторического самосознания, с регрессом экономическим, безусловно, индустриальным, постиндустриальным, информационным, если хотите, антропологическим, экзистенциальным и многим другим. В условиях регресса и потери критериев, пусть не полной, но очень существенной потери критериев, и общество в целом и отдельные группы не всегда могут разобрататься в том, что происходит. Как говорил принц Гамлет, «при южном ветре я еще отличу сокола от цапли» [6]. Сегодня граждане не всегда могут это сделать. Много раз им надо указывать на то, что вот это сокол, а это цапля. Но в итоге, худо-бедно, они начинают одно от другого отличать.

Тут есть одна очень важная черта происходящего. Мы, конечно же, имеем дело с некой ресоветизацией. Советские ценности обретают второе дыхание. мода на советское, безусловно, существует и имеет очень глубокую природу. Это не просто мода, это даже нечто большее. Здесь уместно поменять метафору плиты и яйца на образы врага и осажденного лагеря (фортификационных сооружений), призванного сдерживать врага. Мы никоим образом не можем сказать, что само советское, на которое наступал враг, – эти советские фортификационные сооружения – все выдержали, отбили страшную атаку, а теперь находящиеся в них люди готовы перейти в наступление. Слишком очевидно, что это не так.

Эти фортификационные сооружения, как вы их ни назовите, – КПСС или какие-нибудь другие части классического советского общества – не выдержали натиска врага и удара плиты, этого внутреннего страшного катастрофического состояния. Они рухнули, оказались сметены. Враг прошел через эти фортификационные сооружения, вошел в них как нож в масло. И не надо по этому поводу ни недооценивать тот процесс, который мы называем ресоветизацией и который в настоящий момент породил поддержку советских ценностей большинством российского общества, ни переоценивать его. Потому что, конечно, очень многое рухнуло. Рухнули институциональные структуры, рухнули так называемые элитные структуры. Что, элита КПСС дала настоящий бой на каком-нибудь направлении? Или мы можем считать, что какой-то бой ведут почтенные представители КПрФ? Ничего этого нет. Ни советская

интеллигенция не смогла дать настоящий отпор, системный, комплексный, на большом участке фронта, за который она отвечала. Ни советская культура, советское искусство в целом. Ничто там по-настоящему не оказало сопротивления наступлению врага и внутренней катастрофе – метафизическому падению, регрессу. Повторяю, это все оказалось сметено. Но за этими внешними фортификационными сооружениями, сооружениями первой или второй линии обороны, находилось нечто другое. И вот это другое-то и приняло на себя весь удар и выстояло. И мы не можем назвать это другое иначе, как «русскостью».

Я уже неоднократно обращал внимание на некоего господина Ракитова¹ [5] с его теорией, согласно которой ельцинизм должен был сменить социокультурные коды, т.е. сменить ядро того, что он называл русской цивилизацией [1]. Это главный вопрос, который надо обсудить.

Коды сменить не удалось. Одни воспринимают это как чудовищную катастрофу. Другие радуются по этому поводу, и странно было бы, если бы я не был в их числе. Выстояла некая таинственная, упругая, гибкая и обладающая невероятной степенью живучести русская сущность. Она приняла на себя страшный удар и уцелела. Когда мы говорим о том, что некое яйцо, то самое, в котором на кончике иглы Кашеева смерть, уцелело, и что поэтому многие в ярости и все в шоке, то мы имеем в виду, конечно, русскость. Русскость устояла, отразив такое сущностное нападение, – не геополитическое, не какое-нибудь еще, – а вот ту самую систему требований, согласно которой надо сменить коды, т.е. душу, личность историческую. Уцелел и эту личность не сменив, коды сохранив, пусть и в подпорченном виде (регресс не мог не вызвать соответствующих негативных явлений), русскость начала восстанавливать самое себя. А восстанавливая самое себя согласно собственному внутреннему плану и записанным в ядре этой русскости программам, эта русскость начинает восстанавливать советскость и коммунистичность.

Это, конечно, будет уже другая советскость, другая коммунистичность, но они все равно будут. Потому что производит и то и другое именно русская сущность. Никакая другая этого не производит. Она готова к этому присоединиться, скопировать, готова даже творчески развить, но и только. Не будет никакой вьетнамской, китайской или любой другой коммунистичности, двигающейся в XXI веке по собственным коммунистическим или советским траекториям. Будет вьетнам-

¹ Анатолий Ильич Ракитов (р.1928) – доктор философский наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. В 1990-е годы советник Б.Н.Ельцина, руководитель информационно-аналитического центра Администрации Президента РФ.

ский народ, который будет развивать, завоевывать новые позиции. Будет китайский народ, который будет делать то же самое. Но если коммунистичность, советскость и прочее имеют будущее, то они могут иметь его только в России. Никакая другая сущность это не продуцирует. И американская сущность, или европейская, или латиноамериканская тоже не продуцируют. Все готовы к этому лишь подключаться.

А генерирует это по-настоящему только русская сущность. Опираясь на свое загадочное, ни на что не похожее естество, на свою способность к мечте. Одним из кодов этой русскости, который Ракитов так хотел свести под ноль, крича о необходимости сменить все эти коды, является мечта. Говорят, что у каждого народа есть своя мечта. И что народы существуют постольку, поскольку у них есть мечта, у каждого своя. Наверное, это так. Но, по большому счету, способность к масштабной мечте в XXI веке сохраняет, по-видимому, только Россия. Или, выражаясь более осторожно, в России это мечтающее (не путать с мечтательным) начало наиболее актуализировано. Оно сохранено не как что-то спящее глубочайшим сном (я хочу верить, что в некоем таком виде оно существует и в Европе, и во всем мире, у каждого народа), оно существует в состоянии, близком к бодрствованию. Разговаривая с одним очень не любящим Россию прибалтом, я поразился точности его высказывания, что «русские преступно заразили Прибалтику вирусом мечты».

Способность мечтать. Современное европейское человечество, человечество постмодерна, потребительства и всего прочего, не должно мечтать. Или, точнее, оно должно мечтать о новой марке автомобиля, о новом отдыхе за границей, о еде и питье, о каких-нибудь завоеваниях в сфере статуса (максимум), и точка. Но это все мечтой не называется. Мечта – это нечто совсем другое, в невероятной степени русское.

Тут, конечно, надо бы поговорить, с одной стороны, обо всем том, что было сказано великим русским писателем Достоевским по поводу мечты, начиная с «Белых ночей» и кончая «Идиотом». А с другой стороны, все, сказанное Достоевским, хотелось бы существенно скорректировать. Потому что русская мечтательность, по Достоевскому, лишена собственно созидательно-волевого наполнения. Мечтающие персонажи Достоевского не хотят, чтобы их мечты каким-то особенным способом воплощались в реальность. Когда Герберт Уэллс назвал Ленина «кремлевским мечтателем», речь шла о другом типе мечтателя. Безусловно, речь о невероятной силе мечты у Ленина, но в том-то и дело, что ленинская мечта и мечта таких, как Ленин, не должна была раствориться в петербургском тумане или превратиться то ли в какое-то стимулируемое гашишем наваждение, то ли в бред существа, находящегося в

постоянном полусне. Ленинская мечта должна была осуществиться в реальности, и в этом смысле она является невероятно русской.

Созидательная, творческая, воплощаемая мечта. Не буду сейчас спорить о качестве этой мечты. Я хочу в принципе обсуждать способность мечтать. Ведь задача врага человечества, если он есть (а его просто не может не быть, если есть человечество), как раз и состоит в том, чтобы человечество перестало мечтать. И существенную часть человечества побудили к тому, чтобы перестать мечтать по-крупному. Только по-крупному мечта может существовать; все мелкое – это не мечта, это желания, вожеления, облизывание на что-нибудь, но это не мечта настоящего. Отнять мечту – значит сохранить вечную власть тех сил, которым угрожает наличие такой мечты у человека. Но отнять мечту у человека – это уничтожить его. В этом смысле война с человеком, то есть война с гуманизмом, есть война с мечтой. Война с историей, как и война с гуманизмом, тоже война с мечтой. И если у человечества главное хранилище способности мечтать – это Россия, то война с Россией есть война с гуманизмом и историей.

Повторю, русскость, сохранившись, начала заново возвращать гуманистичность, коммунистичность, советскость и многое другое. В этом смысле процесс ресоветизации очень сложен; он состоит, как минимум, из двух слагаемых. Одно из которых – это остатки тех фортификационных сооружений, которые можно именовать «старой советскостью». А другая часть этой советскости – та новая советскость, которая вырастает из русскости. И особые усилия специальным образом обучаемых псевдорусских националистов состоят в том, чтобы эта русскость возвращала не советскость, а что-нибудь другое. А русскость возвращает именно советскость, коммунистичность, причем вполне определенным образом.

Этот процесс невероятно беспокоит тех, кто надеялся на то, что мечта, как таковая, – крупная, настоящая мечта – будет вообще убита, вырвана из естества человеческого, разменяна на потребительство, на какие-нибудь адреналиновые игры и виртуальные сновидения и мало ли еще на что. И тогда управление постчеловеческим, постмечтающим социумом могло бы быть достаточно простым. Но этого не произошло. Ядро цивилизации (русская сущность) сохранило способность, пусть и поврежденную, к некой критериальности, к различению.

Когда я заговорил о разного рода проектах: модерн, сверхмодерн, постмодерн, контрмодерн и так далее, – многие спрашивали: «А зачем все это?» Зачем такие сложные вещи, вся эта проективность, ее связь с определенными субъектами, которые только и способны осуществлять подобного рода проекты? Что такое вообще исторические проекты? Как

эта категория связана с Марксом и так далее и тому подобное? Зачем все это, если надо просто выдать быстренько идею и под эту идею собирать людей на борьбу?

Этим и занимается все наше, как бы претендующее на интеллектуальный статус сообщество на протяжении последней четверти века. Оно ищет «русскую идею», оно ищет идеологию, обсуждает, нужна ли идеология и все прочее. И что?!

В том-то и дело, что с идеологиями дело плохо. И не возникнет никакого представления об идеологиях до тех пор, пока на концептуально-проективном уровне не будет обсуждено, в какой же проектной, миро-проектной матрице мы существуем? Ведь эта-то матрица очевидна. Что такое сегодня идеология, сказать трудно. Одни говорят о смерти идеологии, другие о том, что идеология заменилась на политический язык или на что-то еще более гибкое и неопределенное. А вот что такое Модерн, сказать можно. И как он разрушается и кто его разрушает, тоже можно сказать.

И что такое Постмодерн, сказать можно. Что такое Контрмодерн, мы все видим по ИГИЛу и по многим другим структурам. И что такое Сверхмодерн тоже понять можно и даже необходимо. Лишь поняв и выстроив соответствующую субъектную систему под это, можно двигаться дальше.

А если все время шарить, где находятся те или иные идеологии и пытаться их быстренько-быстренько записать, то ничего, кроме фиаско, не будет. Так вот оно идет уже 25 лет, это фиаско. 25 лет все мечутся вокруг какой-то простоты, которая связана с идеологичностью, бегают на месте, вертятся, производят суррогаты. Эти суррогаты немедленно растворяются в нынешнем регрессе, потом производятся новые суррогаты и так без конца.

Никакие концепты, проекты, мегапроекты не могут и не будут существовать без метафизики. Вопрос о том, существует ли метафизика в XXI веке, очень серьезно связан с самим определением метафизики. То есть о том, где находится очевидная для всех, неспекулятивная, не обусловленная представлением о мире у тех и других групп населения, метафизичность.

В связи с этим я еще и еще раз повторяю, что ничего нет метафизичнее жизни и смерти. Они-то метафизичны по-настоящему. И уловленный Марксом вызов капитализма заключается не в том, что капитализм эксплуатирует трудящихся, а в том, что он омертвляет человека.

Он создает на месте человека вещь, т.е. живой, ходячий, свеженький, радостный труп, лишенный жизни как таковой. Жизнь капитализм кра-

дет или отчуждает. Живую жизнь. Тут-то Достоевский, вглядываясь в природу Запада вообще и Лондона, который особенно приковывал его внимание, как цитадель капитализма, все понимал правильно. Живая жизнь – вот что подлежит экспроприации, отчуждению, изыманию. Вот, в сущности, за что идет борьба.

Живая жизнь очень сильно связана с тем, что мы называем душой. Мы всегда что-то имеем в виду. Религиозные люди – одно, светские – другое, но мы улавливаем то, что она есть, чем бы она ни была. Что находится она в каком-то смысле по ту сторону всех дефиниций рациональных, но что она по другую сторону живет. Улавливаем, что душа и дух – это разное. И когда мы говорим о русской тайне, не о русской идее и о чем-то еще, а о русской тайне, то тайна эта состоит в том, что Россия – это в каком-то смысле мировая душа. Причем не сердце мира – «Хартленд» – в чисто геополитическом смысле, как особо важная часть территории, а именно душа и сердце мира в смысле историко-культурном, экзистенциальном, метафизическом, смысловом.

Для того чтобы перевести мир в состояние мертвое, немечтающее, гораздо более легко управляемое, в состояние некоего антропомуравейника, нужно, конечно, изъять душу. И все, что яростно противостоит России, противостоит ей именно как душе и одновременно удерживателю – Катехону. В этом смысле все, что связано с войной против России, имеет, конечно, гораздо более масштабный характер, чем это может показаться на первый взгляд.

Надо, чтобы все эти тонкие, неочевидные, трудно воспринимаемые реалии того процесса, в который погружены граждане России, да и все люди на планете Земля, для какой-то части граждан России стали более очевидными, более распознаваемыми. Чтобы эти процессы стали для них зримыми в интеллектуальном смысле. Только освободившись от слепоты по отношению ко всему, что составляет высшие слагаемые жизни, люди начнут сильнее самоопределяться. Потому что они столкнутся с необходимостью каких-то судьбоносных выборов и судьбы как таковой в неизмеримо большей степени.

Сначала это пробуждение и вхождение в состояние зрячести, потом собирание людей, тех, кто сумел пробудиться, тех, кто обрел эту зрячесть, возможность для которой должна быть предоставлена каждому. Но кто ею воспользуется, а кто нет – зависит от того, чего хотят люди, воля их свободна.

Мы на пороге крупнейших неблагоприятий. Теперь с этим соглашаются даже те, кто считал ранее, что эти неблагоприятия отчасти выдуманы. Момент настолько острый, что обсуждать только классическую

политическую повестку дня уже поздно. Нужно подняться выше, с этой высоты увидеть все происходящее, а дальше уже двигаться в сторону конкретной повестки дня.

Боюсь, что никакое другое направление успеха иметь не будет. Будет очень много шума, много внешнего клубления и ничего по существу в плане построения каких-то структур, которые смогут ответить на чудовищный вызов, брошенный России и человечеству.

Структуры и смысл

Многие говорят о том, что в принципе вообще вопрос о вызове и ответе сейчас строится совершенно иначе, ибо вся власть перешла к деньгам, что именно деньги и их обладатели являются главными субъектами мирового процесса, которые с помощью денег и вершат судьбы человечества. А всякие разговоры о структурности, смыслах, метафизике и всем прочем – это сугубая болтовня на обочине исторического, политического процесса, что обо всем этом надо забыть и просто всматриваться в то, как играют суперденежные величины: миллиардеры, триллионеры – такие структуры, другие структуры... Каждый очередной аналитик вытаскивает из небытия очередную мегаструктуру, обладающую все большим и большим количеством миллиардов, сотен миллиардов, тысяч миллиардов и так далее. И мне хотелось бы по этому поводу сформулировать свою позицию.

Конечно, налицо попытка создать цивилизацию золотого тельца, в которой деньги есть все, и свести все к деньгам, и управлять только с помощью денег. Но, оговорив свое бесконечное и бесконечно равное уважение ко всем народам мира, и отрицание свое любого принижения людей любой национальности, и абсолютно точное понимание отвратительности унижения любого народа, я не могу не воспользоваться некоей притчей, в которой фигурируют два народа и разное понимание ими приоритетов, сознавая, что притча эта анекдотична и что в ней некоторые черты данных народов утрируются.

Но мне кажется, что притча настолько показательна, что с моей стороны было бы ханжеством не процитировать ее, потому что в ней отчасти задеты (мною безусловно отрицаемые) какие-то аспекты утрировок, гротесков при описании неких национальных характеров.

Притча или анекдот, который я хочу сообщить, касается того, как некий представитель чеченского народа поймал золотую рыбку. Он поймал золотую рыбку, и рыбка заговорила человеческим голосом: «Не убивай меня, я выполню три твоих желания». Он говорит: «Да какие

желания? Я хочу есть, ты очень аппетитно выглядишь, я тебя сейчас изжарю и съем. Мое желание будет исполнено, а других у меня нет».

– Да что ты, ты просто не понимаешь! Я тебе все сейчас объясню.

– Ну, объясняй быстро, потому что я сейчас уже развожу костер и скоро сделаю из тебя соответствующее блюдо, и на этом все кончится.

– Слушай, слушай! На прошлой неделе меня поймал еврей, и он задал мне три желания – фантастически красивый дворец, огромная восхитительная яхта и миллиард долларов на его банковском счете. И я все три желания его исполнила.

– А! – говорит чеченец, – ты права! У меня тоже проснулось три желания, новых: фамилия этого еврея, адрес и телефон.

Я здесь говорю ни о евреях, ни о чеченцах, разумеется. Речь о том, насколько в мире может или не может существовать всевластие денег. Я уже много лет подряд цитирую знаменитое стихотворение про золото и булат:

«Всё моё», – сказала золото;

«Всё моё», – сказал булат.

«Всё куплю», – сказала золото,

«Всё возьму», – сказал булат [4].

И в сущности, ведь тут очень важно, что у данного чеченца из притчи три желания проснулись только тогда, когда ему золотая рыбка сообщила о том, что есть носитель неких трех возможностей – яхты, дворца и счета на миллиард долларов. И ему захотелось избавиться от этих возможностей их носителя, переключить возможности на себя. Ему же не захотелось просто обрести эти три возможности. Обрести вместо миллиарда десять, вместо яхты – суперяхту, вместо дворца – супердворец. Он захотел это экспроприировать! А до того, как не замаячила великая возможность такой экспроприации, у него этих желаний не было. Мне кажется, что данная притча достаточно глубока и заслуживает в этом смысле внимательного прочтения, а не ахов и охов по поводу того, в каком виде являют себя представители того или другого народа в данной притче. Мы должны, с одной стороны, всячески поддерживать единство и равноправие всех народов нашей страны, а с другой стороны, не проявлять какого-то фанатического отвержения тогда, когда речь идет об обсуждении характеров, даже если они имеют черты гротеска.

Итак, всегда в процессе будет, как минимум, присутствовать золото, которое в притче «Золотая рыбка» отождествляется с евреем – владельцем дворца, яхты и счета на миллиард долларов, и булат, который данная притча отождествляет с чеченцем, желающим это забрать.

Эти два процесса носят неотменяемый характер. И сколько бы злато ни пытались сказать, что важно только оно, и свести все к акту купли-продажи, это никогда нельзя осуществить целиком. Я не говорю, что злато всегда будет иметь вторичный характер, не будет суперзначимым. Экономические ресурсы невероятно значимы и с каждым десятилетием становятся все более значимыми, но они никогда не будут абсолютно значимы. Деньги сами по себе не будут абсолютно значимы хотя бы потому, что их можно забрать, их захотят забрать и их будут забирать. И уж в современной истории России это настолько видно и настолько сочно описано в разного рода далеко не притчевых, а конкретных судьбах, включая господина Ходорковского, и не только его, что, мне кажется, спорить с этой очевидностью бессмысленно.

На языке Древней Индии, который я не хочу ни восхвалять, ни поприцать, а просто использую как такую же разъясняющую метафору, как данный анекдот, это означает следующее. Есть кшатрии, то есть «булат», – воины, люди, обладающие способностью нечто забирать, применяя силу, и есть вайшьи – торговцы, которые накапливают деньги. Можно носителей этой силы соблазнить деньгами и отчасти превратить в торговцев. Это нередко удавалось сделать, однако цивилизации, которые осуществляли такой вариант трансформации, никогда не были устойчивыми после того, как это им удавалось. Но это нельзя сделать до конца.

Когда говорят о силовиках, которые обнаружили, что их подлинное призвание – бизнес, всегда надо помнить о других силовиках, которые это не обнаружили и у которых возникает соответствующее желание получить «фамилию, адрес и телефон» тех, кто это призвание обнаружил. Это неизбежная коллизия, ее снять нельзя. Со временем она все более усиливалась, не ослабевала, а усиливалась. Колоссальный скачок в усилении этой коллизии был связан с моментом, когда, ссылаясь на прозрачность парламентских процедур, спецслужбы Запада потребовали для себя самостоятельных автономных источников финансирования, которые были бы непрозрачны. Это началось, я много раз об этом говорил, еще в Бирме и вообще в Индокитае, и связано было с такой известной фигурой, как Тед Шекли [3]. Потом это было перенесено в Пакистан и связано с другими фигурами, которые я тоже неоднократно называл. Что в имени тебе моем? Ну, Гэри Бест или не Гэри Бест, неважно – те или другие создатели разного рода схем самофинансирования спецслужб. American Airlines, с помощью которого ресурсы, изымаемые для такого финансирования, переправлялись из Афганистана и других мест

мира в Европу и далее. Это все только конкретные примеры и не более того.

Суть же заключается в том, что «булат» захотел иметь свое «злато». И даже ответные процессы, происходившие у «злата» (частные разведки Рокфеллера, частные военные компании и все прочее), не смогли до конца отменить эту поляризацию «булата» и «злата» как по-настоящему фундаментальный конфликт предыдущих эпох, а также эпохи нынешней.

Но на этом все не останавливается. Потому что для того, чтобы «булат» мог совершать свои операции со «златом» или, наоборот, «злато» могло покупать «булат», должно присутствовать нечто загадочное и абсолютно неотменяемое – структурность. Частный случай структурности – это банда. Ни один носитель «булата» сам по себе и в одиночку не осуществляет экспроприации «злата». Он может это сделать только вместе со структурой себе подобных. Банда – это, между прочим, плотная структура, которую надо удерживать. И финансовые структуры, способные играть в мире, – это тоже структуры, это не просто возможности финансовые (миллиарды, триллионы или что-то еще). Это не один скорчившийся обладатель фантастических возможностей, который что-то рассылает по миру; это структуры, которые тоже почему-то должны состояться. И нет ничего более загадочного, странного и в каком-то смысле противоестественного, чем вообще создание структур. И, конечно же, по большому счету, структуры создает мощный смысл, который в состоянии соединить людей, всегда стремящихся в силу несовершенства своей человеческой природности (религиозный человек назовет это греховностью, а кто-то – сферой дочеловеческих инстинктов или «кармой классового устройства общества») в единое структурное целое. В любом случае негативы требуют, чтобы отдельные социальные атомы начали друг с другом воевать. Чтобы возникла война всех против всех. А какая-то сила, не сводимая к страху, насилию и деньгам, спаивает вместе эти социальные атомы. Она создает из них социальные тела – молекулы, кристаллы – неважно что, и только в качестве таковых и «злато», и «булат» могут и наращиваться, и противостоять друг другу. То есть над «златом» и над «булатом» всегда будет смысл.

Из этого не следует, что «булат», например, ядерное оружие, или какая-нибудь очень свирепая и профессиональная частная военная компания, или крупная армия очень крупной страны, ничего не значат в мире. Чудовищно много значит все это. Чудовищно много! И если у тебя этого нет, то ты – никто или почти никто. То же относится и к «злату». Триллионы долларов или гигантские нагромождения миллиардов могут

невероятно много, но над тем и над другим все равно встает смысл. А смысл не может быть ни поработан силой, ни куплен за деньги. Он существует отдельно. Как только он становится поработан силой или куплен за деньги, он перестает быть смыслом и перестает обладать этой чудотворной, непонятной, загадочной склеивающей способностью. Над всеми вайшья, то есть «золотом», и над всеми кшатриями, то есть «булатом», будут обязательно стоять носители смысла – брахманы. Никуда без них не денешься, иначе все структуры начнут распадаться.

В начале «нулевых» существовало чекистское сообщество, о котором я писал в большой книге «Качели» [2]. Потом настал момент, когда материальные интересы («золото») или возникшая раздробленность структур привели к тому, что данное сообщество распалось. Почему? Потому что оно считало себя склеенным собственно корпоративным «клеем». А корпоративного «клея» недостаточно, нужен высший смысловой «клей» для того, чтобы структура была прочной. Зовите это клеем или скрепами – неважно. Нет без этого человека, человечества, человеческих структур. Ну, нет и все!

Те конкретные примеры, которые можно привести, когда этот высший смысл заменяется голосом крови, тейповой или семейно-мафиозной, сицилийской или какой-нибудь еще, – это исключения, которые только подтверждают правило. И все равно, в каждом из таких случаев фигурирует смысл. Очень яркий пример – фильм «Крестный отец», где представители структур, спаянных сицилийской кровью, начинают вдруг со светящимися глазами говорить о Древнем Риме, о своих клятвах. Фрэнсис Коппола глубоко изучал процесс и хорошо его знал. Значит, всегда в основе смысл.

Государство и смысл

Когда разрушался Советский Союз, то в значительной степени это разрушение было связано с двумя элитными процессами. Загадочным загниванием самой партии КПСС,

ВКП (б), РСДРП (б), РКП (б) – единой коммунистической структуры, осуществившей Великую Октябрьскую социалистическую революцию, создавшей Советский Союз, спасший мир от фашизма. Загадочный процесс загнивания внутри этой структуры – это процесс номер один.

Второй процесс – обострение противоречий между этой структурой и ее естественными антагонистами: спецслужбами, хозяйственным звеном элиты, административно-бюрократическим звеном элиты. И оба эти процесса никоим образом не сводятся к эпохе Горбачева. Со страшной

силой конфликт между партией и государственным аппаратом, включая аппараты спецслужб, развернулся в позднесталинскую эпоху. Да и для самого Сталина, который в начале своей политической карьеры говорил о том, что партия должна стать орденом меченосцев, к концу карьеры, к 50-м годам, партия стала страшным бременем, от которого он не мог избавиться.

В силу чего Сталин, чей взгляд поначалу был прикован к партии, потом в такой степени разочаровался в ней? В силу ли того, что партия уже сильно очень загнила и ему стало ясно, что там «ловить» нечего? В силу ли того, что партийное начало всегда обременяет руководителя, который осуществляет личную власть? В силу ли суммы этих двух причин или какой-то третьей причины?

Партия тяготила почти всех. Она тяготила Берию, она тяготила Маленкова, она тяготила Сталина. Она, безусловно, дико раздражала потом Андропова, который ссылался на Берию, как на некий прецедент, не состоявшейся, к сожалению, департизации СССР. Этот огромный и очевидный процесс неоднократно обсуждался и описывался. Но еще и еще раз к нему должно быть привлечено внимание. И он никоим образом не сводится к истории Советского Союза.

История Советского Союза лишь в очередной раз, на ее очередном витке воспроизводит этот древний, в глубь веков ведущий процесс. Что такое по большому счету конфликт гвельфов и гибеллинов? Это конфликт сторонников всевластия Папы Римского над сторонниками власти императора. Ведь не само собой рухнуло всевластие Римского Папы, которое создало католическую Европу, к какому-нибудь X веку нашей эры. Оно рухнуло потому, что государи, превращаясь в оных из мелких баронов-грабителей, все в большей и большей степени тяготились властью Римского Папы.

В великом произведении Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский» Великий инквизитор говорит королю Филиппу:

*Вам тяжки цепи Ордена. Свободным,
Единственным вы быть желали, сир.*

Король, желающий единоличной власти, отвечает:

*Уйми язык!
Ты слишком дерзок, поп!
Иль ты забыл Филиппа? Я не стану
Таким речам внимать.*

Инквизитор напоминает ему:

*Тень Самуила
зачем призвали вы? [7]*

и говорит о монархах, которых он возвел на трон испанский, считая неизблемым свое дело. А Филипп это дело разрушает. Великий инквизитор, безусловно, антигуманистический, невероятно мрачный персонаж, но я говорю здесь о самой коллизии, которая ничем не отличается от коллизии гвельфов и гибеллинов.

И недаром очень крупные политические деятели XX века, такие, например, как генерал де Голль, тяготились партиями. А если (я сознательно перескакиваю все время из эпохи в эпоху) переходить от этого периода к совсем древним, то мы, конечно, должны обсуждать конфликт жрецов и фараонов в Древнем Египте и в других древнейших государствах, существовавших на планете. Этот конфликт тянется через тысячелетия. Развитие этого конфликта, его метаморфозы, его разнокачественная жизнь в разных исторических ситуациях не отменяют того, что есть некий инвариант, константа.

Давайте присмотримся к этой константе чуть-чуть под другим углом зрения. Конечно, в стабильном состоянии можно управлять с помощью бюрократии. Ведь что единоличного властителя раздражает в партийных структурах? Его раздражает то, что существует, по крайней мере, внутривнутрипартийная демократия, а если и ее отменить, то, как говорят, слегка лукавая, апологеты партийных структур, исчезает сам принцип существования партийных структур.

Это и есть та трагическая проблема, о которой думал Ленин. Допускаем внутривнутрипартийную демократию – начинается грызня. Отменяем – начинается замирание, бюрократизация, и эту партийную структуру потом не отличишь от бюрократической. Зачем две структуры, если они в одинаковой степени бюрократичны? То есть состоят не из людей, наделенных свободной волей и соединенных некой общей мечтой, а из «винтиков», которым приказываешь. Зачем тогда иметь эти винтики в партии? Лучше уж иметь их только в бюрократии.

Но в том-то и дело, что бюрократия, которая способна стабилизировать существование некоей системы, абсолютно не способна эту систему развивать. Она потому и бюрократия, что она не может ее развивать. На какой-то, очень недолговременный, рывок эту бюрократию может побудить страшная сила вождя, способного эту бюрократию мотивировать и страхом, и каким-то духом величия. Но потом это очень быстро превращается в некоторое состояние избыточного равновесия, которое кто-то называет застоем, кто-то иначе. Это неизбежно.

К сожалению, и к этому все не сводится.

Скажем о главном. Мы восхищены великими, блестящими достижениями и завоеваниями Коммунистической партии, ее руководства на

этапе зарождения СССР, индустриализации, Великой Отечественной войны, послевоенных свершений. Но мы не можем отделить это величие от того ничтожества, в котором данная структура оказалась в конце восьмидесятых годов. Ничтожества, никак не сводимого к фигуре Горбачева.

Горбачев – злой и показательный гений эпохи агонии СССР. У каждой эпохи свои разрушители. Какая эпоха, таков и разрушитель.

Горбачев оказался созвучен некоторой партийной среде, внутри которой он осуществлял свое преступное, разрушительное деяние.

Все это так, но при чем тут один Горбачев? В условиях, когда на XXVIII-то съезде (июль 1990 г.) ни КГБ, ни партийный аппарат, ни армия – никто не мог помешать делегатам съезда не избирать Горбачева, они его переизбрали. Почему? А потому, что им нравилось то, что он делает. Они хотели обогатиться. Они хотели половить эту рыбу в мутной воде. А все остальное оказалось каким-то фантастическим способом выхолощено, лишено воли, обесточено, дезэнергетизировано настолько, чтобы никакого противодействия этому не оказать. Даже тогда, когда речь шла о собственной власти. Я имею в виду продвинутую часть номенклатуры.

Власть всегда отвечает за все, что происходит со страной и обществом. Особенно, если власть абсолютна. Власть КПСС в семидесятые – восьмидесятые годы была абсолютной. КПСС отвечает за гибель Советского Союза, за неслыханное предательство Горбачева, которому номенклатура КПСС потакала или не могла противодействовать. И оторвать величие подвигов партии, приведших к Великой Революции, Великому строительству, Великой Победе в самой великой в мировой истории войне и ко всем остальным чудесам, которые справедливо назывались «русским чудом», от этого ничтожества, падения – невозможно. Блеск и нищета существуют вместе. И нужно ответить на вопрос: как одно сочетается с другим? Почему эта структура, проявлявшая неслыханный героизм, неслыханное самопожертвование, неслыханные чудеса внутренней дисциплины и подвижничества, не смогла ничего сделать на последнем этапе, если это одна и та же структура?

Потому что она оказалась короткоживущей. Великолепный младенец на начальном своем этапе, стремительно вырастающий в чудобогатыря, но так же стремительно превращающийся в маразмизирующего, корчащегося, беспомощного старца. Это цикл движения одной структуры, которую мы не имеем права подразделить на три: революционеры, государственники и маразматика. Мы должны видеть одну эту личность и объяснить себе, почему все это так быстро произошло? Потому что

структура была построена по тем принципам, по которым строятся светские короткоживущие структуры. Она не была орденом меченосцев. Она была лишена метафизики. А структура, лишенная метафизики, является короткоживущей.

Мы знаем структуры совсем другого типа. И, между прочим, не лишённые, так сказать, мелкой партийной грызни. Тот же Ватикан существует столетия. Мы видим реальную устойчивость Русской Православной Церкви, которую совершенно не собираемся воспевать, зная о ее несовершенствах. Несοвершенства Ватикана еще более вопиющие. И тем не менее мы говорим не об этих несовершенствах, не о личных качествах тех или иных Пап или кардиналов или иерархов Православной Церкви, мы говорим о структурах.

Структуры живут вопреки хорошим или плохим качествам этих иерархов, вопреки начинающим все это конфликтам, вопреки всему они живут тысячелетиями. Как и буддизм, как и ислам, как и многое другое. Потому что, когда есть метафизика, есть долгая жизнь, а когда метафизики нет – нет долгой жизни. Все превращается в личную власть, все превращается в бюрократию и исчезает.

Понимание того, что такое светская короткоживущая структура, породило определенное устройство современного Ирана. В котором Кум, центр духовной, брахманической или квазибрахманической (да простится мне это сравнение совершенно разных религий) власти, отделен от Тегерана, то есть центра светской власти, и контролирует Тегеран. Долго ли это продлится, неважно, но это принцип.

Партийная грызня давно уничтожила бы светские западные партии, если бы внутри этих партий не было того, что можно назвать «внутренними партиями», или долгоживущими структурами. И уж там зовите вы их масонами или как угодно еще, не в словах тут дело, а дело в том, что внутри этой политической возни столетиями существовало нечто другое, обладающее собственным метафизическим потенциалом. И это другое, будучи разнокачественным, и сформировало некую коалицию в рамках проекта Модерн. Когда проект кончился, коалиция распалась. Мы сейчас видим конфликты между этими структурами. А также высвобождение в условиях этого конфликта светского разрушительного начала.

В момент, когда Россия присоединила Крым, необходимо было спокойно, сосредоточенно и с той мобилизацией, которая существует, когда вопрос стоит о жизни и смерти, начать менять существующую политическую систему. Эта система не могла далее управлять Россией в условиях, когда присоединили Крым и начался совершенно другой этап

русской жизни. Эта система не способна обеспечивать то, что происходит сейчас, и не способна противостоять тем мощнейшим атакам Запада, с которыми мы имеем дело.

Возобладала точка зрения, согласно которой с помощью существующей системы можно управлять всеми этими новыми процессами. Что систему для этого менять не надо, что ее можно оставить в прежнем состоянии. На протяжении года это и происходит, и надо сказать, что не худшим способом. Финансовая стабильность удержана, некое равновесие сил на Украине и в других местах тоже удалось удержать. Идет какой-то острый, но не выходящий за определенные рамки процесс наращивания конфликтности между нами и Западом. Все это так. В тактическом смысле всё безусловно так, и это говорит об определенном тактическом мастерстве.

Но в стратегическом смысле, по мелочам, по микровзрывам, по маленьким расколам, по тем или иным сбоям в процессе можно опознать, что система не готова системно отвечать на новые вызовы. Она для этого не предназначена. Может быть, о чудо, мы имеем дело не просто с автомобилем, а с автомобилем-амфибией, который плавает в водах моря. Но автомобиль-амфибия сконструирован для того, чтобы переплыть реку, он не является судном, способным к долгому плаванию, он не может идти под парусами, я не буду дальше перечислять отличия. И то, что говорится в СМИ, – «смотрите-ка! плавает!» – никоим образом не свидетельствует о том, что решение о сохранении всего системного качества в условиях абсолютно новых вызовов способно надолго обеспечить политическую стабильность.

Дай бог, чтобы оно обеспечивало ее так долго, как можно, но возникают крупные сомнения по этому поводу. Если это не так, то вновь и с новой силой возникает вековечный вопрос о партии, о скрепляющих смыслах, о том единственном начале, которое в условиях мобилизаций, конфликтов, изменения контуров всего происходящего, в условиях всей этой пресловутой турбулентности, как ее ни назови, способно быть динамическим, а не статическим стабилизатором системы. Статическую стабилизацию осуществляет бюрократия, она не может осуществлять динамическую стабилизацию системы. Вопрос о субъекте, способном это делать, встает заново и в полную силу. И здесь, конечно, мы видим все прежние проблемы России в их новом качестве. Они все перенесены в XXI век.

Я с большим интересом смотрел фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Уроки Византии», в котором отец Тихон со знанием дела и подробно обсуждает все проблемы, приведшие к краху

Византии, и очевидным образом он это делает для того, чтобы обсудить, как избежать краха России, как некоей наследницы определенного направления. Но одна вещь выведена из обсуждения. Одна и решающая – в какой степени можно омертвить, то есть бююрократить, то есть огосударствить, духовный субъект, осуществляющий динамическую стабилизацию державы? Имеет ли право Церковь (если говорить о том византийском прецеденте) стать полностью придатком государства и императора? Где та степень автономности, я не скажу демократии низовой, а вот этой автономности духовного субъекта, при которой динамическая стабильность обеспечивается? Понятно, что если этот автономный духовный субъект пойдет вразнос и будет вышвыривать императоров и менять все по принципу «что хочу, то и ворочу», то государство, и Византийская империя и любая другая, просуществует недолго. Это понятно.

Мне скажут, что не было абсолютного огосударствления, что были лишь какие-то дискуссии отдельные. Да, было так. И тем не менее по большому счету речь идет о том, что государство прибрало Церковь до конца к рукам. В какой мере это могло существовать и не противоречить долговременным константам существования Византии? Затем естественным путем этот принцип был перенесен в «Третий Рим». И уже при Иване Грозном, как мы понимаем, вопрос о том, правит царь, то есть кесарь, или патриарх, – стоял с экстремальной силой. Далее этот вопрос был переведен при Петре и дальше уже понятно в какую плоскость.

Соответствовало ли это духу эпохи? И да и нет. Потому что после конфликта гвельфов и гибеллинов последовал конфликт контрреформации и реформации (если называть события в той же последовательности), потом – абсолютизм, потом – Великая Французская революция. И если рассматривать великие буржуазные революции в мире просто как отмену всех констант предыдущего бытия, то, конечно, можно сказать: «Это исторически важно, это повод для обсуждения».

Если же считать, что внутри светского государства продолжали существовать в какой-то степени автономные от бююкратии пласты не финансовые и не силовые, а именно духовные, обеспокоенные существованием державы и почему-то гармонично сочетающие свою автономность с этой обеспокоенностью и подчиненностью державе, тогда весь буржуазный этап надо рассматривать особо. И тогда надо понять, что в теперешней России ничего этого просто близко нет!

Значит, если процесс конфликта между Россией и Западом стал действительно долгоиграющим, действительно стратегическим, действи-

тельно фундаментальным и действительно относящимся к разряду вопросов о жизни и смерти страны, то тематика метафизичности при всей ее, казалось бы, абстрактности и вознесенности в какую-нибудь даль поднебесную является на самом деле хлебом насущным. Тем, что уже поздно обсуждать, но, по крайней мере, если сейчас не начать это обсуждение, то завтрашнего дня у России не будет.

Не потому, что надо догонять упущенное, а потому, что надо вовремя рассматривать те стратегические угрозы, которые находятся не в фокусе внимания. Которые спрятались где-то в углу, в какой-то затаенной норе существующего политического пространства, но которые, если они являются стратегическими, выскочат из этой норы, как зверь, и пожрут все остальное.

Библиография

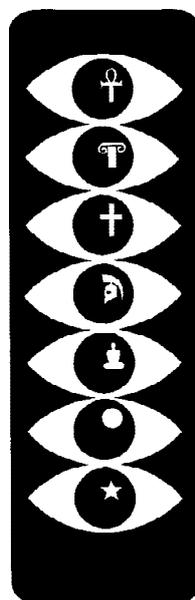
1. Кургинян С.Е. Атаки на культурное ядро. Идеологи чистых сортиров // Сообщество «Суть времени» в Livejournal. URL: eot-su.livejournal.com/746763.html (дата обращения: 07.10.2015).
2. Кургинян С.Е. Качели: конфликт элит – или развал России. М.: ЭТЦ, 2008. – 772 с.
3. Кургинян С.Е. Слабость силы: аналитика закрытых элитных игр и ее концептуальные основания. М.: ЭТЦ, 2006. – 388 с.
4. Пушкин А.С. Золото и булат // Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. / Под общ. ред. Д.Д.Благого. М.: Гослитиздат, 1959. Т.2. Стихотворения. 1823–1836. – 799 с.
5. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. №5. С.87–99.
6. Шекспир В. Гамлет, принц датский / Пер. Б.Пастернака. URL: http://www.theatre-library.ru/files/sh/shakespeare/shakespeare_20.html (дата обращения: 07.10.2015).
7. Шиллер Ф. Дон Карлос, инфант испанский / Пер. под ред. И.В.Миримского. URL: dreso.livejournal.com/615762.html (дата обращения: 07.10.2015).

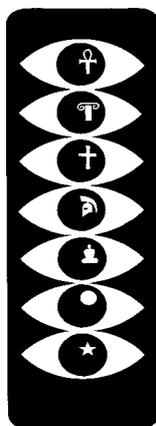
Наказание и награда суть
единственные узы,
которыми законодателям
удалось связать частный интерес
с общим.

Клод Гельвеций

**Многие бумеранги
не возвращаются.
Они выбирают свободу.**

Станислав Ежи Лец

Андрей Савин

«ОРДЕНА И ОТЛИЧИЯ НАМ НУЖНЫ»

**РОЛЬ НАГРАД В ФОРМИРОВАНИИ
СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47)''193''

В публикации на основании эго-документов второй половины 1930-х годов, впервые вводимых в научный оборот, анализируется роль наград в формировании идентичности «нового человека» сталинской эпохи. Отвечая на вопрос о причинах высокой восходящей социальной мобильности советского социума, автор приходит к выводу, что ключевым фактором здесь являлась позитивная идентичность «гомо героикуса», которая во многом формировалась благодаря принадлежности к сообществу «орденоносцев». Особое внимание в публикации уделяется переходу советской наградной системы от элитарности к массовости награждений.

The article deals with role of awards in formation of the Stalin's period "new man" formation. The article is based on authentic personal documents of the second half of the 1930s that are introduced into scientific turnover for the first time. Giving an answer to the question on causes of high ascendant social mobility of the Soviet society the author comes to the conclusion that the positive identity of "homo heroicus" which, to a large extent, was being formed due to belonging to the "award bearers" community. The author pays the particular attention to transition of the Soviet award system from awards granted to the elite to mass awards.

Ключевые слова: СССР; награды; элиты; советская идентичность; социальная мобильность.

Key words: the USSR; awards; elites; the Soviet identity; social mobility.

E-mail: a_savin_2004@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01725).

Интерес историков к эго-документам советской эпохи, в первую очередь к так называемым «письмам во власть», является устойчивым трендом последнего времени². Этот интерес далеко не случаен. Помимо возможности соприкоснуться и сопереживать подлинным человеческим эмоциям, почувствовать «вкус и запах» эпохи, эго-документы позволяют работать в рамках постпозитивистских методик новой культурной истории, задавать вопросы и получать ответы в историко-антропологической перспективе. Одним из таких ключевых вопросов применительно к советскому периоду российской истории является вопрос формирования советской идентичности. Приоритет здесь общепризнанно принадлежит западным историкам, традиционно занимавшимся изучением социальной мобильности советского общества [См.: 6; 8; 9; 10]. Такое смещение исследовательского интереса от мобильности в социуме к анализу мобильности идентичностей вполне оправдано, поскольку без понимания того, как складывалась и что представляла собой советская идентичность, невозможно адекватно объяснить феномен высокой восходящей вертикальной мобильности в России в XX веке.

Изучение «новой» идентичности слоев и групп населения, которые в результате своего перемещения оказались на более высоких ступенях социальной лестницы, позволяет сделать важный вывод о двух главных вариантах формирования советской идентичности. Первый из них продемонстрировала Шейла Фицпатрик, общепризнанный авторитет в сфере истории социальной мобильности советского общества, в своей монографии «Срывайте маски!» [7]³. В изображении Фицпатрик главными чертами советской идентичности являлись эклектичность и комплиментарность, а основными инструментами ее формирования служили двоемыслие, конформизм и политическая мимикрия. Йохан Хеллбек, один из пионеров «лингвистического» поворота в исторических исследованиях сталинизма и публикатор дневника «кулацкого сына» С.Подлубного [11], который сам себя переделывал в советского человека, наметил другой вариант – создание «настоящей» советской идентичности, когда индивидуум искренне стремился идентифицировать себя с ценностями проекта «советского модерна» и воспринимал себя как истинно советскую личность. Фактически речь идет о двух разных типах советской идентичности – негативном (конформистском) и позитивном (искреннем), причем именно второй тип является ключевым для

² Анализ новейшей историографии, посвященной «письмам во власть», см.: [3, с.3–15].

³ Монография опубликована на русском языке: [5].

понимания механизмов восходящей социальной мобильности советского социума.

Формирование позитивной советской идентичности осуществлялось во многом за счет вхождения в одну из новых социальных или псевдосоциальных групп, которые отчасти заполнили ниши, образовавшиеся в результате слома дореволюционной структуры российского общества. В свое время философ М.К.Мамардашвили, стремясь подчеркнуть отсутствие горизонтальных структур гражданского общества, описывал советский социум как «желе». Очевидно, в действительности картина была гораздо сложнее, поскольку после 1917 г. возникли новые структуры, которые носили зачастую квазисоциальный характер. Речь идет о «старых большевиках», участниках гражданской войны, красных партизанах, стахановцах, «сталинских соколах» и т.д. Эти группы, которые можно охарактеризовать как консорции или сообщества, усложняли социальную конструкцию советского социума. В свою очередь принадлежность индивидуума к одному или нескольким сообществам такого рода обеспечивала его адаптацию к режиму и позитивную идентификацию с властью⁴.

Публикуемые ниже два «письма во власть», особенно первое, служат свидетельством того, что одним из главных сообществ, обеспечивавших формирование советской идентичности в рамках большевистского проекта и вертикальную социальную мобильность, было сообщество орденосцев – лиц, удостоенных государственных наград СССР. Небольшое письмо инженера-«краснознаменца» Ф.Ю.Малера секретарю ЦИК СССР И.А.Акулову, в котором автор высказывает идею создания «общества советских орденосцев», можно интерпретировать как доказательство складывания новой элитарной группы, которая к середине 1930-х годов уже совершенно ясно осознавала себя в этом качестве. Именно орденосцы, которых, как пишет Малер, «великая награда выделила среди миллионов ударников нашего Союза», в первую очередь, идентифицировали себя с «новым советским человеком». Кроме

⁴ В области ментальной истории трудно устанавливать какие-либо четкие временные границы, тем не менее можно утверждать, что самое позднее к концу 1930-х годов сформировалась достаточно большая группа лиц, главным образом представителей партийно-советских элит, полностью идентифицировавших себя с политическим режимом и воспринимавших себя как истинно советских людей. Те из них, кто был арестован в ходе Большого террора и выжил, нередко в своих обращениях в органы власти писали о том, что, оказавшись впервые в тюрьме и слыша крики подсудимых, они до своего первого допроса полагали, что кричат «настоящие враги народа», а их самих пытки и издевательства ни в коем случае не коснутся.

«ОРДЕНА И ОТЛИЧИЯ НАМ НУЖНЫ»

того, они хорошо осознавали свою роль «передового отряда» и связующего звена между государством и народом. Поэтому никто из орденосцев, по словам Малера, «не почил на лаврах и с еще большим упорством работает над собой, над товарищами и в производстве, претворяя в жизнь все заветы и указания любимых наших вождей Ленина и Сталина». При этом даже своим внешним видом орденосцы были призваны наглядно воплощать героические успехи советской державы, «ведь не даром лучшие наши орденосцы... носят все свои повторные награждения на груди». Таким образом, пресловутый *гомо советикус* был в довоенные годы в своей главной ипостаси *гомо героикусом*, что как нельзя лучше отвечало мессианскому духу большевиков, их чувству исторического превосходства и исключительности.

В заключение необходимо отметить, что публикуемые письма также отражают важный этап формирования советской наградной системы, который характеризовался балансированием на грани элитарности и массовости награждений. В середине 1930-х годов еще не было ясно, насколько интенсивно будет развиваться процесс «делания героев» в СССР. Поэтому в письме Малера, написанном летом 1935 г., еще слышны отзвуки идей эгалитарности, настроений против героизации отдельных персон и создания «красных икон», не случайно он оговаривается: «...по-моему, ордена и отличия нам нужны» и «...но раз нужны ордена, то нужно и какое-то объединение всех орденосцев». Зато письмо политруков частей РККА, дислоцировавшихся в Заполярье, написанное два года спустя, выдержано совсем в другом духе. Здесь уже нет места малейшим сомнениям в этичности орденов и отличий при социализме, анонимные авторы буквально требуют своего награждения, причем редкость предыдущих награждений они связывают с вредительством, это «дело рук презренных предателей родины, фашистских собак Гамарников, Тухачевских и их сообщников». Настроения авторов письма совпали с политикой сталинского руководства: на фоне Большого террора в РККА массовые награждения были призваны в том числе выступить своеобразной компенсацией репрессий, поощрить командиров, политработников и красноармейцев, продемонстрировать им, что руководство страны как никогда заботится о них, что им открыты все карьерные пути, особенно учитывая близкую войну⁵.

Проект «общества орденосцев» Ф.Малера не был поддержан, скорее всего, по двум причинам. Во-первых, он шел вразрез с общей поли-

⁵ Динамика статистики награждений в 1920-е – 1930-е годы подробно анализируется в нашей статье [См.: 4].

тикой сталинского государства, направленной на сворачивание деятельности общественных организаций. В это время бюрократизации, чистке и разгрому подверглись даже те квазиобщественные культурно-просветительные, научные и образовательные общества и объединения, которые были созданы самой властью. Наиболее ярким примером служит Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, распущенное в 1935 г. Во-вторых, динамичное развитие советской наградной системы и рост числа награждений уже в середине 1930-х годов делали создание и функционирование такого рода общества с массовым участием крайне проблематичной задачей⁶.

* * *

Документы, выявленные в Государственном архиве Российской Федерации, публикуется впервые. Текст документов передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, стилистические особенности документов сохранены. Даты и места создания документов устанавливались по их содержанию и по делопроизводственным пометкам.

№1⁷. Обращение инженера Ф.Ю.Малера⁸ к секретарю ЦИК СССР И.А.Акулову⁹

[г. Москва, не позднее 7 августа 1935 г.]¹⁰

Дорогой тов. Акулов! Имея сделать ЦИКу Союза одно предложение, касающееся нас – орденоносцев, но одновременно боясь впасть в какую-

⁶ В публикуемых ниже документах орфография и пунктуация приведены в соответствии с современными правилами русского языка

⁷ Публикуется по: [1, оп.37, д.60, л.1–2 об. Рукописный подлинник].

⁸ Малер Бенно-Фридрих Юльевич (16 августа 1901 г.–?), уроженец города Двинск (Даугавпилс) Витебской губернии, немец по национальности, из мещан, гражданин СССР. По профессии инженер-взрывник. В 1942 г. проживал в городе Асбест Свердловской области. 23 марта 1942 г. Березовским РВК Свердловской области мобилизован в числе советских немцев в рабочие колонны (трудармию). Направлен на работу в Тагилстрой НКВД. Освобожден 1 апреля 1946 г.

⁹ Акулов Иван Алексеевич (12 апреля 1888 г. – 30 октября 1937 г.), советский партийный и государственный деятель. В 1933–1935 гг. прокурор СССР, с марта 1935 по июль 1937 г. секретарь ЦИК СССР. Репрессирован по обвинению в участии в контрреволюционном военном заговоре. Расстрелян.

¹⁰ Документ датирован по дате на штампе входящей корреспонденции Секретариата ЦИК СССР.

либо ошибку, я обращаюсь лично к Вам, тов. Акулов, с надеждой получить от Вас товарищеский совет по затрагиваемому мною вопросу.

Дело в следующем: старые большевики – бывшие политкаторжане и ссыльнопоселенцы, дружинники 1905 г., красногвардейцы и красные партизаны, инвалиды войны – все объединены какими-либо обществами, ассоциациями и т.п. Одни лишь орденосцы, получив от правительства знаки высшей награды, разъезжаются по всему Союзу, не имея даже связи между собой.

Раньше я не задумывался над этим вопросом, считая, что каждый орденосец, являясь передовиком у себя на производстве, этим самым и исчерпывает все. Однако события последних 8–9 месяцев (заставшие меня в командировке в Тайге¹¹) изменили мой взгляд и заставили меня считать необходимым создание какого-то общения между всеми орденосцами Союза.

Как приятно было читать в газетах призыв Героев Советского Союза по поводу убийства т. Кирова и их лозунг – «Охранять вождей, как знамя в бою»¹². А ведь за это время было много событий, на которые могло бы реагировать общее мнение орденосцев Союза: 1) Всесоюзный съезд Советов¹³. 2) Смерть т. Куйбышева (которого многие из нас знали лично)¹⁴. 3) Гибель самолета-гиганта «Максим Горький»¹⁵. 4) Всемирный конгресс Коминтерна¹⁶. 5) Культурная конференция Восточной Сибири¹⁷ и

¹¹ Очевидно, речь идет о городе Тайга Западно-Сибирского края (сегодня Кемеровская область).

¹² Призыв под заголовком «Охранять жизнь вождей, как знамя на поле битвы», был опубликован в газете «Правда» 2 декабря 1934 г. за подписями Героев Советского Союза, летчиков А.В.Ляпидевского, Н.П.Каманина, М.Т.Слепнева, М.В.Водопьянова и И.В.Доронины. После этой публикации призыв неоднократно воспроизводился в различных резолюциях и письмах в связи с убийством Кирова [См., например: 2].

¹³ VII Всесоюзный съезд Советов проходил в Москве 28 января – 6 февраля 1935 г.

¹⁴ Член Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП (б), председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР В.В.Куйбышев скончался 25 января 1935 г.

¹⁵ 8-моторный самолет АНТ-20 «Максим Горький» разбился 18 мая 1935 г. в результате столкновения с истребителем И-5. Жертвами авиакатастрофы стали 49 человек.

¹⁶ Седьмой конгресс Коммунистического интернационала проходил в Москве 25 июля – 20 августа 1935 г.

¹⁷ Речь идет о Первой конференции советских писателей Восточно-Сибирского края, которая состоялась в Иркутске 5–9 февраля 1935 г.

т.п. Это все вопросы внутренние, а сколько могло и может иметь место вопросов внешнего порядка?

Второй вопрос – это вопрос чести орденов Советского Союза, – я пока не знаю случаев, но они ведь могут и иметь место: ведь великая награда, выделяющая нас среди миллионов ударников нашего Союза, заставляет нас в основном быть ужасно чуткими к самим себе, быть такими, чтобы ни одно, даже маленькое, упущение не омрачило достоинства ордена, украшающего твою грудь. А кому же лучше всего следить за тем, чтобы орденосцы не роняли своего достоинства, как не им самим, объединенным в каком-нибудь виде.

Третий вопрос – почти ежегодно собираются лучшие колхозники на съезды, собирается бесчисленное количество слетов ударников, но не было ни одного слета или съезда орденосцев, на котором бы слышалось, как за время с момента награждения мы получали неоднократно премии за хорошую работу, некоторые награждены повторно. В общем [важно], что никто не почил на лаврах, а с еще большим упорством работает над собой, над товарищами и в производстве, претворяя в жизнь все заветы и указания любимых наших вождей Ленина и Сталина.

И, наконец, последний вопрос: в такие города, как Москва, Ленинград, Киев, приезжают наши товарищи-орденосцы, чтобы хоть раз увидеть наши прекрасные социалистические столицы, и, прежде всего, упираются в невозможность попасть даже в гостиницы. Тут-то и могло бы прийти на помощь братское объединение. Мы могли бы иметь дом (как назвать его, безразлично: дом героя, дом орденосца и т.д.), являющийся клубом всех орденосцев, имеющий при себе общежитие или гостиницу, издающий ежемесячный журнал, имеющий юридическую консультацию и т.д.

Ведь, т. Акулов, мы все, имеющие ордена и отличия, не смотрим на них как на «иконостас» на груди. Ведь недаром лучшие наши орденосцы: т.т. Ворошилов, Блюхер, Буденный, Егоров и другие – носят все свои повторные награждения на груди. По-моему, ордена и отличия нам нужны, нужны как факторы с энтузиазмом строящегося социализма, как факторы воли к миру и готовности защищать наше Социалистическое Отечество до последней капли крови. Но раз нужны ордена, то нужно и какое-то объединение всех орденосцев.

Дорогой т. Акулов, я еще раз прошу прощения, что задержал Ваше внимание чтением этого письма, но прошу Вас убедительно дать мне Ваш товарищеский ответ в этом вопросе и, если мой взгляд, хотя бы частично, правилен, продвинуть его в соответственных инстанциях.

«ОРДЕНА И ОТЛИЧИЯ НАМ НУЖНЫ»

Я хотел бы послать это письмо нашему лучшему другу тов. Сталину, но боялся урвать хоть минуту от драгоценного, всегда на пользу трудящихся направленного времени. Ему я могу лишь (хотя бы он этого и не знал) всегда желать здоровья и бодрости, ибо его здоровье и бодрость – это наше преуспевание, это бодрость всего трудового человечества¹⁸.

Ожидая Вашего товарищеского совета,

С краснознаменным приветом, Малер.

[Мой адрес:] платформа Перловская Севжелдор, Лесная ул., дом №9 «Союзвзрывпрома», кв. №3, Фридрих Юльевич Малер.

Работаю: Москва, Большой Черкасский пер. 4, помещение 13, научно-экспериментальный сектор треста «Союзвзрывпром», и.д. старшего инженера. Награжден: орденом «Трудовое Красное Знамя Союза ССР» за №207, орденовая книжка №9442.

№2¹⁹. Анонимное обращение политруков частей РККА в Заполярье к председателю ЦИК СССР М.И.Калинину

[Заполярье, не позднее 2 октября 1937 г.]²⁰

Уважаемый наш Вождь, Михаил Иванович Калинин! Уже долгое время нас, политруков далекого Заполярья, волнует весьма существенный вопрос. За последние два года по нашей Рабоче-Крестьянской Красной армии было награждено высшими наградами – орденами – очень много командиров. В большинстве награжденных были лейтенанты, воентехники, инженеры и т.д.²¹ Сотая доля процента падает на людей, которые

¹⁸ На письме имеется рукописная пометка: «В архив. Это нецелесообразно. 18/VIII-35 [Подпись]. Доложено И.А. [Акулову]».

¹⁹ Публикуется по: [1, оп.30, д.605, л.9–10. Рукописный подлинник].

²⁰ Датировано по штампу входящей корреспонденции Секретариата ЦИК СССР. На письме присутствует рукописная резолюция от 5 октября 1937 г.: «В архив».

²¹ В 1936–1938 гг. центральные советские газеты регулярно публиковали списки лиц, награжденных ЦИК СССР орденами и медалями. Зачастую такие списки насчитывали сотни имен. Один из наиболее обширных опубликованных списков командиров, политработников, инженеров и техников РККА включал в себя 488 человек, награжденных в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 2 января 1937 г. Только за время с 15 июля 1937 по 1 января 1938 г. численность советских граждан, награжденных орденом Ленина, составила 534 человека, орденом Трудового Красного Знамени – 651, орденом Знак Почета – 2 711, орденом Красной Звезды – 2 251 и орденом Красного Знамени – 1 963 человека. Статистика награжденных боевыми орденами выглядит еще более впечатляющей в динамике. Численность награжденных орденом Красного Знамени за

непосредственно в гуще масс наших бойцов проводят генеральную линию нашей партии, воспитывая непосредственно бойцов в духе высокой политической идейности и большевистской целеустремленности, в непримиримой борьбе с врагами родины, на решение почетнейшей задачи – охраны нашей родины. Эти люди – политруки частей. Мы теперь твердо уверены, что эта недооценка нас, руководителей низов, имеющих в большинстве небольшую долю в качестве...²² награждений, выполняющих непосредственно партийные задачи – эта умышленная недооценка – дело рук презренных предателей родины, фашистских собак Гамарников, Тухачевских и их сообщников. Среди нас немало достойных товарищей, преданных и высококачественных работников. А у нас, политруков Заполярья, работающих в чрезвычайно трудных условиях, в большой оторванности от культурных центров и т.д., в особенности. Сравнивая ряд награжденных товарищей с нашими политработниками, мы можем твердо сказать, что многие не стоят орденов, ибо в результате они оказываются вредителями. Наступает XX годовщина Великого Октября. Мы надеемся, что, отмечая огромнейшие завоевания нашей дорогой Родины, будут отмечены достойные из нас, и почетные люди в наших рядах умножатся.

От группы политруков Заполярья.

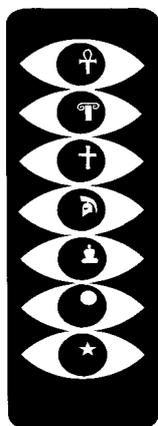
Библиография

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф.3316. Оп.30. Д.597; Д.605; Оп.37. Д.60.
2. Открытое письмо рабочих московских заводов к пролетариям города Ленина // Правда. 1934. 4 декабря.
3. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (май 1917 – май 1921 г.): Сб. док. / Сост. и науч. ред. В.И.Шишкин. Новосибирск: Автограф, 2015. – 421 с.
4. Савин А.И. «Мы беззаветные герои все...». Феномен социальной мобильности советского общества в свете его героизации (1920-е – 1930-е годы) // Россия. XXI. 2015. №3. С.56–82.

вторую половину 1937 г. составила около 55% всех награждений этим орденом за 1924–1937 гг. (всего 3 544), численность награжденных орденом Красной Звезды – около 72% всех награждений этим орденом за 1930–1937 гг. (всего 3 120) [См.: 1, оп.30, д.597, 32, 67].

²² *Неразборчиво. Возможно, в «качестве объекта награждений».*

5. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России в XX веке. М.: РОССПЭН, 2011. – 373 с.
6. Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2003. – 256 p.
7. Fitzpatrick Sh. Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton University Press, 2005. – 332 p.
8. Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. University of Pittsburgh Press, 1999. – 488 p.
9. Halfin I. Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. University of Pittsburgh Press, 2007. – 416 p.
10. Hellbeck J. Self-Realization in the Stalinist System: Two Soviet Diaries of the 1930s // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / hg. v. M. Hildermeier. Munchen: R. Oldenburg Verlag, 1998. S. 275-290.
11. Hellbeck J. (ed.) Tagebuch aus Moskau 1931–1939. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1996. – 329 S.

Жорес Медведев

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
929.82-94

Мое выступление 8 октября 1974 г. в Комитете по иностранным делам Сената США обсуждавшего «Поправку Джексона» стало поводом «Открытого письма Лидии Чуковской и Льва Копелева Жоресу Медведеву», сокращенный текст которого передавался иностранными радиостанциями. Авторы письма утверждали, что я возражал выдвижению академика А.Д.Сахарова на Нобелевскую премию мира. Между тем этот вопрос на «Слушаниях» в Сенате не обсуждался. Среди диссидентов в Москве был распространен ложный текст «выступления» Медведева. С середины ноября я был зачислен старшим научным сотрудником Национального Института медицинских исследований в Лондоне и смог возобновить исследования биохимии старения. Важным событием 1974 года было создание Владимиром Максимовым и Солженицыным журнала «КОНТИНЕНТ». Большое внимание привлекла в декабре 1974 года церемония вручения Нобелевской премии по литературе Александру Солженицыну.

My report at the "Hearing" of the US Senate Foreign Affairs Committee on "Jackson Amendment" on October 8th 1974 produced an "Open Letter by Lidya Chukovskaya and Lev Kopelev to Zhores Medvedev" which was broadcasted by foreign radios. Both authors criticised me for negative attitude on awarding The Nobel Peace Prize to Andrey Sakharov. This criticism was based on false information. In November 1974 I was appointed as Senior Reserch Scientist of the National Institute of Medical Research and was able to resume my study of biochemistry of ageing. In 1974 Vladimir Maximov and Solzhenitsyn founded a new literary-political journal "KONTINENT". Attention of western press in December of 1974 was also attracted by the ceremony of the presentation of Nobel Prize for Literature to Alexander Solzhenitsyn.

Ключевые слова: Лев Копелев; Лидия Чуковская; Нобелевская премия мира; журнал «Континент»; Александр Солженицын; Андрей Сахаров.

Key Words: Lev Kopelev; Lidya Chukovskaya; Nobel Peace Prize; Kontinent; Alexander Solzhenitsyn; Andrei Sakharov.

E-mail: zhmedvedev@yahoo.co.uk

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2015. №3, 4.

**Лидия Чуковская
и Лев Копелев**

В Лондон я вернулся в среду 13 ноября. В пятницу 15 ноября началась моя штатная работа. В Институте² меня ждало множество писем и бандеролей. Рой продолжал пересы-

лать в Лондон книги из нашей научной и общей библиотеки, к ноябрю 1974 г. мы получили уже около 500 книг. Почта на мое имя приходила обычно в институт, письма для Риты и Димы доставляли на наш домашний адрес.

Среди писем, пришедших в институт, я нашел и конверт от Копелева с маркой ФРГ. Письмо, датированное 19 октября, отправлялось из Франкфурта на Майне 25 октября и пришло в Лондон 27 октября.

У Льва Зиновьевича Копелева была давняя дружба с Генрихом Бёллем, который в 1972 году удостоился Нобелевской премии по литературе. Копелев, ветеран войны и реабилитированный узник лагерей, был литературоведом-германистом, автором книг о Генрихе Гейне, Генрихе Манне, Бертольде Брехте и других немецких классиках. Однако осенью 1968 года Копелева исключили из КПСС и из Союза писателей за открытую критику вторжения советской армии в Чехословакию. Теперь его работы никто не публиковал. К 1973 году Копелев и его жена Раиса Орлова, также литератор, сильно нуждались, и немецкие друзья регулярно присылали им посылки, приходившие в посольство ФРГ в Москве. Атташе посольства по культуре присылал Копелеву формальные приглашения, которые позволяли ему посещение посольства без проблем с охраной. Тот же атташе отправлял письма Копелева друзьям в Германии дипломатической почтой. Копелев обеспечивал по этому пути и конфиденциальную переписку Солженицына с его адвокатом и с немецкими издателями.

Я познакомился с Копелевым в 1962 году, в связи с циркуляцией моей рукописи «Биологическая наука и культ личности». В том же году и по той же причине я познакомился и с Лидией Корнеевной Чуковской. Рой знал Копелева с 1964 года и регулярно с ним встречался. Лев Зиновьевич, в отличие от Чуковской, был очень общительным человеком. Копелева и Чуковскую объединяла, в основном, дружба с Солженицыным. Активной правозащитной деятельностью, за пределами литературных кругов, они не занимались. С Сахаровым Чуковская и Копелев

² *Национальный институт медицинских исследований [см.: 1].*

познакомились лишь осенью 1973 года, когда против него началась «газетная кампания». После моего отъезда в Лондон у нас сохранялась переписка, письма от Копелева приходили из ФРГ, письма от Чуковской – обычной, но заказной почтой.

Письмо от моих друзей на 6 страницах оказалось необычным во многих отношениях. Вместо прежнего «Дорогой», они писали «Многоуважаемый». Письмо было ответом «на то, что мы прочитали в тексте Вашей речи перед Сенатом США (8 октября)». Однако из всего письма было очевидно, что подлинного текста моего выступления в одном из Комитетов Сената они не видели и действительно полагали, что я выступал с «речью» перед всеми сенаторами. Оскорбившие меня фразы о том, что Медведев оказался «пособником гонителей Сахарова» и «разрушает надежды нашей интеллигенции», «Сегодня Вы помогаете не жертвам, а палачам», в письме присутствовали. Были и высокопарные фразы о Сахарове, «один из величайших людей, когда-либо рожденных Россией», и о том, что «в политическом споре с Сахаровым нельзя забывать о нравственном величии оппонента», которые совершенно не нужны в частном письме, тем более что я знал Сахарова намного дольше и вел с ним переписку до осени 1973 года.

«Мы написали это письмо непосредственно Вам и только Вам – и покажем его лишь немногим из своих близких друзей... Нам было бы больно, если бы Ваши новые выступления вынудили и нас выступить против Жореса Медведева открыто». Последняя фраза была совершенно неприемлемой угрозой и делала продолжение дружеских отношений невозможным. Это тем более относилось и к их рекомендации... «Ваш разум и Ваша совесть помогут Вам с достоинством исправить ошибки, совершенные Вами в запальчивости или из-за отсутствия сведений». Для частного письма такая декларативность была излишней.

Письмо, судя по стилю, было написано Чуковской, но не без внешнего влияния, и отпечатано на ее пишущей машинке. Лев Копелев его подписал и отправил. Я ответил обычной почтой, в умеренно резкой форме, отметив, что их «конфиденциальное» письмо уже передавалось и на английском, и на русском западными радиостанциями 7 ноября. Изложение «Открытого письма», «переданного в Москве западным корреспондентам», было опубликовано 7 ноября и в газетах, в частности в лондонской газете *The Guardian* под заголовком «Медведев выступает против Нобелевской премии» (“Nobel award Discouraged by Medvedev”). Каким образом частное письмо стало «открытым», я выяснить не смог. Я подчеркивал, что реального текста моего выступле-

ния в Комитете Фулбрайта они явно не читали. О Сахарове я нигде: ни в Осло, ни в Вашингтоне – не говорил и проблемы Нобелевской премии не обсуждал. Но это не значит, что я одобряю сахаровское «Письмо Конгрессу» и другие заявления Сахарова по поводу «разрядки» и «Поправки Джексона».

В накопившейся в институте почте было и конфиденциальное письмо от Роя, датированное 25 октября и с австрийской маркой. Это указывало на то, что Рою помог его отправить дипломатической почтой Питер Оснос (Peter Osnos), московский корреспондент газеты *Вашингтон Пост*, сменивший в середине 1974 года Роберта Кайзера. Рой отвечал на мою открытку из Вашингтона, отправленную 9 октября: «Л.З. и Л.К. послали тебе частное письмо по поводу доклада в Конгрессе. Мне они дали прочесть это письмо, я считаю, что оно неприемлемо ни по форме, ни по содержанию. Это истерическое дамское письмо вполне в духе жены Сахарова, из разговоров с которой и почерпнуты, вероятно, его основные идеи. Я сказал все это Л.З. (Л.К. я вообще не знаю и никогда не встречал). От Л.З. я не ожидал подобных писем».

Теперь я написал Рою письмо и приложил к нему копию моего ответа Чуковской и Копелеву. Открытый конверт, подписанный «Для Роя», я вкладывал в письмо, адресованное Питеру Осносу, но не в Москву, а в Хельсинки. Конверт (или в других случаях бандероль) надписывались: “Peter Osnos, The Washington Post, Post Box M. American Embassy, Helsinki, Finland”. Обратным адресом ставился лондонский офис той же газеты. Для бандеролей Р.Кайзер, часто бывавший в Лондоне, оставил мне пачку фирменных адресных наклеек своей газеты. Это облегчало прохождение писем и бандеролей через американскую посольскую цензуру. Из Хельсинки в Москву почти каждый день отправлялся по железной дороге запломбированный вагон с почтой и посылками, нередко продовольственными, от родных и друзей сотрудников Посольства США в Москве. Из Вены дипломатическая почта отправлялась в Москву самолетом в сопровождении дипкурьера³.

Рой ответил мне в письме от 29 ноября, что Копелева он не смог увидеть, он находился в больнице с воспалением легких... «Его жена Раиса Орлова объяснила мне по телефону, что сообщение об "открытом письме" пошло в эфир от агентства "Франс пресс", причем это агентство получило в Москве текст на одной странице (вместо 6) без начала и без

³ Разгрузка американского вагона в Москве на Ленинградском товарном терминале производилась советскими рабочими, и кое-что поэтому могло пропадать.

конца и без всяких оговорок. Это было чье-то изложение, составленное по памяти после прочтения. Я почему-то думаю, что это сделала жена А.Д. – у нее связь со всеми корреспондентами...»⁴.

Ответ от Лидии Корнеевны, датированный 5 декабря, пришел заказным письмом. Это был целый памфлет на семи страницах с множеством высокопарных фраз и с уверениями в том, что с текстом подготовленного Медведеву письма «мы ни разу не разлучались. Если выносили из дому, то давали читать при себе и сами уносили обратно. Ни один экземпляр никем не был скопирован. Я лично показала свой – четырем людям, включая А. Д. и его жену...

Что же случилось?... Случилось несчастье. Мы и Вы – преданы, проданы, обмануты и вывалены в грязь...

Л.К.Чуковская

Подслушавшие аппараты? они умеют подслушивать, но не умеют вставлять того, о чем не говорилось. Стало быть – люди... Возле». Это «возле» означало, что Лидия Корнеевна имела в виду кого-то из своих знакомых.

Объяснительное письмо от Копелева, датированное 10 декабря, пришло из ФРГ. Он сообщал, что распространителем «фальшивки» «был некто Владимир Вишневский, французский гражданин русского происхождения, сотрудник Франс Пресс... Текст фальшивки мы тоже прочли и убедились, что в нем присутствуют лишь несколько отрывков фраз из подлинного письма: остальное нарочито грубый искажающий "пересказ"».

Копелев попытался предположить, что вся эта история является провокацией КГБ, который подслушал их разговоры при подготовке «Письма Медведеву».

Я не стал отвечать ни Чуковской, ни Копелеву. Моя переписка с ними полностью прекратилась. Оправдываясь, они вводили меня в заблуждение. Агентство «Франс Пресс» («Agence France Presse») и его бывший корреспондент Вишневский не имели к передаче в эфир и в прессу

⁴ А.Д. – означало Андрей Дмитриевич Сахаров.

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

текста Чуковской и Копелева никакого отношения. Весь этот материал распространялся вечером 6 ноября на английском языке американским агентством «Юнайтед Пресс Интернешнл» (UPI), самым крупным в мире агентством новостей, штаб-квартира которого находилась в Вашингтоне. В Лондоне репортаж в *Гардиан*, лейбористской газете, подготовил Джонатан Стил, с которым я уже был знаком. В Англии подобного рода материалы проверяются на достоверность, чтобы избежать возможного суда «за клевету» (libel).

Я позвонил Джонатану прежде, чем отправить ответы Копелеву и Чуковской. Он мне объяснил, что получил текст из Лондонского отделения UPI 6 ноября и что его заверили, что у них есть русский оригинал, полученный 6 ноября их московским корреспондентом от надежного источника. Имена «источников» агентствами новостей никогда не раскрываются. В репортаже *Гардиан* также сообщалось: «Меньше чем год назад Чуковская, автор преимущественно книг для детей, назначила Д-ра Медведева своим агентом на Западе и просила, чтобы все ее гонорары поступали к нему». Эти сведения могли исходить только от Чуковской. Три цитаты из письма Чуковской и Копелева, которые Джонатан Стил приво-дил в своей статье, полностью соответствовали оригиналу. Это относилось и к последней фразе-рекомендации, которую я процитировал выше.

Л.С.Копелев

Станным для меня казалось, вообще, обсуждение этой мелкой, частной истории в радиопередачах и в серьезных газетах, читатели которых не могли знать ни Копелева, ни Чуковскую. Их письмо – это не «событие» для страниц международной прессы, тем более на 7 ноября. Протолкнуть ее в разряд «сенсаций дня» могли лишь заинтересованные и известные люди, пожелания которых западные корреспонденты в Москве привыкли выполнять.

В газету *Гардиан* я написал короткое письмо, которое было опубликовано 4 декабря в рубрике «Письма в редакцию» под заголовком “Nobel

of ignoble?» («Благородный или позорный»). Я не спорил с содержанием статьи Дж.Стила, а лишь отмечал, что письмо моих друзей, датированное 19 октября, было сугубо конфиденциальным, а не «открытым» и попало через две недели к журналистам в Москве странным путем.

Полной разгадки этой истории нет и до настоящего времени.

С Л.З. Копелевым Рой, а затем и я восстановили отношения. Он был благородным человеком и принес извинения. У него, кроме того, как сообщал Рой, обострилась аденома предстательной железы, и срочно были нужны лекарства. Сыграло некоторую роль и «самиздатное» стихотворение о Копелеве, написанное Евгением Евтушенко летом 1974 года в Коктебеле:

Допотопный человек

*Человек седой, но шумный,
очень добрый, неразумный,
отчего он молодой
с громогласными речами,
с черносливными глазами
и библейской бородой?*

*Раскулачивал в тридцатых,
выгребая ржи остаток
по сараям, по дворам.
Был отчаянно советский,
изучал язык немецкий
и кричал: "No pasaran!"*

*В рупор, треснувший в работе,
сыпал Шиллера и Гёте,
агитируя врага.
Защитил однажды немку
и почувствовал системку
ту, которой стал слуга.*

*Но остался он вчерашним
на этапах и в шарашке.*

.....

*Он постукивает палкой,
снова занят перепалкой.
Распесочить невтерпеж
и догматика, и сноба...
Боже мой, он верит снова,
А во что – не разберешь.*

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

*Ребе и полуребенок,
Бузотер, политработник,
меценат, но без гроша,
И не то чтоб золотая,
Но такая заводная
золотистая душа!*

Евгений Евтушенко. 20 мая 1974. Коктебель.

Работа в институте. Десятый конгресс по геронтологии

Работа в отделе генетики института, уже не добровольцем, а штатным сотрудником, отодвигала все остальные проблемы на второй план. Эксперименты и анализы не прекращались и во время моих отъездов, но на минимальном уровне освоения методик. Я постоянно следил за литературой, участвовал в лабораторных семинарах и готовил обзоры и теоретические статьи. Теперь я имел право на бюджетные фонды отдела и мог для нашей группы увеличить колонии мышей и крыс в виварии и заказать меченые радиоактивными изотопами аминокислоты. Это позволяло дополнить изучение состава белков клеточных ядер в разных органах и тканях (тканевая и возрастная специфичность) определением и динамики их синтеза и распада. Через год–два все сравнения можно будет осуществлять и в связи с возрастом. В 1974 году старых лабораторных мышей и крыс у нас еще не было. Среди экспериментальных методик теперь добавлялись хроматография на колонках, определения радиоактивности и радиоавтография.

В лаборатории белка в Боровске, где я работал в 1971–72 годах, использование радиоактивных изотопов не предусматривалось и объектами исследований были не лабораторные, а сельскохозяйственные животные. В Обнинске работа с радиоактивными изотопами была возможна и мы ее проводили. Но в СССР еще не производили радиоактивных аминокислот с мечеными атомами в определенном положении в структуре их молекул. В Лондоне в нашем отделе применялись сцинтилляционные счетчики, обеспеченные системой автоматической записи результатов. Очень малые количества белков, разделенных хроматографией на биогеле, смешивались со сцинтиллирующей жидкостью (продуцирует световые сигналы на электроны) и помещались в особые кюветы «на конвейере» в счетную камеру. Вся система включалась на ночь, и утром экспериментатор получал ленту цифровых записей. При радиоав-

тографии разная радиоактивность белковых фракций и субфракций была видна визуально и могла быть определена количественно и сравнительно с помощью спектрофотометрического сканирования. Идею нашего первого опыта я уже упоминал. Один из пяти основных гистонов (F1) по данным прежних анализов, вошедших уже в учебники биохимии, не содержал метионина, аминокислоты, в состав которой входила сера. В 1973 году мы смогли показать, что этот белок можно было разделить электрофорезом в гелях на субфракции F1 и F1_o. При этом фракция F1_o оказалась тканевоспецифичной. Она присутствовала в органах со стабильным составом клеток (печень, почки) и не появлялась в тканях, клеточный состав которых активно обновлялся (вилочковая железа или тимус).

Повторение этих анализов на крысах, которым производились инъекции радиоактивного по сере (S-35) метионина и радиоактивного по водороду (H-3) лейцина быстро обнаружило, что радиоактивная сера присутствует не только в гистонах F2A, F2B, F3 и F4, но и в субфракции F1_o. Гистон F1 не включал при своем синтезе метионина. Этот результат был «обнаружением метионин-содержащей субфракции лизин-богатого гистона F1». Для общей биохимии или генетики этот новый факт ничего серьезно не менял. Но для более узкой области биохимии гистонов – щелочных кислотно-растворимых белков клеточного ядра, контролирующей конфигурацию структуры ДНК, – наши данные имели определенное значение. Они могли привлечь интерес и стимулировать дополнительные исследования в других лабораториях, изучавших преимущественно гистоны. Таких лабораторий в мире было около 100. Эти результаты можно было оформить в статью для хорошего биохимического журнала. По договору с Медицинским советом моя работа научного сотрудника оценивалась почти исключительно по публикациям именно результатов экспериментальных исследований.

В июне 1975 года в Иерусалиме планировался Десятый международный геронтологический конгресс, Президентом которого был Председатель геронтологического общества Израиля Давид Даннон. Однако общая подготовка конгресса осуществлялась Дмитрием Чеботаревым, ставшим в Киеве в 1972 году Президентом Международной ассоциации геронтологии (IAG). Международная ассоциация, по традиции, осуществляла приглашение лекторов и руководителей симпозиумов, тогда как Национальный израильский оргкомитет ведал организацией секций конгресса и постерных сессий, открытых для свободного участия всех геронтологов. Как член Американского геронтологического общества, я

получил приглашение и регистрационные формы и, заплатив регистрационный взнос, мог приехать на конгресс либо как участник без доклада, либо сделав заявку на доклад на той или иной секции. Я выбрал вторую возможность, послав в Израиль для секции биохимии реферат о возрастных изменениях спектра гистонов в органах мышей. Старых мышей у нас еще не было, но сравнение состава фракций этих белков у молодых и взрослых животных стало уже возможным. Начиная с Пятого геронтологического конгресса в Сан-Франциско, я делал попытки личного участия во всех последующих – Шестом в Копенгагене, Седьмом в Вене, Восьмом в Вашингтоне и Девятом в Киеве. Но все они кончались неудачами. Десятый конгресс мог стать первым, менявшим эту тенденцию. Да и сама поездка в Израиль была для меня очень интересной. Я поэтому запланировал трехнедельную поездку в Израиль, которая начиналась с Хайфы, где находился Институт геронтологии Израеля, посещение Тель-Авива и Конгресса в Иерусалиме, назначенного на 22–27 июня. Мы с Ритой планировали ехать в Израиль вместе. Однако в конце 1974 года из Калинина поступило тревожное сообщение. У отца Риты, Николая Александровича, произошел инсульт, вызвавший частичный паралич. Ему недавно исполнилось 72 года. Нужно было организовать поездку Риты домой. Она имела советский, но уже «консульский» паспорт, который не давал права на свободный въезд в СССР без визы. Для такой визы в Консульстве требовали справки из больницы и формальное приглашение от родственников через ОВИР МВД. Для возвращения в Великобританию нужна была «возвратная виза» от Foreign Office, британского МИДа. Все эти формальности могли растянуться на два–три месяца, и сроки возможного пребывания в СССР зависели от многих непредсказуемых обстоятельств.

**Появление журнала
Континент**

За пределами СССР к концу 1974 года существовало лишь три ежеквартальных «толстых» журнала на русском языке, в которых публиковались литературные и публицистические произведения. Я уже рассказывал о *Новом журнале* в Нью-Йорке, который был основан в 1942 году представителями первой эмиграции из России и сейчас редактировался писателем Романом Гулем. В Европе издательство НТС «Посев» во Франкфурте выпускало журнал *Грани*, Главным редактором которого была Н.Б.Тарасова. В Париже под редакцией Никиты Струве издавался *Вестник русского христианского*

движения. Тиражи каждого из этих журналов не превышали тысячи экземпляров. Каких-либо талантливых или просто заметных литературных произведений в этих журналах в последние два года не появлялось, и интерес к ним в СССР был минимальным. Рой, Валентин Турчин, Владимир Лакшин, Василий Аксенов, Владимир Дудинцев и другие друзья, с которыми у меня была открытая или конфиденциальная переписка, иногда просили прислать для них некоторые книги, но среди этих просьб не было журналов. Я был подписан на *Новый журнал*. Наибольшей и постоянной популярностью среди моих друзей пользовались произведения Михаила Булгакова, Владимира Набокова, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Евгения Замятина, Бориса Пильняка, Бориса Пастернака, Николая Бердяева, Михаила Зощенко, Осипа и Надежды Мандельштам. Эти книги многократно переиздавались эмигрантскими издательствами, так как на них существовал постоянный спрос и в западных странах. Среди книг современных авторов популярностью пользовалась документальная повесть о женских лагерях на Колыме «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург. Гинзбург жила в Москве, ее сын Василий Аксенов мог выезжать за границу без проблем. Книга Гинзбург, изданная на русском в Италии, не считалась, по-видимому, антисоветской, хотя повествовала о тех же проблемах, что и «Архипелаг ГУЛаг». Многие книги я посылал через дипломатические каналы с помощью иностранных корреспондентов, в основном американских и скандинавских.

Но произведения Бунина, Зощенко, Булгакова, Цветаевой и некоторых других авторов можно было посылать и обычной заказной почтой. Почтовая цензура («Черный кабинет») работала с 1973 года совместно с таможенной проверкой. Для ликвидации или конфискации нежелательных заказных бандеролей следовало составлять Акт, указывая причину. Таможенная проверка почтовых бандеролей существует во всех странах. В СССР, безусловно, был какой-то постоянно обновляемый список запрещенных антисоветских книг, но произведения Булгакова, Замятина или Пильняка в него не входили. Отправка книг друзьям была одной из форм материальной помощи. Поэтому я посылал в Москву, в Ленинград и в Тбилиси много западной классики и альбомов с репродукциями знаменитых художников. Существовал спрос и на английские детективы. Журнал *Грани*, как орган НТС, считался в СССР криминальным. *Вестник* давал приоритет религиозным проблемам. *Новый журнал*, в литературном отношении лучший из трех, почти не доходил из США до СССР. Для уже уехавших за границу советских писателей все эти три

журнала имели общий недостаток, они не платили авторских гонораров. У них не было щедрого финансирования.

Владимир Максимов, приехавший с женой в Париж весной 1974 года и не собиравшийся возвращаться, сразу взялся за создание многотиражного журнала на русском языке, который был бы по своей тематике и качеству произведений интересен и на родине и который имел бы достаточно большую финансовую базу для приличной оплаты произведений своих авторов. Проект предусматривал, что этот журнал должен выходить не только на русском, но и на основных европейских языках и публиковать, кроме русских авторов, произведения оппозиционных писателей из Польши, Венгрии, Чехословакии и других стран Восточной Европы. Главный редактор журнала, его заместители и некоторые члены редколлегии обеспечивались зарплатой, а авторы приличными гонорарами.

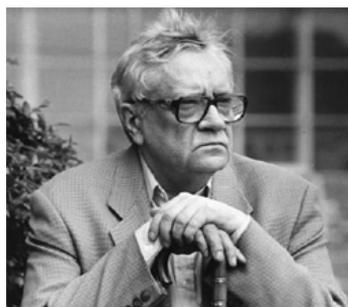
Но для запуска этого проекта и на первые два–три года разгона требовалась массивная субсидия. Ее важно было получить от какого-либо богатого, но независимого издательства.

Весь этот проект возник, безусловно, в связи с высылкой Солженицына, – это, по мнению многих, создавало новый антикоммунистический центр развития русской литературы в Западной Европе. Однако надежды на то, что Солженицын станет «объединителем русских писателей в эмиграции», казались мне утопическими. Я знал, что Солженицын, психологически сугубый индивидуалист, в составе редакционной коллегии работать не сможет. Сам Максимов был человеком конфликтным, малообразованным, нетерпимым и нетерпеливым и не имел качеств, необходимых редактору журнала. Толстые литературные журналы как форма реализации писательских талантов были исторической русской традицией. В английской, французской или немецкой литературе ее не было. Читать роман, с продолжением через каждые два или три месяца, в Англии и в США не умели. Литература в высокоразвитых странах Европы и в США была все же одной из форм развлечения (entertainment) и не имела политического веса. Конкуренция между разными формами развлечений, прежде всего между книгами и телевизионными сериалами, приводила к эволюции литературы в направлении остросюжетных произведений, триллеров, насыщенных невероятными событиями, приключениями и эмоциями. Возможность переработать сюжет и в телевизионный сценарий становилась приоритетом. В Советском Союзе тоже происходила эволюция литературы, но в другом направлении. Успех определялся не столько качеством прозы и точностью

зарисовок, сколько политической актуальностью темы. Литература стала одной из форм пропаганды.

Осуществление проекта Максимова требовало очень щедрого финансирования. Поиск богатых спонсоров в ФРГ был организован одним из лидеров НТС Евгением Романовым (настоящая фамилия Островский). Именно НТС организовал поездку Максимова по странам Западной Европы, а затем и встречу с Акселем Шпрингером, немецким миллиардером и газетным магнатом. Однако выделение средств Шпрингера Максимова, которого в Германии не знали, было нереальным. Максимов это понимал. Для успеха проекта следовало привлечь Солженицына. Через много лет в «Зернышке» Солженицын подтвердил то, что я знал по рассказам французских друзей еще в то время:

«...Однако чтобы Шпрингер дал на журнал деньги, весьма значительные, он должен был получить основательную рекомендацию, письменное поручительство, и Максимов не видел другой возможности, как от меня. С этим он и приехал в Цюрих...

Владимир Максимов

Но как не поддержать заведомо противобольшевицкое мероприятие?.. И – написал Максимова требуемую бумагу, так и заложив помощь от Шпрингера» [3, с.76].

Название нового журнала *Континент* также было предложено Солженицыным.

А.Шпрингер к 1974 году владел в Европе 230 газетами и журналами. Среди серьезных немецких газет ему принадлежала в ФРГ *Die Welt*, среди массовых – таблоид *Bild-Zeitung*, выходивший в ФРГ тиражом 10 миллионов экземпляров. Финансирование журнала *Континент* было для него мелочью, однако он не намеревался терять контроль над этим изданием, тем более что предполагалась публикация и его немецкого перевода.

Максимов поселился в Париже, и первоначальный проект предполагал, что новый журнал также будет издаваться в Париже. Концерн «Шпрингер» не хотел, однако, терять финансовый и организационный контроль за изданием, тем более что тираж немецкой версии мог превышать тираж русского оригинала. Поэтому весь проект был передан под управление издательству «Ullstein», принадлежавшему Шпрингеру

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

и расположенному в Дармштадте. Подписка на русское издание, 40 немецких марок на год, принимала книготорговая и издательская фирма A. Neimanis в Мюнхене. Русское издание *Континента* печаталось в типографии НТС во Франкфурте, принадлежавшей издательству «Посев». Адрес редакции или редактора в первых русских выпусках журнала не сообщался. В последующем возникло отдельное издательство для *Континента*, «Kontinent Verlag GmbH», также принадлежавшее Шпрингеру. Оно находилось в Западном Берлине (1 Berlin 61, Lindenstrasse 76). Этот факт не афишировался, так как новый *Колокол* не мог звонить на СССР ни из Мюнхена, ни из Западного Берлина.

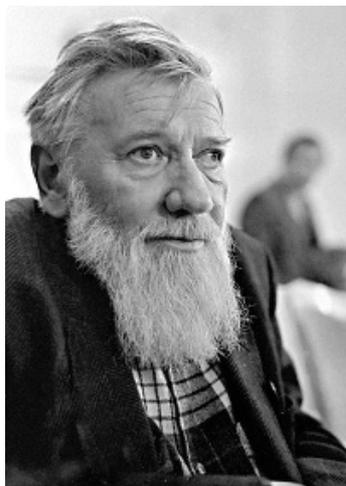
Я оформил подписку для получения двух экземпляров каждого номера (один для Роя) и получил первый номер журнала в ноябре. Полиграфическое качество издания было очень высоким, размер (410 страниц близкого к карманному формату) респектабельным. Редколлегия состояла из 20 человек, больше половины из них авторы из восточно-европейских стран, которых я не знал. Из числа русских писателей в редколлегию включили Виктора Некрасова и Александра Галича, недавно приехавших в Париж, а также Андрея Синявского, жившего в Париже с 1973 года. А. Солженицын в составе редколлегии не было. Это означало, что он отказался от, безусловно, сделанного ему приглашения. Но для первого номера он предложил публикацию одной из глав, не включенных в первое издание романа «В круге первом». Журнал объявлялся как «литературный, общественно-политический и религиозный». Среди целей журнала выделялся «БЕЗУСЛОВНЫЙ АНТИТОТАЛИТАРИЗМ, борьба против марксистского, национального и религиозного тоталитаризма». Первый русский номер журнала разошелся по миру общим тиражом в 7 000 экз. Половину тиража покупала американская сеть бесплатного распределения книг на русском и восточноевропейских языках «Universal Book Exchange». Эта оптовая закупка также была формой финансовой поддержки журнала. В последующем тираж не

Обложка 1 номера
журнала «Континент»

увеличивался, а несколько снижался. В Советский Союз, по заявлениям Максимова, попадало разными путями около 300 экз. Лично я рассматривал появление *Континента* очень полезным, прежде всего для формирувавшейся в Западной Европе новой русской литературной эмиграции.

Выход первого номера *Континента* приветствовался западной прессой: «Для критиков и ученых это было одним из важнейших событий года, – писала газета *Вашингтон Пост* 30 декабря, – возможность того, чтобы такие знаменитые писатели в изгнании, как Александр Солженицын, Андрей Синявский и Иосиф Бродский, все появились под одной обложкой... И здесь же опубликованы произведения крупнейших фигур из других стран, румынского автора Э.Ионеску, югославского Милована Джиласа, венгерского кардинала Миндсенти».

А.Д.Синявский

Однако «медовый месяц» нового журнала продолжался не больше двух недель. Солженицын, опубликовавший в первом номере приветственное «Слово к журналу», датированное июнем, был крайне возмущен очерком А.Синявского (Абрама Терца) «Литературный процесс в России» и сделал по этому поводу особое заявление. На 50 страницах довольно интересного текста о проблемах русских писателей в СССР Синявский ни разу не упомянул Солженицына. Это был явный ответ на отказ Солженицына подписать в 1966 году коллективный протест 60 писателей по поводу суда над Синявским – Терцем и Даниэлем –

Аржаком. «А в начале октября вышел 1-й номер "Континент", – писал позже Солженицын, – я вскипел от развязно-щегольской статьи Синявского, от его "России-суки". Увидел в том (и верно) рождение целого направления, злобного к России, – надо вовремя ответить, не для эмиграции, для читателей в России» [3, с.87].

Главное возмущение Солженицына вызвало спорное, но правомерное наблюдение Синявского о характере русского человека: «Русский

человек не в силах допустить, что какое-то зло от него, от русского человека, исходит. Потому что внутри (как всякий человек, вероятно), в душе он – хороший. Он не может представить, что в Русском государстве русские люди чувствуют себя плохо по вине таких же русских или по своей собственной вине. Русский – это свой. От своих зла не бывает, зло всегда от чужих. Российский антисемитизм – это форма отчуждения зла, это спихивание собственных пороков на "козла отпущения", на евреев...» [2, с.183–184].

В дополнение к первым проблемам *Континента* Генрих Бёлль и Гюнтер Грасс опубликовали в немецкой прессе «Открытое письмо» Солженицыну и Максимову с критикой обращения за помощью в издании журнала к концерну Шпрингера. У Грасса и особенно у Бёлля с газетной империей Шпрингера была давняя вражда. Солженицын и Максимов по отдельности, но очень резко ответили немецким писателям. На русском языке этой полемики я не нашел. Дружба советской писательской эмиграции с немецкими социал-демократами окончилась.

**Атака на книгу
«К суду истории»
Роя Медведева**

13 декабря мне позвонил Рой. «По "Свободе" передавали пресс-конференцию Солженицына в Стокгольме по случаю вручения ему Нобелевской премии, – сказал он, – я не

слушал, но мне сказали, что он ругал мою книгу "К суду истории"... узнай, если можно, что там было...»

Я в Лондоне не слушал русских передач «Свободы» и не знал об этой пресс-конференции. О вручении Солженицыну медали лауреата Нобелевской премии 10 декабря были публикации в лондонских газетах, вместе с фотографией. Но о пресс-конференции Солженицына, которая состоялась 12 декабря, никаких подробностей не сообщалось. Однако лондонского корреспондента «Свободы» Леонида Владимировича Финкельштейна, выступавшего под псевдонимом «Владимиров», я знал. Он в прошлом работал в журнале *Знание – сила* и не возвратился в Москву из командировки в Лондон в 1966 году. Он со мной несколько раз разговаривал по телефону в связи с просьбами об интервью, от которых я обычно отказывался. Я позвонил теперь ему относительно пресс-конференции Солженицына в Стокгольме. Дня через три или четыре Финкельштейн прислал мне копию машинописного текста магнитофонной записи этой пресс-конференции, которую «Свобода» рассылала по эмигрантским русским газетам и журналам. Пресс-

конференция продолжалась около четырех часов и состояла из двух частей. В первой из них, наиболее продолжительной, Солженицын отвечал на вопросы, которые были заданы ему раньше в письменном виде. (Кто задавал вопросы, осталось неизвестным). Он их суммировал и формулировал по-своему. Некоторые вопросы он явно задавал сам себе. Ответы на них готовились им заранее. Во второй короткой части Солженицын отвечал на устные вопросы из аудитории. О Рое Медведеве Солженицын говорил в первой части в начале пресс-конференции, отвечая на общий вопрос: «Верите ли вы в возможность какого-либо коммунизма?»

«Сегодня есть в Советском Союзе небольшая группа старых большевиков... Выразителем этой группы является молодой сравнительно Рой Медведев, отец которого тоже погиб вот в этом самом коммунизме, в сталинском лжесоциализме...

Рой Медведев написал огромный толстый том, исследующий сталинские времена... В этом томе чего только нет, каких только поразительных утверждений нет! О нем в западной печати по принципу симпатии говорят как о научном труде. Я совершенно не вижу там никаких признаков научности... Это сборник, ну книга, где со злорадством говорится о других социалистических партиях – так, например, стр. русского издания 878: "Их агитация не имела успеха в народе. Они... их агитаторы легко вылавливались органами ОГПУ."

На странице 905 он пишет: "Великие цели социалистической революции оправдывают применение насилия". Он о палачах ЧК-ГПУ говорит: "Это были субъективно честные люди"...

Сейчас Рой Медведев будет новое издание этой книги печатать, вероятно, он эти места исправит и уже не будет оправдывать насилие».

«Она вышла на русском и на английском, да?» – спросил кто-то из аудитории. Но на этот вопрос Солженицын не ответил, продолжая читать заготовленный текст.

«Вот эта книга претендует быть марксистской, и вот там на 1 200 или 1 400 страницах излагается такая теория, что все шло закономерно и правильно, но попался плохой характер Сталина и из-за этого характера история пошла не так.

Так может сказать автор немарксистского направления... Но марксист если так сказал, то он зачеркивает свой труд от начала и до конца...

По принципу симпатии западная левая печать называет Роя Медведева не иначе как ученым-историком... Для того чтобы эта книга была работой ученого, она должна быть построена иначе; автор должен взять

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

исходные положения Ленина... Ленин говорит, что Парижская коммуна погибла потому, что не уничтожала массами своих врагов... Пролетариат может победить только уничтожая своих врагов массовым образом...»

Далее на нескольких страницах стенограммы приведено пространное объяснение Солженицына о Ленине, о Троцком, о Марксе и Энгельсе. Все они якобы требовали массового террора: «Я буду цитировать первое русское издание Маркса...»

В зале, согласно стенограмме, возникли движение и шум. Далее запись: «неразборчиво из-за технических помех». Присутствовавшие журналисты поняли, что это не ответ на вопрос, а выступление.

Солженицын тем не менее продолжал уже и о Французской революции 1793 года, о Марате и других. Затем он начал рекламировать сборник «Из-под глыб», вышедший под его редакцией.

Не прерывая своей длинной, почти на час, речи, Солженицын обрушился и на рецензию Роя на первый том «Архипелага», которая публиковалась еще в феврале.

«Собственно говоря, Рой Медведев потому выступил, по сути, против "Архипелага" (хотя там есть слова и в пользу его), он выступил для того, что ему надо спасти Ленина, идею коммунизма и защитить тех самых большевиков старых, которые уцелели после всех лагерей. Это тех самых большевиков, которые до самого последнего дня ареста своего были в рядах палачей, уничтожали других...»

Рой Медведев не относится к инакомыслящим или "диссидентам", ему ничто не угрожает лично, потому что он, в общем, наилучшим образом защищает режим...»

Говоря о «книге Роя Медведева в 1 200 или 1 400 страниц», Солженицын имел в виду не английское издание, вышедшее в 1971 году, имевшее около 600 страниц, а, очевидно, русское, изданное в США в начале 1974 года. Оно имело 1 136 страниц меньшего формата. Фраз, которые Солженицын процитировал, ни в каких изданиях книги Роя не

Церемония вручения А.И.Солженицыну
Нобелевской премии. 1974

существовало. Они были кем-то придуманы. На страницах 878, 905 и 961 в книге Роя обсуждались события Второй мировой войны. Рой предположил, что Солженицын мог как-то получить в издательстве «Кнопф» оригинал первой русской рукописи, воспроизведенной с микрофильма и перепечатанной для переводчика. В нем также было больше 1 000 страниц. В последующем мы запросили в издательстве этот текст. В нем, но не на 905 странице, резко критиковалось применение насилия и злоупотребление насилием, которые продлили гражданскую войну. Критиковалось совершенно неоправданное применение насилия против казачества и крестьянства. В несколько сокращенном виде пресс-конференция Солженицына была опубликована через месяц, 16 января 1975 г., в парижском еженедельнике *Русская мысль* и в полном виде в издательстве «УМСА-Press». Отвечать на этот нелепый выпад, хоть и сделанный со столь высокой трибуны, было нецелесообразно, и его причины остались для нас неясными. Кто снабдил Солженицына этими фальшивками, также неизвестно. Книгу Роя Солженицын никогда не видел и не читал. Я говорил ему о рукописи, с согласия Роя, и в 1966, и в 1968 году при его посещениях Обнинска. В последний раз это было в нашей квартире. Просмотрев «Оглавление», он отказался, сказав, «у меня по этой теме другая концепция, и я не хочу ее менять...» О существовании «Архипелага» я тогда не знал.

Почему обеспокоилась британская контрразведка?

В конце декабря мне позвонил из Foreign Office М-р Маллет, чиновник, с которым я уже встречался в 1973 г. при получении британского Сертификата – Удостоверения личности для лиц без гражданства. Процедура сопровождалась обстоятельным «интервью». Очевидно, он ведал моим «досье». Он мне сказал, что со мной хотел бы поговорить один из сотрудников Министерства обороны. Я сразу понял, что речь идет о контрразведке, известной по сокращению «М15», что расшифровывалось как “Military Intelligence, Section 5”. Я ответил согласием. На следующий день я получил формальное письмо от Маллета из Отдела миграции и виз, датированное 23 декабря. Привожу его в переводе:

«Один из сотрудников нашего Министерства обороны был бы очень рад возможности встретиться с вами и надеется, что 22 января будет удобной для вас датой.

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

Имя сотрудника М-р Бакстон и он хотел бы видеть вас в комнате 055 Министерства обороны Whitehall Place в 10 часов утра.

С наилучшими пожеланиями в 1975
Искренне Ваш».

Большой спешки для этой встречи не было. 22 января я приехал в правительственный квартал недалеко от Трафальгарской площади. У входа в здание Министерства обороны предъявил письмо Маллета. Дежурный полицейский, осмотрев содержимое моего портфеля, объяснил, где находится нужная комната. Здесь меня ждали два сотрудника, один из них был Бакстон, имя другого я не запомнил. Он знал русский и принимал активное участие в беседе, которая шла на английском.

Первые вопросы были обычными, как работа, как мы живем, есть ли проблемы и т.д. Меня предупредили, что беседа носит конфиденциальный характер и что я не должен никому о ней рассказывать. Моего устного согласия было достаточно⁵. Весь разговор, очевидно, фиксировался скрытым диктофоном. Многие из этой беседы я уже забыл, наша встреча продолжалась семь часов с короткими перерывами на ланч и на чай. Первые минут двадцать я отвечал на вопросы биографического характера.

Неожиданно второй из собеседников спросил: «Знакомы ли вы с Джеральдом Бруком?» Я ответил положительно, пояснив, что встретился с ним больше года назад на вечернем приеме, на который пригласили около 20 человек, так или иначе связанных с проблемами СССР. Брук хорошо говорил по-русски. Это была наша единственная встреча. Интерес к встрече с Бруком был мне понятен, так как я знал его историю, она освещалась в советской прессе в 1965 или в 1966 годах. Дж.Брук, школьный учитель русского языка, приехал в Москву с женой как турист. Однако один из членов НТС, живший в Великобритании, уговорил супругов взять с собой издания «Посева» на русском и какие-то листовки и брошюры,

Дж.Брук с женой

⁵ Здесь я пишу об этом в первый раз; в Англии такие секреты ограничены сроком в 30 лет, который давно прошел.

которые были спрятаны в их багаже и в одежде. Кроме этого, Брук по наивности согласился взять и спрятать в одежде какие-то пленки и письма, некоторые в зашифрованном виде, содержания которых он и сам не знал. Супругам сказали, что в гостинице к ним за этой литературой придет надежный человек. Такой человек действительно пришел. Но во время «передачи» литературы в номер ворвались сотрудники КГБ и арестовали всех троих. Жену Брука вскоре отпустили. Судьба человека, пришедшего за литературой, осталась неизвестной. Никто его не знал. Он выступал впоследствии на суде как свидетель обвинения под именем Константинов, но его имя могло быть в этом случае фальшивым. Брука судили и приговорили к 5 годам тюрьмы за «шпионаж». К концу этого срока прибавили еще пять лет, «по новым обстоя-

Моррис Коэн

вам». В советской печати появилось тогда несколько статей о «поимке шпиона» и о «подрывной и шпионской активности НТС». В конечном итоге, в 1969 году британское правительство, пожалев учителя, обменяло Брука на двух действительно крупных советских шпионов Морриса и Лону Коэнов (Они же Питер и Елена Крогеры), находившихся в британской тюрьме уже 9 лет (из полученных 20).

После возвращения в Москву супругам Крогерам присвоили звания Героев Советского Союза. Эта история вызвала множество комментариев в британской прессе. Многие считали, что вся операция была задумана и проведена КГБ в сотрудничестве с НТС именно для освобождения Крогеров.

Как оказался Брук на этом приеме, я не знал. Было, однако, очевидно, что о моей встрече с ним кто-то сообщил в МИ5. За мной в 1973 году уже наблюдали. Я, впрочем, тогда догадывался и об этом, и о личности осведомителя, это основывалось на характере вопросов, задаваемых мне новым «другом».

Несколько вопросов сотрудников МИ5 в комнате 055 было связано с моим выступлением в Сенатском Комитете Фулбрайта. У моих собеседников была уверенность в том, что это происходило по моей собственной инициативе и было каким-то образом связано с обсуждением

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

Нобелевской премии мира. По характеру вопросов можно было понять, что их сведения получены от нью-йоркской группы «Хроника Пресс» и попали в МИ5 как донос или рекомендация «обратить внимание». Информация о моем выступлении в Сенате, которой располагали мои собеседники, была крайне неточной. Я объяснил все обстоятельства и предложил прислать копию текста.

При выпуске каждой новой серии марок Почта СССР специально готовила для коллекционеров особый конверт «Первого дня выпуска» с тематическими штампами «первого дня выпуска», которые ставили на Главпочтамтах. Конверт, посвященный 70-летию советской разведки. Представлены марки с портретами умерших знаменитых разведчиков и росписи еще живых.

Беседа или «допрос» велся по традиционной схеме. Среди множества банальных, нередко дружеских вопросов появлялся неожиданно специфический, который мог, как ожидалось, вызвать некоторое замешательство. Таким, по замыслу собеседников, был вопрос «Каким образом вам стало известно о финансовых средствах профессора Сахарова на Западе?» Я сразу ответил, что Сахаров и его жена Боннэр перед моим

отъездом в Лондон пригласили меня к себе домой и попросили выяснить наличие у Сахарова гонораров за изданные в Европе и в США работы. Им были нужны деньги для отправки детей Боннэр в американский частный университет. Я сделал все возможное, но суммы гонораров, которые издатели были готовы выплатить, не оправдывали надежд Боннэр. Добавил, что могу показать при случае копии конфиденциальной переписки, в частности с Гаррисоном Солсбери, редактором Нью-Йорк Таймс, издателем первой книги Сахарова. Мой ответ собеседников удовлетворил. Но вопрос раскрывал их осведомителей, хотя они, может быть, этого не понимали. Этими осведомителями явно были Мария Васильевна Олсуфьева, переводчица с русского на итальянский, потомок древнего дворянского рода Олсуфьевых, жившая в Италии, и лорд Николас Бетел, переводчик «Ракового корпуса» Солженицына. С лордом Бетелем я был знаком. Он стал лордом недавно, унаследовав титул от рано умершего дяди, не имевшего детей. Летом 1974 года Бетел и Олсуфьева обратились ко многим людям, в том числе и ко мне, для сбора денег на срочную поездку Е.Боннэр в Италию для операции глаукомы глаз. Я отказался посылать чек в этот «фонд», объяснив инициаторам, что в распоряжении Боннэр есть в США счет, созданный отчасти и с моей помощью, на который собираются гонорары от трех небольших книг Сахарова, изданных в США. Поездку в Италию и глазную операцию он вполне мог бы обеспечить. В обоих случаях я пометил свои письма «конфиденциально», но мои понятия о конфиденциальности были устаревшими. Лорд Бетел передал копию моего письма Боннэр.

Моя беседа в Министерстве обороны затягивалась и приобретала странный характер. Я решил взять инициативу. «Мы взрослые люди, – объяснял я Бакстону... – Я полагал, что буду беседовать о проблемах, которые имеют какое-то отношение к безопасности Объединенного Королевства. А мы беседуем о личных отношениях между советскими диссидентами. Почему вас это так интересует? У вас нет опыта и знаний, чтобы понять и сделать выводы. Насколько я могу судить многие темы для разговора, кроме Джеральда Брука, пришли из США, а тема о выступлении в Сенате, очевидно, от Авраама Шифрина, представителя НТС, который там был и, наверное, написал какой-то отчет о моих поездках в США. Почему британские спецслужбы могут заботить мои споры с Сахаровым или Нобелевская премия?..»

На прощание М-р Бакстон дал мне номер телефона, по которому просил звонить, если возникнут какие-либо проблемы или вопросы. Я

им не пользовался. Однако через два года он пригласил меня снова в ту же комнату. На этот раз беседа продолжалась не семь часов, а два дня. Причиной беспокойства стали две моих статьи о ядерной «Кыштымской» аварии на Урале, взрыве в 1957 году хранилища отходов от выделения плутония для атомных бомб. Взрыв загрязнил радиоактивностью тысячи квадратных километров территории в Челябинской и Свердловской областях. Британские и американские атомщики обвинили меня тогда в «научной фантазии» и «запугивании» людей, чтобы задержать развитие атомной энергетики в Великобритании и в США.

Дома я записал некоторые подробности беседы и много дней обдумывал ее содержание. Интересным было то, что мои и Роя конфликты и споры с Солженицыным собеседников из британской контрразведки не интересовали. На него в идеологической борьбе между Востоком и Западом уже не возлагалось, по-видимому, никаких надежд. К западным демократиям он относился не менее критично, чем к коммунизму. В США были явно озабочены лишь судьбой одной правозащитной группы, которая считала американскую демократию образцом наиболее справедливого общества и которая создала – на американские гранты – свою издательскую базу в Нью-Йорке. Судьбу этой группы администрация США, наверное, уже включила в сферу своих национальных интересов. Это был вполне прагматичный шаг. Альтруизма в политике не могло существовать. Жорес Медведев не был готов работать в интересах США. Но Великобритания стала теперь и моей собственной страной, и ее судьба не была для меня безразличной.

Библиография

1. Медведев Ж. Опасная профессия // Россия XXI. 2015. №3. С.84–107.
2. Терц А. [Синявский А.] Литературный процесс в России // Континент. 1974. №1. С.143–190.
3. Солженицын А.И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. №9. С.47–125.

(Продолжение следует)

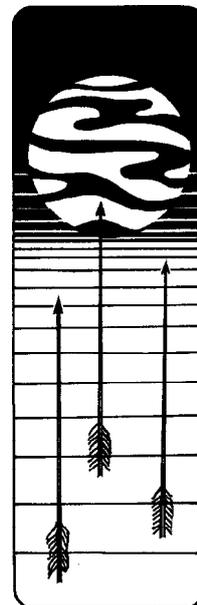
**Идея о бессмертии – это сама жизнь,
живая жизнь, ее окончательная формула
и главный источник истины
и правильного сознания
для человечества.**

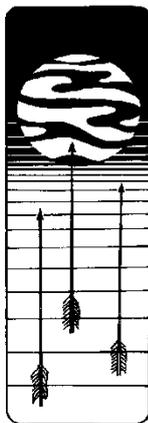
Ф.М. Достоевский

Лучше, в худые одежды одеваясь,
радоваться,
чем в дорогих – печалиться.

Уча — учи поступками, а не
словами.

Из древнерусской «Пчелы»

Владимир Мильков

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНОМ МИРЕ

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
248.2

В статье рассматриваются христианские и языческие представления об ином мире и их влияние на книжность Древней Руси. Приводятся убедительные доказательства, что общего понимания проблемы не существовало. Споры о рае древнерусских иерархов – убедительное тому подтверждение. Автор показывает, что участники дискуссий основывали свои идеи на разных трактовках рая и ада, которые были представлены в произведениях переводной древнерусской литературы. Прослеживается влияние нескольких богословских традиций, формировавших представления об инобытии. Наибольшим влиянием пользовались антиохийская и неоплатоническая трактовки посмертного существования. Кроме того, в древнерусской книжности широко были распространены апокрифические образы рая и ада. Взгляды древнерусских мыслителей формировались на основе ортодоксальных, апокрифических и отчасти языческих представлений о жизни после смерти.

The author examines the Christian and pagan ideas about the otherworld and their influence on the literature of Ancient Russia. Common understanding of the problem did not exist. Disputes about heaven were based on different interpretation of another world. The Antioch concept and Neoplatonic concept had the greatest influence on Russia. Apocryphal images of heaven and hell were widespread in the Old Russian literature. They had strong influence on the disputes about heaven. Russian ideas the other world were formed on the basis of Orthodox, apocryphal and pagans ideas about post-mortem existence.

Ключевые слова: Древняя Русь; иной мир; ад; рай; жизнь после смерти; ортодоксия; неоплатонизм; апокрифы; влияние язычества.

Key words: Ancient Russia; another world; heaven; hell; life after death; Orthodoxy; Neoplatonism; the Apocrypha; the influence of paganism.

E-mail: dr_milkov@mail.ru

Тема иного мира относится к одной из самых захватывающих сознание средневекового человека загадок. Она самым непосредственным образом связана с представлениями о Боге и его творении, а самое главное, с пониманием смерти и воззрениями на посмертное существование. Согласно широко распространенной точке зрения, круг средневековых понятий об инобытии задавался христианской доктриной и выстроенным на ее основе учением о рае, аде и воздаянии. Поэтому считается, что в общем смысле решение проблемы этим предопределено, а характер самого решения отождествляется с традиционным христианским взглядом на посмертное существование. Однако обращение к историческим источникам обнаруживает отсутствие у наших предков четких представлений на этот счет. Исторические документы со всей определенностью свидетельствуют, что единообразных подходов не было даже в среде церковных иерархов. Если же рассматривать общественное сознание в широком смысле, то там христианские воззрения испытывали на себе воздействие мощной традиционной стихии с глубоко архаическим пониманием смерти и инобытия.

Споры о рае в Древней Руси

Суть христианского взгляда на инобытие закладывалась библейско-креационистской концепцией об удвоении бытия. Согласно библейскому повествованию Книги Бытия о прародителях, рай относился к сфере сотворенного мира. В других случаях Писание оперировало понятием Царствие небесное. Уточнений Библия не содержала, поэтому трактовки со стороны экзегетов давались неоднозначные.

На Руси, как и во всем христианском мире, единства мнений на то, где расположен рай и какова его природа, не наблюдается. На желание решить проблему указывает широко распространенный в древнерусской книжности текст с весьма характерным названием: «Чувственный рай или разумен?». Вокруг данной проблемы кипели страсти. Со всей остротой разномыслие обнажилось в середине XIV столетия, результатом чего стала распря о «честномъ раю» [32, с.42]. В споре участвовали тверской епископ Федор Добрый (ум. 1367) и новгородский владыка Василий Калика (1330–1352). Последний адресовал своему оппоненту ряд возражений. Сочинение, в котором они изложены, фигурирует в литературе под кратким названием «Послание о рае».

Из «Послания» Василия Федору можно заключить, что Василий узнал о происходивших в Твери спорах («распре») о рае и, ревнуя об истине, решил вмешаться и изложить соответствующее «Божественному закону» представление о рае. Кто участвовал в споре и какие доводы выдвигал, мы не знаем. Об умонастроениях в Твери можно судить только со слов Василия Калики. По убеждению новгородского епископа, тверской святитель попал под влияние «лихих людей» и признавал существование только мысленного рая, а рай земной, в котором жил Адам, считал погибшим: «Слышах, брате, что повестуеши "рай погибль, в нем же был Адам"» [32, с.42].

Непосредственно опровержению этих двух пунктов воззрений и посвящена большая часть «Послания». Чтобы разубедить своего оппонента в гибели рая, Василий Калика разворачивает систему доказательств. Первая группа аргументов – от Писания. Владыка исходит из того, что согласно Библии рай был насажен на востоке в Эдеме, а свидетельств о гибели рая в Писании нет. Он обращает внимание на природные черты рая и напоминает об истоке четырех великих рек из райских пределов. Автор «Послания» связывает смысл изгнания прародителей после грехопадения с обещанием Господа вновь ввести человека в рай. Согласно Василию, Господь после грехопадения Адама специально сохраняет сотворенный рай, чтобы человечество, познав истину, вновь его обрело.

В подтверждение природной локализации рая новгородский владыка привлекает комплекс апокрифических свидетельств, указывающих на существование земного рая. Эта область мыслилась им существующей где-то в верховьях райской реки Нил, у которой живут «рахмане». За этими крайними пределами расселения людей находятся возвышающиеся до неба горы, которые образуют «место непроходимо человеком» [32, с.44]. Комментаторы видят в этом мотиве влияние апокрифического «Хождения Зосимы к рахманам». Согласно апокрифическому повествованию о путешествии Зосимы, страна праведных локализуется за водной преградой (рекой Евмацион).

Чтобы доказать существование земного рая, Василий выдвигает ряд аргументов. Он прямо ссылается на данные другого апокрифа – «Хождения Агапия в рай», согласно которому герой неканонического повествования после посещения обители праведных принес оттуда кусочек райского хлеба [Ср.: 25, с.635–640, 644–646]. О том же, согласно Василию, свидетельствует факт пребывания святого Макария близ райских пределов. Узнать об этом можно было из апокрифического «Жития Макария Римского». Наконец, упоминается в «Послании» Ефросин,

который принес в свой монастырь райские целебные яблоки. Этот апокрифический мотив был заимствован автором из жития Ефросина, которое читается в Прологе 11 сентября. В этом же ряду оказывается апокрифический сюжет из «Успения Богородицы», в котором повествуется о принесенной ангелом ветви из рая [32, с.44].

Затем Василий Калика утверждает, что рай на востоке является такой же реальностью, как и место мук на западе. В структуре произведения так намечается переход к самому весомому аргументу – свидетельствам современников. Автор «Послания» не ограничивается каноническими и апокрифическими свидетельствами о локализации иного мира в земном пространстве и подкрепляет книжные аргументы данными опыта. Владыка сообщает, что известные ему новгородцы непосредственно наблюдали места мучений и «были видоки тому на Дышучем мори, червь неусыпающий, и скрежет зубный, и река молненная Морг, и что вода входит в преисподняя и паки исходить 3-жды днем». Логика здесь такая: если «та вся места мучимая не погибоша», так не может погибнуть и рай – «место се святое» [32, с.44].

Венчает многоступенчатую систему доказательств рассказ со слов Моислава-новгородца и сына его Иакова, которые доходили во время плаваний до места «святаго рая». По убеждению новгородского архиепископа это доказывает, что рай существует в окраинной части Вселенной и к его пределам могут приблизиться не только герои апокрифических хождений, но и путешествующие в дальних краях современники.

Дополняющие друг друга аргументы призваны подтвердить реальность земного рая в прошлом и настоящем. Вывод: «вся дела Божия нетленна суть», насаженный на земле рай «не погибль и ныне есть», хотя проникнуть в него люди плотские не могут [32, с.46]. В конструкции повествования свидетельства от «видаков» убедительно удостоверяют незыблемость буквы Писания.

Некоторые исследователи считают, что Василий Калика был приверженцем идеи исключительно земного рая [40, р.230–231; 29, с.95; 22, с.88]. На самом деле мысленный рай для него является такой же реальностью, как и чувственный. Согласно «Посланию», локализовавшийся в пределах географического пространства чувственный рай рассматривался владыкой как исторический библейский рай, а что касается мысленного рая, то Василий Калика соотносил его с райским блаженством, которое ожидает праведников после второго пришествия Христа. Другими словами, земной чувственный рай – это рай прошлого, а мысленный, находящийся вне времени и пространства, – это рай будущего. По

представлениям новгородского владыки исторический библейский рай перестанет существовать после второго пришествия Христа, «когда вся земля огнем иссушена будет». По его словам, с явлением пресветлым Христа «вся земля просвещена будет светом неизреченным», будет «исполнена радости и веселия» [32, с.48]. Ясно, что отправной точкой подобных суждений в «Послании о рае» было «Откровение Иоанна Богослова» (Откр. 21, 1). Понимание постэсхатологического будущего также соответствует пророчеству Давида о том, что праведники наследуют землю.

Четких небесных признаков Царствия Божьего в тексте не приводится. Речь идет об ожидаемом преображении мира, и акцент делается на обретении землей новых качеств (светлость, радость). Четкой оппозиции земной – небесный по отношению к раю в повествовании новгородского владыки не просматривается. Можно однозначно констатировать лишь то, что мыслимый рай для него, в отличие от чувственно воспринимаемого исторического рая, именно «мыслимый», т.е. в точном значении употребленного в произведении слова не просто «представляемый в воображении», а именно «ожидаем»¹.

Понятие Царствие небесное Василий не употребляет и говорит о Царствии Божиим или просто о Царствии. Видимо, не случайно. Некоторые персонажи, которые в христианской литературе рассматривались как насельники Царствия небесного, пребывают, согласно «Посланию», в земном раю. Например, восхищенные Богом во плоти Енох и Илия, по твердому убеждению Василия Калики, находятся не на небе, а в обители, создававшейся для Адама. Даже глагол используется соответствующий: «посади». По убеждению церковного иерарха, после Воскресения Христа охраняемые пламенным оружием врата райские открылись и в них введены были Адам, Богородица и святые праведники: «а место се святое како погыбе... в немь же есть Пречистая Богородица, и множество святых, еже по въскресении Господни явишася многимъ в Иерусалиме и паки внидоша в рай»; «а по воскресении своемъ повеле Адаму в раи внити и множество святых с ним». В христианской традиции в подобных случаях подразумевалось Царствие небесное. Мысленный рай в «Послании» прямо назван Царствием Божиим, которое уготовано для тех, кто не познает смерти. По словам Василия, этот рай удостоились видеть апостолы во время Преображения Господня на Фаворской горе:

¹ Глагол «мыслити», кроме значения «думать, размышлять», имеет еще значение «предполагать», что в нашем контексте раскрывается со значением ожидания [37, с.333].

«то есть, брате, мысленный рай» [32, с.44, 46, 48]. Суть разногласий Василия с Федором, считавшим рай исключительно мысленным, новгородский архиепископ сводит к определению местопребывания святых после их кончины и до пришествия Христа отводит эту роль особой части земного пространства.

По данным «Послания» ни Василий Калика, ни его оппонент не отрицают существование мысленного рая, но при этом понимают его по-разному. К сожалению, в материалах полемики специальных разъяснений о существе позиций спорящих сторон не приводится. Некоторые соображения, несмотря на лапидарность крайне неоднозначных свидетельств, все же можно высказать.

Имеющиеся в «Послании» скупые данные позволяют трактовать позицию Федора Доброго в разных смыслах. Некоторые исследователи допускают возможность сближения представлений тверского владыки с исихазмом [36, с.167–169; 34, с.88, 103; 13, с.54; 21, с.123–125]. На это вроде бы указывает присутствие в произведении темы Фаворского света. В «Послании» упоминается, что апостолы Петр, Иаков, Иоанн видели «царство Божие» на Фаворской горе и от того видения «ударилша собою о перстную землю, не могуще видети светлости божества его» [32, с.48]. В мистической практике исихастов метафизике Фаворского света придавалось большое значение. Теоретическое обоснование возможности видеть Фаворский свет разработал Григорий Палама (1269–1359). Суть развитого им учения заключалась в доказательстве возможности соединения находящегося в молитвенном сосредоточении человека с Божественной световой энергией [14, с.158–188]. Световое озарение учеников Христа в момент Преображения сравнивалось им с ощущением райского блаженства, подобное которому можно пережить, войдя в молитвенный экстаз. По сути дела, Григорий Палама обосновывал возможность вхождения человека в особые состояния, которые преобразуют человеческое существо и дают возможность приобщения к Царствию небесному уже в этой жизни. Развиваемое в «Послании» утверждение владыки, что даже святым невозможно «видети мысленного рая», можно принять за полемический выпад в адрес древнерусских последователей Паламы, обосновывавших видимое восприятие Божественной энергии. А если уж святые не могут созерцать свет Царствия Божьего, то всем остальным и подавно не дано ощущения света райского блаженства. Закономерен вопрос: не идет ли в тексте Василия речь об исихастской практике прижизненного контакта с трансцендентным?

Проверим это. Но сначала напомним, как в среде созерцателей смотрели на личный опыт переживания райского блаженства.

О мысленном рае, который открывается в мистических практиках, говорил Симеон Новый Богослов: «Я – **мысленный рай** для рабов моих **взамен чувственного рая** (подчеркнуто мною. – *Вл.М.*)... Я воссиявающий в них повсечастно... Я солнце мысленное, и зрим ими, как и прежде являл себя в пророках...» [33, с.62–63]. Та же мысль в слове «О мысленем раи светлаго боговидения» выражена следующим образом: «показал мя еси раи дроуги в видимых, в чювствъныхъ оубо, мыслъна, мыслен же в чювстве» [4, л.78 б]. Далее поясняется, что рай мысленный отождествляется с внутренним просветлением («сияющиа иже в раи»), которое достигается в состоянии отрешенности от мира. Как видим, здесь присутствует почти весь категориальный аппарат, а вместе с ним и круг идей, задействованных в распре о рае.

Перу процитированного выше идеолога мистической созерцательности принадлежит еще одно произведение, тематически относящееся к интересующей нас теме: «О мысленем откровении действнаго бжествнаго света и делани оумнем же и божествнемъ добродетелнаго живота». В этом произведении условием «видения добраго и краснаго владыкы» провозглашается полное отрешение от мира. Солнце и свет чувственного мира названы темными в сравнении с созерцанием Создателя – «воистину сущаго св(е)та». Недоступный людям Бог открывается тем, кто его в себе носит, поэтому он не видится, а ощущается как «сокровище в надрах скровеное, его же носяй видит и зря того радуется». Не исключено, что против подобных внутренних световых видений, который сам Симеон характеризовал как «иже в чювстве мыслънем» [5, л.75 а, 75 б, 76 б, 77 а], мог выступать Василий Калика, называя подобные внутренние ощущения «мнимыми видениями».

Нельзя исключать, что высказывание новгородского владыки могло быть вызвано исихастским сравнением молитвенного состояния с созерцанием рая. Патриарх Каллист, который являлся последователем Анастасия Синаита, погруженность в молитвенный экстаз сравнивал с созерцанием Адамом райского блаженства, когда тот находился в Эдеме. По сути дела, речь идет о прижизненном сердечном созерцании рая, а просветленное состояние, которого достигает в молитвенном экстазе молчальник, уподобляется состоянию Адама до его грехопадения. Получается, что созерцатель переживал райское блаженство – то самое, о котором Симеон говорил как о «иже в чювстве мыслънем». Подобное

понимание строится на том, что средствами созерцательной практики можно осуществить прорыв в трансцендентное.

Открывающийся созерцателям рай, в отличие от рая прошлого и рая будущего, имеет свои признаки. Экстатическое видение рая может рассматриваться как некий промежуточный рай – еще не небесный, но уже и не земной [26, с.262]. В онтологическом смысле это означает несущностное соединение идеального с материальным – своеобразный онтологический парадокс, характерный для мистиков-созерцателей. С учетом такого критерия снова вернемся к содержанию «Послания».

Василия Калику не устраивало, что тверской владыка представлял мысленный рай не просто воображаемым, а неким иллюзорным видением: «И ныне, брате, мнит ти ся мысленный рай, но все мыслено мнится видением». Из сказанного следует, что в понимании Василия окружение Федора смотрело на мысленный рай как на некую фигуру воображения. Именно такое смысловое прочтение подкрепляется продолжением полемически заостренного вопроса к тверскому владыке: «А еже Христос рече в Еуангелии о втором пришествии, и то ли мыслено скажете?» [32, с.44]. Дилемма здесь вполне определенная: если мыслимый рай – мнимость, тогда, по логике Федора, и второе пришествие Христа надо представлять не реальным грядущим, а лишь иллюзорностью. Обвинение весьма серьезное. Заподозрить церковного иерарха в столь откровенном еретическом заблуждении мы не можем, поэтому воображаемые мнимости, прилагавшиеся Федором к представлению о рае, должны иметь другое объяснение. Например, речь могла идти об описании личного опыта тех, кто способен погрузиться в мысленный рай, пережить райское блаженство сердцем.

Есть ряд соображений, которые не позволяют безоговорочно считать Федора и его сторонников адептами современного им византийского исихазма. Представителей древнерусского монашества больше привлекал т.н. келейный исихазм. Исихия (безмолвие, отрешенность) рассматривалась адептами этого направления² как особое искусство очищения от мирской греховности ради духовных прозрений. В трудах Симеона Нового Богослова (XI в.) и Григория Синаита (XIV в.) рекомендовалась специальная практика дыхания, позволявшая достичь сосредоточенности ума и соединиться с трансцендентным в молитвенном экстазе. Мо-

² Макарий Египетский, Евгений Понтийский, Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Иоанн Синайский, Исаак Сирийский.

нахи, которые в результате подобных приемов ощущали в своем сердце Божественный свет, называли себя исихастами.

По известным в Древней Руси текстам Григория Синаита видно, что он не отрицал реальности ни земного, ни небесного рая: «рай сугуб есть чувственыи и мыслныи, сиречь иже в едеме и благодатныи». Эдем в тексте предстает в облике земного рая, каким он описывался в Книге Бытия: «сады благовоннейшими насажден... приисполнену плоды и цветящу цветы... река, исходяща от него...» [Цит. по: 36, с.170–171]. Из повествования следует, что о реальности земного рая можно судить по благовонным райским плодам, которые приносятся речными водами в окраинных частях ойкумены и которые могут наблюдать «индиане и ефиопляне». Согласно географическому уточнению, он считал, что Фисон и Геон «напаяют» землю Ливийскую и Египетскую. При всем при этом раю приписывается не вполне земная природа. Рай мыслился располагавшимся в Эдеме на мощном возвышении, высота которого достигала «третьей чясти до небесе». Этот рай почти небесный, поэтому объединяет в себе тленное и нетленное («посреде тле и нетления сътворен»). С одной стороны, бесспорно признание чувственности рая (то есть материальной его стороны), с другой, – он одновременно небесный (это позволяет распространять на него духовную субстанциональность). Получается, что в понимании Григория Синаита ветхозаветный рай принадлежит одновременно небу и земле, располагаясь на пограничье природной и ноуменальной сфер.

Аналогичную трактовку рая давал такой авторитетный в христианском мире богослов, как Иоанн Дамаскин. Его статья «О рае» стала известна на Руси не позднее рубежа XII–XIII столетий³. Иоанн Дамаскин констатирует разномыслие богословов по вопросу понимания райской сущности, одни из которых представляли рай чувственным, другие духовным: «ови оубо видиму раи реша, а друзии разумен створен есть». По его собственному убеждению, рай обладает двоякой природой и совмещает в себе и физические, и духовные свойства. Эта двойственность объяснялась тем, что Адам жил в раю и телесно, и духовно, пребывая одновременно и на земле, и в некоем высшем прекрасном месте. Согласно такой логике, насаженный руками Бога в Эдеме рай экзегет мыслит находящимся на востоке, но одновременно уточняет, что располагается он выше земли, в некоем эфирном про-

³ «Богословие» под названием «Слово о правой вере» дошло в древнейшем списке XII–XIII вв. [1, №155/108]. Публикации см.: [11].

странстве, а буйное цветение в нем не могут отразить законы чувственного восприятия нашего мира [1, №951, л.223 а, 324 а]. В этой двоякости Божественного рая черты природной действительности весьма условны. Признавая реальность земного рая, Иоанн Дамаскин наделяет его неземными свойствами.

Подобная неоднозначность наблюдалась у христианских мистиков в понимании проблемы рая. Признавая несовместимость духовного и материального, созерцатели-молчальники практиковали прорыв в трансцендентное путем соединения с Богом в умной молитве. Для находившегося в экстатическом состоянии созерцателя рай оказывался не где-то вовне, а в самом человеке, возвышая его духовное состояние над миром. Подобного рода личное ощущение (переживание) пребывания в райском состоянии как мнимость предположительно и мог отвергать Василий Калика. Если это так, то Федора тверского можно сблизить с кругом аскетов созерцательного направления.

Если характер взглядов Федора остается не до конца ясным, то суть воззрений новгородского владыки выглядит более определенно. В полемике со своим оппонентом Василий Калика, бесспорно, стоит на позициях буквализма. С этих позиций осуществляется подбор ветхозаветных свидетельств в пользу существования земного рая. Одновременное обращение к легендам о земном рае обнажает сочетание буквализма с наивной верой в достижимость райских пределов. Получается, что вера Василия Калики в земной рай базируется на подкреплении ветхозаветных постулатов свидетельствами очевидцев, рая достигавших. Такого рода воззрения нельзя оценить иначе как наивный реализм с присущей ему убежденностью в доступности сверхъестественных явлений. А это означает, что высший статус достоверности остается не за откровением, а за тем, что поверяется чувствами.

О богословском качестве текста, вышедшего из-под пера новгородского владыки Василия, можно судить, сравнивая его с другими древнерусскими сочинениями, написанными на эту же тему.

В отечественной средневековой книжности, как уже говорилось, в большом количестве списков был распространен текст, в котором обсуждалась та же самая проблема, что и в «Послании» Василия Калики: «Чувственный ли есть рай, или разумен, тленен ли или нетленен». Толкование райской природы здесь замыкается на выяснении вопроса, является ли рай тленным или нетленным. Именно этот аспект райской темы волновал новгородского владыку. Но есть и нюансы в решении проблемы. Василий чувственный рай противопоставлял «мысленному»

(т.е. воображаемому будущему). В статье из Син. №951 идет речь о существовании как земного, так и небесного рая, которые уподоблены земному и небесному Иерусалимам: «яко же и два ерусалима поведает – небесный и земный, тако ж и два рая – един духовны, а другий чювьственный» [1, №951, л.175 а]. В данном случае «духовный» является синонимом вынесенного в заглавие понятия «разумный рай» (т.е. рай невещественный, подлежащий духовному зрению). Если сравнивать «Послание» Василия с текстом из рукописного сборника, то акцент в последнем смещается с ожидания грядущего райского блаженства на фиксирование нематериальной реальности райской сущности. Об этом в «Послании» новгородского владыки речи не велось. Увлеченный идеей осязаемости рая, тему невещественности Василий Калика деликатно обходит.

И тем не менее между «Посланием» и цитированным выше текстом много общего. В обоих последовательно разворачивается аргументированная система доказательств, которыми обосновывается существование земного рая. Природа ветхозаветного рая оценивается двояко, подобно тому как Адам пребывал в нем между тлением и нетлением: «да яко ж оубо бе и адам посреди тле и бестленя, тако ж и бе рай есть». Полемика ведется с теми, кто понимал ветхозаветный рай исключительно «разумно», как нематериальную сущность. В опровержение предлагается филологическая аргументация. Специально акцентируется внимание на том, что райские реки «исходят», а не «спускаются» на землю, чтобы кто не подумал, будто рай на небесах. Затем описываются страны, по которым протекают райские реки. Через повествование проводится мысль о том, что если бы не существовало на земле воспринимаемого чувствами рая, то не было бы и источника, разделяющегося на четыре реки: «да аще оубо нес рая чювьствена на земли, то уже ни источника, ни рек, ни 4 верхов» [1, №951, л.175 а, 176 а]. Следующий аргумент: место жизни прародителей нельзя мыслить на небе. Согласно библейским показаниям не в области «выше мирской» был создан Адам и оттуда сведен на землю. Для Адама и Евы было специально выбрано место на востоке земли, именно там, а не на небе, был «насажен рай».

На первый взгляд, рассмотренный выше текст и «Послание о рае» принадлежат к произведениям одного идейного круга. Но есть и отличия. В одном случае все построения осуществляются строго в рамках канонического поля, в другом – смешение библейских фактов с апокрифическими и мифологическими, а это прямое отступление от сугубо богословской проработки проблемы. В начальной части произведения

«Чувственный ли есть рай, или разумен» об обители праведных говорится как об области вполне материальной, существующей между тлением и нетлением. Аналогичную оценку раю, как мы помним, давали Григорий Синаит и Иоанн Дамаскин. До таких тонкостей новгородский владыка в своей апологии чувственного рая не поднимается. Он утверждает, что дела Божии нетленны. Тезис является аргументом в пользу существования земного рая и только. Смысл другой характеристики обители праведных в том, что она существует между тленным миром, частью которого является, и тонкой сферой Царствия небесного. Для Василия с пришествием Христа раем становится вся земля – и ни слова о небесном рае. Причины понятны: для него постэсхатологический рай – все та же обновленная земля. Авторы подборки не отрицают существования рая на небе, они лишь пытаются протестовать против смешения чувственного рая со сверхчувственным. Сравнение показывает, насколько отличаются внешне схожие между собой трактовки райской природы как таковой.

Пламенное слово новгородского архиепископа Василия в защиту чувственного земного рая (особенно если учитывать мощный апокрифический фон) можно считать самым ярким отечественным произведением, написанным на данную тему. Для нас же содержание созданного Василием Каликой «Послания» интересно прежде всего тем, что в нем отразился весь спектр актуальных для Древней Руси трактовок рая. В этом можно убедиться, обратившись к произведениям переводной письменности, которые и формировали соответствующие взгляды и представления.

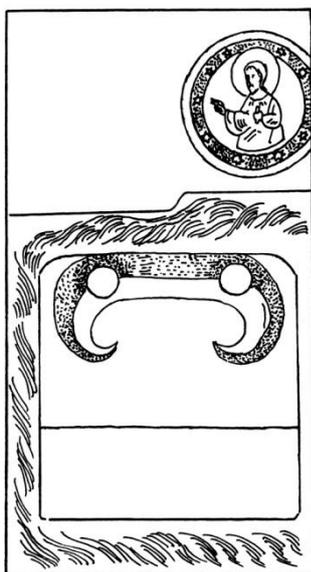
**Концепт иного мира
в переводной
древнерусской
книжности**

В первую очередь, естественно, источником веры в земной рай были библейский рассказ о насаждении рая на Востоке (Быт. 2, 9) и повествование о поселении в Эдемском саду Адама – «венца творения» (Быт. 2, 15), а также указания на то, что четыре крупнейшие реки вытекают непосредственно из райских пределов (Быт. 2, 10). Отталкиваясь от этих библейских постулатов, христианские экзегеты выстраивали систему доказательств в пользу реальности земной обители блаженных.

Тему земного рая, основываясь на библейских постулатах, развивали представители буквалистской традиции. Большой популярностью на Руси пользовались произведения и идеи Севериана Габальского, кото-

рый суммировал базовые принципы антиохийского богословия. С XV столетия в отечественной книжности появились как полные версии «Шестоднева» Севериана Габальского, так и краткие его редакции [9, с.5–46].

Как последовательный буквалист, Севериан отталкивается от библейского свидетельства о насаждении Богом рая на востоке в Эдеме. Эдем он трактует как прекрасное место, предназначенное для блаженства. Экзегет убежден, что Адам создан был вне рая: «сзда я из земли вьне рая... и положи его в рай, вьнесе и в готов дом» [10, л.265 а (с.637 [817–818])]†. После грехопадения Адам изгнан из рая, чтобы возделывать ту землю, из которой он был сотворен. Ход этого рассуждения приводит к выводу, что рай является частью земного пространства; причем о присутствии каких-либо преград, отделяющих место блаженства от остального пространства, в тексте Севериана речи не идет.

Рай в окраинной части мироздания. Миниатюра «Толковой Палеи», изображающая землю в окружении Мирового Океана (Отдел рукописей ГИМ. Собрание Уваровское. № 516. XVI в.).

В понимании Севериана рай имеет огромные размеры. Размеры слишком значительны, чтобы там пребывал только один Адам. Экзегет объясняет, на какую потребу «толик бе рай», для чего Бог «толику ширину земли сътвори» [10, л.266 а (с.639 [818])]. По его представлениям простирающийся «до краи вселенныя рай» уготован патриархам, пророкам, евангелистам, святым, праведникам и всем благочестиво живущим. Подобное понимание инобытия вроде бы исключает веру в существование небесного рая. Однако будучи буквалистом, Севериан говорит о существовании Царствия небесного. Как соотносятся оба места блаженства

⁴ Здесь и далее отсылки делаются на текст «Шестоднева» Севериана Габальского в компиляции Иоанна экзарха Болгарского, с указанием листа и страниц его публикации в оригинале и переводе.

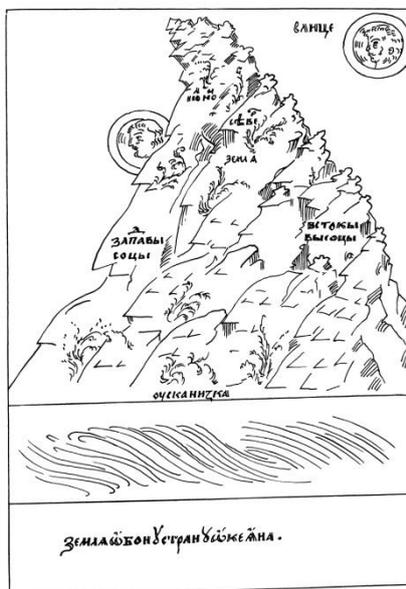
Божиих избранников между собой и каково их предназначение в перспективе постэсхатологического будущего, автором не разъясняется.

Согласно Севериану, обширные пространства земного рая находятся на восточной окраине Вселенной. Более точных географических привязок этого сакрального пространства не дается.

Однако есть объекты, которые соединяют сакральную зону земного пространства с реальной географической средой обитания. Таковыми являются четыре реки, которые берут свое начало из орошавшего рай эдемского потока [10, л.266 а (с.633 [818])].

Значимым для древнерусской книжности фактором распространения концепции земного рая была «Христианская топография» Козьмы Индикоплова. Основные идеи Козьма заимствовал у Патрикия (Мар-Абы), а тот, в свою очередь, у Федора Мопсуэстийского [30, с.134; 39, с.467, 471–472; 16, с.309–310]. Произведение Козьмы появилось на Руси не позднее рубежа XII–XIII столетий. Исследователи относят труд к числу наиболее популярных и авторитетных у наших средневековых предков книг [См.: 17, с.158; 31, с.106–107].

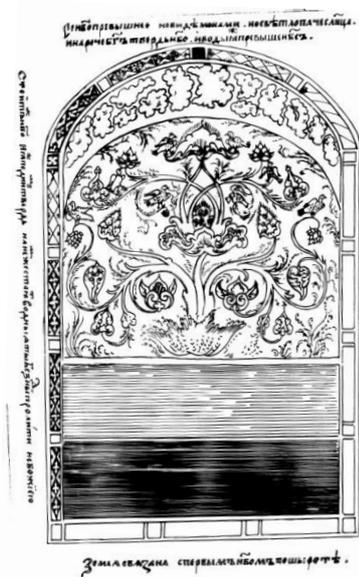
Воззрения Козьмы Индикоплова на природу рая являются прямым следствием разработанной им в «Христианской топографии» модели мироустройства. Мироздание представлено огромным домом с плоским и прямоугольным земным основанием, которое окружено Мировым океаном. В верхней части космического дома выделялись два элемента: комара небесного свода (небо первого дня творения), образно уподобленная крыше кос-

Райская земля на противоположной стороне Мирового океана. Миниатюра из «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова (Отдел рукописей РНБ. Собрание Софийское. № 1197. XVI в.)

мического дома, и ледовая твердь (небо второго дня творения), символически названная потолком дома-Космоса. Козьма полагал, что связанные друг с другом твердь и небесная комара поддерживаются своеобразными космическими стенами, а те опираются на края земные. Мироздание, таким образом, рассматривалось замкнутым. Рай включен в пределы физического пространства, но вынесен за пределы ойкумены, туда, где небо сходится с землей [19, с.67, 84, 108–109, 273].

Как и другие представители антиохийской традиции, Козьма Индикоплов являлся безусловным приверженцем концепции земного рая. Буквалистски трактуя данные Св. Писания, он неоднократно обращает-

Цветущий рай на востоке
в заокеанской окраинной части вселенной.
Образ мироздания из «Христианской
топографии» Козьмы Индикоплова (Отдел
рукописей РГБ. XVI в.)

ся к теме земного рая в своем трактате. Согласно «Христианской топографии» рай локализуется в крайней восточной части мироздания на земле, отделенной от ойкумены Океаном: «И паки окрест, еже ес, об ону страну и окрест океана землю, иде же на востоце лежить рай, иде же и край небеси связан с краи земными». Нет никакого сомнения, что земля райская, находящаяся об «ону страну океана», является частью физической реальности нижнего яруса сотворенного мира. Принцип земной локализации рая Козьма подкрепляет ссылкой на то, что из-за океанских райских мест дуют благовонные ветры и из той области «исходяще множество птича» [19, с.65, 67–70, 114].

Хотя рай и рассматривается частью этого мира, он объявляется недостижимым. В повествовании красочно повествуется о непреодолимости пучин Мирового океана. Пределы земного рая оказываются так же недостижимы, как недостижимо небо для простых смертных. Рай для Козьмы – это место, где люди жили до потопы. Только

один ковчег Ноя смог преодолеть водную преграду, отделяющую предместья библейского рая от той земли, по которой расселились потомки Ноя. И послепотопная земля, и рай, где жили прародители, рассматриваются как имеющие одинаковую природу части физического пространства. Козьма прямо уподобляет их, когда говорит о перемещении рода Ноя с одной части земли на другую [19, с.65, 69, 70].

В «Христианской топографии» земной рай помещен в зону пограничья, где природное пространство соприкасается с надприродной сферой. Козьма Индикоплов локализует его на пересечении вертикального и горизонтального измерений созданного Богом космического дома. Поэтому земной рай, представляющий собой особую область сотворенного мира, с одной стороны, оказывается элементом космологии, а с другой, – в своей материальной осязаемости обретает географическую определенность. В этой двойственности земной рай выступает в качестве сакральной координаты бытия. Получается, что экзегеза на тему земного рая формировала постэсхатологические надежды человечества и одновременно очерчивала предел пространственной досягаемости для людей при жизни. С точки зрения географии давалось ценностное разграничение частям дольного мира, тогда как в космологическом контексте рай маркировал своим положением стык горней и дольной сфер. Примыкающие к небу земные края наделялись особыми сакральными свойствами. Близостью к небу можно объяснять особые характеристики заокеанской райской части мира (недосягаемость, благоухание, радость, веселье, вечная жизнь). В результате земной рай наделялся некоторыми несвойственными для физической действительности качествами.

Непосредственно к текстам, формировавшим представления о земном рае, относится распространенный в древнерусской книжности сюжет о райских реках. Он входит в качестве составной части в трактаты антиохийских богословов, где даются пространственные характеристики земного рая. Но этой теме посвящались также отдельные статьи, существующие в виде самостоятельных кратких повествований о четырех реках. Они включались в сборники смешанного состава и тематические подборки естественнонаучного характера. В затрагивающих эту тему сюжетах сугубо богословская идея рая непосредственно смыкается с практической географией, поскольку в текстах присутствует описание мест и земель, по которым протекают райские реки.

Козьма Индикоплов реку Фисон связывает с «индейской страной», где протекают Инд и Ганг. Геон, или Нил, согласно его описанию, проходит через Эфиопию и Египет. Тигр и Евфрат, в географических при-

вязках Козьмы, берут начало в землях персидских [19, с.295, 313]. Автор «Христианской топографии» не случайно много внимания уделяет «индийской» реке Фисон. Индия для Козьмы – это крайняя в пределах географического обозрения страна. В его землеописании она помещается в ближайшем соседстве с земным раем, который расположен дальше на восток за Океаном.

Географический кругозор Севериана Габальского значительно уже, чем у Козьмы, и ограничивается краткими и известными по другим источникам сведениями о райских реках. В его описании начало рекам дает вытекающий из рая поток. Этот поток через подземные проходы по разным местам расходится. В Эфиопии он выходит рекой Нил (Геон). На западе – дает течение Фисону, который отождествляется с Дунаем. С восточными землями связываются Тигр и Евфрат. Севериан объясняет, почему «утаено есть течение» этих рек. В его трактовке это устроено Богом промыслительно, дабы шедшие по рекам люди не обнаружили райского местонахождения [10, л.266 а (с.633 [818])].

Еще один образец географического сюжета, увязанного с темой земного рая, дает древнерусская хронографическая компиляция, которая известна под названием «Летописец Еллинский и Римский». В нее включен отдельным блоком рассказ о райских реках, из которого можно было почерпнуть сведения о землях, сквозь которые эти реки протекают. Фисон, воды которого омывают «всю землю Еуладьску» и внутреннюю Индию, отождествляется одновременно с Гангом и Индом. Река Геон отождествляется с Нилом, к течению которой примыкает Ефиопия, «напаяя страны Ефиваидьския (район Фив. – *Вл.М.*) и Егупетския». Третья библейская река Тигр выходит из-под земли «и пробиется Асурьскую землю», а четвертая, Евфрат, также выходит из под земли в Армении, откуда течет, «напаяючи Перскую землю» [20, с.144–145]. Все эти реки несут свои воды в Мировой океан.

Еще один вариант рассказа «О реках иж в раи» читается в «Хронографе» конца XVI в. Согласно ему, из рая вытекает источник, который «едемское напояше село». Этот райский источник «на четыре чясти разделяющися и бывает мати рекам великолитным». О Фисоне сказано, что эта река «обходит всю землю евилатьску». Геон назван рекой эфиопской, Тигр – ассирийской, Евфрат оставлен без толкования. Делается вывод, что эти реки питают воды озер и источников по всей земле. Движение вод описывается следующим образом: из райского источника они попадают в Мировой океан, откуда подземными проходами питаются истоки рек. Затем воды вновь через моря возвращаются в Океан [3,

л.38 б–40 б]. В эту схему гидрографии можно вписать только такой рай, который локализуется за водным пространством.

Подобного рода землеописания чаще всего смыкаются с плоскостно-комарной космологией, помещающей рай в пределы физического пространства земли на востоке Вселенной. Нельзя не отметить значительной вариативности описания райских рек. По-разному объясняется их связь с истоком. Чаще всего предполагается существование подземных проходов к истокам либо непосредственно от рая, либо от Мирового океана. Наблюдается разброс при отождествлении библейских названий с реальными земными реками (под Фисоном понимался то Инд, то Ганг, то Дунай).

Сведения о земном рае и выходящих из Эдема реках присутствуют в исторических повествованиях о завоеваниях Александра Македонского. В них последовательное описание покоренных земель складывается в своеобразный путь из Европы к преддверию земного рая. Значительное количество сведений на этот счет сообщают хронографические повествования. Широта географического кругозора здесь соответствует грандиозным масштабам его завоеваний, а пределом власти становится соседствующий с раем край мира.

В «Хронике Георгия Амартола» описывается открывшаяся глазам завоевателя благочестивая жизнь на Брахманском острове, который находился близ Индии, среди окружающих его вод Мирового океана [24, с.140–141].

Еще более информативна в географическом отношении так называемая вторая редакция «Александрии». Перед читателем предстают огромные пространства Европы, Азии и частично Африки, оказавшиеся на пути войск завоевателя. В одном из сюжетов компиляции сообщается, что на своем пути войска Александра перешли текущую из рая реку Евфрат и разрушили за собою мосты [20, с.118].

Александр действовал так же, как и герои апокрифических путешествий к раю: он преодолел препятствия пограничья в виде неведомого пространства. На этом пути он оказался прежде у входа в ад, где среди смрада «видехом озеро полно человек... и слышахом плачь и стенание», слышал голоса из глубин пропасти. Через Малую Индию Александр «прииде в землю Висайдьскую индийская области... Сквозе же ту землю и река течет из рая Индосии». Отсюда, после битвы с Пором, «Александр мысляше приити к рахманом», которые «далече бо суть отселении от Индикии, от Сиречьския, у Ганьгиа реце живушее... Ганьгиа же си река, еже нарицается Фисон, иже в Писаниих лежить, един от четырии

реченных, изидущих ис породы (т.е. рая. – *Вл.М.*)» [20, с.134–135, 139, 141].

В контекст описания встреч Александра с рахманами вплетены некоторые географические сведения, проясняющие представления средневекового читателя о земном рае. Здесь говорится о том, как Александр, который «Европию же и Асию аки малу страну прешед», переправился через райскую реку, «юже зовут еллине Фисон, а мури, ефиопы – Индос, а врахмани – Гангрия». Читатель из рассказа об Александре узнает о мудром аскетическом житии рахман, которые «суть сами индии, по воли отмецуются, аки черноризци» [20, с.146, 159]. Узнает читатель и о том, что рахманы «живут близ Великиа Индиа на реце Ганьгрии, яже течет из рая в Акиан великии, иже обходит всю землю».

В «Хронике Георгия Амартола», в отличие от «Летописца Еллинского и Римского», точка зрения на островное положение рахман проводится последовательно. Рахманский остров – это устоявшийся топоним апокрифической литературы, связанный с верой в существование земного рая близ Индии.

Были ли в Древней Руси читатели, специально интересовавшиеся такого рода сведениями и способные адекватно воспринять достаточно непростую информацию? Можно указать на весьма красноречивый пример, свидетельствующий о целенаправленном отборе материалов о земном рае. В конце XV столетия кирилло-белозерский книгочей инок Ефросин в рукописные сборники своего книжного собрания отобрал и поместил многие из известных к тому времени на Руси рассказов об Индии и рахманах. Наряду со «Словом о рахманах и о предивном их житии», восходящем к «Хронике Георгия Амартола», он помещает в ту же рукопись заимствованный из «Хронографической Александрии» рассказ Палладия о рахманах и «Сказание об Индийском царстве», а в другие свои сборники включает содержащую сведения о рахманской Индии первую редакцию «Хронографической Александрии» [6, №11/1088, л.198 а–204 а, 462 а–483 а, 447 а–513 а, 483 а–485 б. – См.: 23, с.162; 18, с.140, 175, 194]. Исследование проблемы крайних пределов земных, выразившееся в целенаправленной тематической подборке текстов, Ефросин обобщил собственным кратким выводом: «рахмане сифово племя не согрешили богу близь рая живут видети за темностию раи» [6, №9/1086, л.477 а]. Насыщенные сакрально-географической информацией тексты нашли своего заинтересованного читателя, способного обобщить собранный материал.

Можно констатировать, что в древнерусской книжности существовала солидная литературная традиция, в рамках которой разные по жанру произведения заключали в себе более или менее точные географические ориентиры подходов к земному раю. Естественно, что все эти произведения переписывались в первую очередь теми, кто стоял на позициях антиохийского богословия и являлся приверженцем концепции земного рая.

На этом фоне поднимавшаяся в древнерусской оригинальной книжности тема земного рая не выглядит маргинальной. И «Послание» Василия Калики, и полемические статьи из сборников смешанного содержания в защиту концепции земного рая выражали широко известную на Руси точку зрения. Свою лепту внесли и географические сюжеты из сборников и хронографов, а также различные версии «Александрии».

Иной мир по данным древнерусских апокрифов

Аргументация, к которой прибегал Василий Калика в спорах о рае, наглядно свидетельствует, что представления о земном рае формировались под сильным влиянием апокрифической книжности.

Остается выяснить, можно ли отнести апокрифические хождения в рай к разряду географической литературы или идеи апокрифов имели исключительно концептуальный смысл. «Хождение Агапия в рай», «Хождение Зосимы к рахманам» и «Житие Макария Римского» давно уже объединены исследователями в единый сюжетно-тематический цикл, по признаку общей для них веры в то, что рай находится не на небесах, а существует непосредственно на земле [См.: 12, с.1–7; 35, с.92. 38, с.223]. Такая мотивировка не противоречит установкам антиохийского богословия. Но есть ли соприкосновения в конкретике видения земного пространства на пути в рай?

Пожалуй, ближе всего к географическим сюжетам райской тематики стоит «Житие Макария Римского» [25, с.194–195]. Оно содержит много сведений об окраинных землях Вселенной. Текст построен как описание путешествия трех монахов, пустившихся на поиски земного рая. Последний мыслился там, где небо «прилежит к земле». Начальная часть повествования имеет четкий географический вектор, а описанное направление пути выглядит вполне достоверно: из монастыря Асклепия в Месопотамии, что между райскими реками Тигр и Евфрат, иноки направляются сначала в Иерусалим, а потом оттуда на восток, в Персию. После того, как путешественники вошли в землю Индийскую, описание

приобретает фантастические черты. Путники попадают в таинственный мир, пути в котором неведомы. Все время двигаясь на восток, они достигли пределов, куда доходил Александр Македонский. Как и завоеватель, они минуют страну чудес, где им встречаются андрогины, песьеглавцы и пигмеи.

Прежде чем попасть к раю, путешественники получают представление о том, как выглядят адские муки. Преодолев преграды встающей тьмы, иноки наблюдают юдоль печали и места, в которых мучались грешники. В смрадном озере, полном змей, стенали люди. Невдалеке окованные веригами огромные мужи страдали в опалявшем их пламени. На краю пропасти они видели жену, обвитую змеем, и слышали долетающий из глубин плач с просьбами о милости. Такова важная для формирования представлений об ином мире составная часть апокрифического повествования, формировавшая в сознании общее понимание инобытийной реальности.

Древнерусские книжники старались прояснить тайну загробного существования. Об устойчивом интересе к этой проблеме свидетельствует «Измарагд» по списку XIV–XV вв., предлагавший своим читателям самое общее разъяснение на этот счет: «где сут прежде усопших душа... от святого писания разумеем иже грешни сут ти под землю и под морем... в земли мгляне и темне... а праведных душа в свете» [7, л.135 б–136 а].

Поскольку в Св. Писании и в официальной церковной книжности ни места, ни характер мук не конкретизировались, то этот вакуум заполняли апокрифы, наполненные описанием устрашающих сцен посмертных наказаний. «Хождение Богородицы по мукам» воспроизводит открывшиеся во время путешествия Марии по загробному миру картины мучений. Ее взору открываются тяжкие страдания грешников в развершемся подземном аду [25, с.510 и след.].

Согласно «Видению Павла» апостолу также были свыше открыты тайны инобытия и показаны места пребывания грешников и праведников. В сопровождении ангела он сначала посетил небесный райский сад, уготованный праведникам, со всеми его благодатными атрибутами. Для этого он был вознесен до третьего неба и увидел, как из райских кущ берут свое начало и райские реки. Затем он был перенесен на край мира, за Океан, к расположению ада. Последний рисуется в образе страшного места, где в пропасть скорь, мгла, огненная стихия и разнообразные нескончаемые муки. В инобытийную картину вписан также Эдем, из которого изгнан был Адам. Когда Павел оказался там, то увидел, что в

нем пребывают ветхозаветные праведники [25, с.569–573, 575–576]. Эта сакральная часть мира – рай исторический. Образы благ и мучений в этом произведении контрастируют. Вполне материальные терзания грешников в апокрифах столь впечатляюще картинны, что впоследствии послужили прообразом для художественного изображения мук на миниатюрах и в иконописи.

Но вернемся к «Житию Макария Римского». В нем, как и в «Видении Павла», обе части иного мира помещаются в пределах физического пространства. Согласно «Житию» они находятся по соседству. Преодолев места мучений, иноки вышли навстречу веющему из рая благоуханию. На подступах к раю, в двадцати поприщах от него, путешественники встретили Макария. Непосредственно в пределы рая они не попадают. Устройство недоступной обители праведных им было открыто во сне. Горы там поднимались выше небес, воды озаряло мощное световое сияние, с четырех сторон дули чудесные четырехцветные ветры. Обратный путь также описан вполне географически достоверно [См.: 28, с.59–66]. Апокриф, с лежащей в его основе концепцией земного рая, вводит мотив конкретизации пути в сакральную точку физического пространства, которое оказывается на стыке доступного и недоступного. Лежащие за пределами освоенного и известного мира подступы к раю предстают в вымышленных мифологических чертах. Фантастические образы находящейся на окраине тогдашней ойкумены страны неизвестной заимствованы из «Александрии», с которой по охарактеризованным выше признакам «Житие Макария Римского» сопоставимо. Как видим, есть все основания относить «Житие» к группе текстов, в которых фантастическая география смыкается с реальной.

В других хождениях к раю географические реалии отсутствуют полностью. Места, которые преодолевают визионеры, сказочные. Даже направление путешествия не обозначено. Их ведет трансцендентная сила – либо непосредственно сам Бог, либо чудесные помощники, исполняющие предназначенную им свыше роль. Типичный пример – «Хождение Зосимы к рахманам», появившееся в русских переводах не позднее XIV века. В нем описывается, как старец Зосима преодолевает многочисленные земные преграды (пустыню, угрозы лютых зверей, бури, землетрясения) и достигает непроходимой реки Евмасион. Облачную стену, ограждавшую рай, он преодолевает чудесным образом – на ветвях перенесших его деревьев. В обители блаженных, отделенной от мира пограничной рекой, Зосима наблюдает жизнь праведных людей [28, с.81–92]. В повествовании объединены мотивы рассказов об индий-

ских брахманах (нагомудрецах), с которыми встречался во время своих походов Александр Македонский, и описание рехавитов – потомков Рехава, легендарного родоначальника одного из еврейских колен, о котором повествует «Иосипон». Насельниками рая оказываются вполне плотские и смертные праведники. В тексте апокрифа о хождении Зосимы всякие реалии локализации страны праведников полностью отсутствуют.

В наименьшей степени отстранено от реалий «Хождение Агапия в рай», которое довольно рано вошло в древнерусскую письменность. Главный герой повествования в своем странствии к раю следует за орлом, преодолевая различные неведомые места, непроходимые леса и достигает главной преграды – моря. Водную преграду он пересекает на корабле, и в этом помогают ему чудесные корабельщики – сам Христос и 12 апостолов. В островную райскую обитель, огражденную стенами до неба, Агапий попадает через оконце. Земной рай открывается избраннику вне реального пространства мироздания. Ясно, что райская страна – это удаленная часть мироздания. Однако никаких намеков на ее пространственное расположение в произведении нет. Единственное, что связывает хождения Агапия и Зосимы с сакральной географией, – это признание земной локализации рая. Только по одному этому признаку апокрифические сочинения можно соотнести с антиохийской космологией. В отличие от этих богословских произведений райской тематики неведомые пространства апокрифических хождений географически обезличены.

Суммированный выше материал, за исключением двух апокрифов, в целом отвечает критериям антиохийской традиции богословия и дает прочные основания считать, что иной мир в рамках этой традиции стабильно понимался как географический феномен, расположенный в окраинной части физического пространства за пределами обитаемых земель. Если ад представлялся скрытой под земной поверхностью юдолью разнообразных мук, то относительно рая предполагалось несколько версий его локализации: 1) на острове; 2) на противоположной стороне Мирового океана; 3) в пределах ойкумены. Расположение рая на острове или противлежащей заокеанской земле можно рассматривать как родственные инварианты локализации рая за водной преградой. Топографическими признаками от них отличается континентальная версия земного рая, местоположение которого относилось на окраинные земли

ойкумены⁵. Таков спектр гипотез, которые выдвигали представители одного богословского направления.

Самым ярким примером континентальной локализации рая является подробно рассмотренная выше экзегеза Севериана Габальского на вторую главу Книги Бытия. Вслед за Афанасием Александрийским расположение райской обители он связывал с отдаленными районами Индии, откуда ветры доносят благоуханное дыхание рая [39, с.438]. На Руси подобные воззрения, наряду с «Шестодневом» Севериана, распространялись вместе со списками «Жития Макария Римского», согласно которому отшельник поселился в 20 верстах от рая.

Абсолютное большинство древнерусских текстов интересующей нас традиции помещают местонахождение райской обители за водной преградой. Классическим и широко распространенным в отечественной письменности образцом такой концепции, как мы видели, была «Христианская топография» Козьмы Индикоплова. Та же точка зрения отражена в апокрифе «О всей твари»: «за акьяном же есть земля, на ней же рай и муки» [28, с.350].

В «Александрии» и отразивших ее хронографических сводах фигурирует уже островная концепция рая. Например, в Сербской «Александрии» повествуется о Макариевских островах близ Индии, на которых сначала жили Адам и Ева с детьми, а потом там пребывали населяющие райские пределы нагомудрецы рахманы [27, с.106].

Макариевские острова (в семантическом значении «острова праведных») своим названием могли быть обязаны истории о Макарии Римском. В пользу этого говорит содержание статьи «Об Океанской реке»

Островной образ рая.
Иллюстрация к начальной истории человечества из Библии 1581 г.
(РГБ. Музей книги).

⁵ О дифференциации версий местоположения земного рая см.: [15, с.217–225].

естественнонаучного сборника XV века. В ней сообщается о путешествии святого к райским вратам в восточных пределах мироздания. В этом рассказе, в отличие от «Жития», недоступность обители праведных объясняется нахождением ее за Океанской рекой, вытекающей из врат рая. В том же сборнике, в статье «О четырех морях», упоминаются «островы оны макары», согласно описанию располагавшиеся в водах Океана у крайних пределов Индии. Рассказ о плавании к ним некоего Евсевия, который был очарован сладким пением и не проник внутрь чудесного острова, можно отнести к разряду апокрифических литературных повествований о путешествиях к земному раю [1, №951. л.285 б–286 а, 287 б–288 а].

В существующих описаниях рая за водной преградой роль этой преграды неизменно выполняет Мировой океан. Океан – это как раз тот элемент космоустройства, с которого начинается географическая перспектива «дольнего» пространства. Поэтому образ Мирового океана, как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, присутствует одновременно и в космологических схемах, и в сюжетах землеописаний. Для нас важно, что фактор Океана являлся неотъемлемой частью важнейшего для религиозного сознания понятия райских мест. Земной рай в океаническом пространстве у окраин ойкумены – типологический признак богословской концепции рая за водной преградой. Именно безбрежностью Океана и его пучинами чаще всего объяснялась недостижимость островной обители блаженных. Тема Мирового океана в некоторых из вышеназванных источников совмещается с островной концепцией рая и с географической привязкой райских рек к внутренним морям. В восточнохристианском мире весомость островной версии придавало то, что ее разделял Ефрем Сирийский – один из столпов мистико-аскетического направления в христианстве и едва ли не самый авторитетный представитель антиохийской школы. В его трактовке Океан, окружающий райский остров, образно уподоблен высокой, до неба, стене. Созданный Ефремом облик недоступной райской обители имеет общие признаки с соответствующими образами повествований о путешествиях к островному раю.

Для нашего исследования важным представляется то обстоятельство, что Василий Калита, доказывая реальность существования библейского рая, буквалистскую трактовку Книги Бытия подкрепляет не отсылками к авторитетной экзегезе, а воспроизводит бродячие международные мотивы островного рая, которые в его послании образуют синтез апокрифа и народной легенды.

Опору на фактуру хождений вряд ли можно признать безупречной с канонической точки зрения. С авторитетными церковными текстами они совпадают только в пункте, который постулирует существование земного рая. Еще дальше отстоят от норм ведения церковной полемики ссылки новгородского святителя на живой опыт его современников, которые, по убеждению владыки, побывали в райских пределах. Он передает их рассказ с полной уверенностью в его достоверности, не считаясь с тем, что земляки Василия придали описанию своего морского путешествия черты некой типизации по хорошо узнаваемым мифологическим «лекалам». Созданный в «Послании» по этим «лекалам» образ райского острова, несмотря на местный колорит, является традиционным для народного миропонимания инвариантом земного рая апокрифов.

Список сокращений

ГИМ – Государственный исторический музей
РГБ – Российская государственная библиотека
РНБ – Российская национальная библиотека
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы

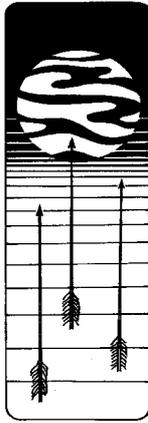
Библиография

1. Отдел рукописей ГИМ. Собр. Синодальное. №155 /108; 951.
2. Отдел рукописей ГИМ. Собр. Уваровское. №516.
3. Отдел рукописей РГБ. Собр. Егорьевское. №202.
4. Отдел рукописей РГБ. Собр. МДА (Московской духовной академии) I. №49.
5. Отдел рукописей РГБ. Собр. Троицкое. №744.
6. Отдел рукописей РНБ. Собр. Кирилло-Белозерское. №9 / 1086; 11 / 1088.
7. Отдел рукописей РНБ. Собр. Соловецкое. №259 / 317.
8. Отдел рукописей РНБ. Собр. Софийское. №1197.
9. Баранкова Г.С. К вопросу о переводах Шестоднева Севериана Габальского в древнеславянской и древнерусской книжности // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. М.: Древлехранилище, 2002. С.5–46.
10. Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб.: Алетейя, 1999. – 971 с.
11. Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, экзарха Болгарского // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1877. Кн.3. С.1–254.

12. Веселовский А.Н. Параллели к сказанию о рае // Филологические записки. 1875. Вып. III. С.1–7.
13. Голейзовский Н.К. «Послание о рае» и русско-византийские отношения в середине XIV в. // Русско-болгарские культурные связи в эпоху Средневековья. София: Университетско изд-во, 1982. С.42–67.
14. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолствующих. М.: Канон, 1995. – 381 с.
15. Григорьев А.В. Древнерусская космология и практическая география. По данным средневековых представлений о рае // Древнерусская космология. СПб.: Алетейя, 2004. С.217–225.
16. Гукова С.Н. Карта мира Козьмы Индикоплова // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. Вып.17. С.308–321.
17. Илюшина Л.А. Христианская топография Козьмы Индикоплова // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М.: Ин-т истории АН СССР, 1976. Вып.2. Ч.1. С.157–164.
18. Каган М.Д., Поньрко Н.В., Рождественская М.В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // Труды отдела древнерусской литературы Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. Т. XXXV. С.3–300.
19. Книга нарицаема Козьма Индикоплов. М.: Индрик, 1997. – 774 с.
20. Летописец Еллинский и Римский. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т.1. – 510 с.
21. Лончакова Г.А. «Послание о земном рае» в прочтении древнерусских книжников 14–16 вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири. Рукописная и печатная книга на востоке страны: Сб. науч. тр. Новосибирск: ГПНТБ, 1992. С.112–134.
22. Лончакова Г.А. Послание Василия Калики Федору Доброму // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск: Б.и., 1975. Вып.19. С.83–104.
23. Лурье Я.С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. XVII. С.130–168.
24. Матвеев В.А., Щеголева Л.И. Книги временные и образные Георгия Монаха. М.: Наука, 2006. Т.1. Ч.1. – 633 с.
25. Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 1999. – 894 с.
26. Мильков В.В. Церковные, народные и античные представления об ином мире в их отношении к апокрифическому образу рая // Древняя Русь: Пересечение традиций. М.: Скрипторий, 1997. С.250–280.

27. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Худож. лит., 1982. – 688 с.
28. Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изд. Н.Тихонравовым. М.: Университетская тип. Катков и К, 1863. Т.2. – 457 с.
29. Панченко А.М. Василий Калика // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. Вып.1: XI – первая половина XIV века. С.92–95.
30. Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 412 с.
31. Пиотровская Е.К. К изучению древнерусской версии «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова // Византийский временник. М., 1990. Т.51. С.106–111.
32. Послание Василия Новгородского Федору Тверскому о рае // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т.6: XIV – середина XV века. С.42–49, 517.
33. Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова двенадцать слов. М.: Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1869. – 193 с.
34. Прохоров Г.М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. Т.ХХIII. С.86–108.
35. Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула: Тип. Н.И.Соколова, 1879. – 249 с.
36. Седельников А.Д. Мотив о рае в русском средневековом прении // Byzantinoslavica. 1937–1938. Roč.VII. S.164–173.
37. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1982. Вып.9. – 357 с.
38. Тихонравов Н.С. Отреченные книги древней России // Тихонравов Н.С. Сочинения. М.: Сабашниковы, 1898. Т.1. С.3–255.
39. Удальцова З.В. Козьма Индикоплов и его «Христианская топография» // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М.: Наука, 1984. С.467–477.
40. Sedel'nikov A.D. Vasilij Kalika: L'histoire et la legende // Revue des etudes slaves. T.VII. Fasc. 3–4. 1927. P.224–240.

(Окончание следует)

Ирина Мироненко-Маренкова

**«БЕЗУМНЫЕ ХРИСТА
РАДИ» И «МИРСКАЯ
СВЯТОСТЬ»
В ДРЕВНЕЙ РУСИ**

**КЛАССИЧЕСКИЙ ТЕКСТ
ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ О РУССКОМ
ЮРОДСТВЕ**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
235.3

Франкоязычная библиография, посвященная русской религиозности, и в частности феномену юродства, во многом основана на трудах православной эмигрантской среды. Ярким примером тому является жизненный и творческий путь Элизабет Бер-Сижель (1907–2005), французской исследовательницы, принявшей православие и занимавшейся историей Православной церкви и русского богословия. Ее исследование русской духовности, базирующееся на концепции Г.Федотова, по сей день не утратило актуальности для франкоязычных читателей.

Bibliography in French devoted to the Russian religious piety, to foolishness for Christ in particular is in many respects based on works by the Russian Orthodox community. The life and creative development of Elisabeth Behr-Sigel (1907–2005), the French researcher who adopted the Russian Orthodoxy and studied history of the Orthodox church and the Russian theology are the most vivid example of the thesis. Her study of the Russian spirituality based on G.Fedotov's conception, has not lost its relevancy for French readers up to now.

Ключевые слова: франкоязычная библиография; юродивые; святость; Э.Бер-Сижель; Г.Федотов.

Key words: the French language bibliography; fools for Christ; holiness; E.Behr-Sigel; G.Fedotov.

E-mail: irina-mm@yandex.ru

Десять лет назад в Париже скончалась Элизабет (Елизавета Дмитриевна) Бер-Сижель, крупный специалист по теологии и философии. Интересен жизненный путь этой женщины, сумевшей плодотворно объединить свои научные и духовные искания [Подробную биографию Э.Бер-Сижель см.: 21]. Родившаяся в 1907 г. в окрестностях Страсбурга в семье лютеранина и иудейки, Элизабет с детства оказалась в космополитической среде: к отцовскому франко-немецкому наследию примешивалась австро-венгерская нота от матери, приехавшей из Богемии. Родители были верующими, но не придавали большого значения формальной и обрядовой стороне религии, Элизабет же в 14 лет под влиянием школьных товарищей обратилась к лютеранской церкви, в которой была крещена в младенчестве.

Девочка с детства чувствовала некоторую дистанцию по отношению к буржуазному протестантскому семейству Сижель, с недоверием относившемуся к женитьбе ее отца Шарля на иностранке-еврейке, продолжавшей поддерживать связи с богемскими родственниками. Другим болезненным детским опытом стало вступление французских войск в Эльзас в 1918 г.: тогда к резкой смене гражданства добавилось тяжелое ощущение от национальной ненависти, объектом которой внезапно стали семьи ее немецких друзей.

В 16 лет Элизабет стала членом Всемирной федерации студенческих христианских ассоциаций (FUACE), основанной в 1895 г. протестантами-миссионерами и переживавшей в ту пору свой расцвет [О федерации см.: 18]. Ячейка, куда входила Элизабет (в ней состояло также несколько католиков), проводила регулярные собрания для изучения Библии и обсуждения современных социальных проблем.

По окончании школы Сижель продолжила образование на философском факультете Страсбургского университета (там же учился будущий знаменитый философ Эммануэль Левинас; она переписывалась с ним до самой его смерти в 1995 г.). В 1927 г. в ее *alma-mater* был открыт факультет протестантской теологии, и Элизабет поспешила туда записать-

Элизабет Бер-Сижель

ся, войдя в число первых женщин, допущенных к изучению теологии. На факультете она встретила православных студентов (одного румына и двух русских – Георгия Серикова и Павла Фидлера), которые познакомили ее с русской религиозной философией XIX столетия. Особенно сильное впечатление на нее произвела работа Алексея Хомякова «Церковь одна», которая представляла Церковь не в качестве строгого института, а как живой организм, наполненный верой и любовью, объединяющий всех христиан.

В следующем году Элизабет присутствовала на православной пасхальной службе, проводившейся отцом Сергием Булгаковым в Свято-Сергиевском богословском институте, основанном русскими эмигрантами в 1925 г. Служба оказала на юную студентку такое влияние, что она решила глубже изучить православие и продолжить обучение на следующем курсе на Парижском факультете протестантской теологии. В столице Сижель влилась в русскую эмигрантскую среду, где общалась с видными православными деятелями, в том числе Павлом Евдокимовым, Владимиром Лосским, Евграфом Ковалевским и, главное, со Львом Жилле, французским монахом-бенедиктинцем, мечтавшим об объединении Церквей и перешедшим в 1928 г. в православие. В 1929 г. сама Элизабет по примеру Жилле, ставшего ее духовным отцом и другом-наставником на долгие годы, приняла православие. Впоследствии Элизабет объясняла этот выбор тем, что воспринимала православие как вариант более мистической и при этом каждодневной жизни с Христом, а также как путь единения верующего с общиной, позволяющий преодолеть римскую католическую централизацию и протестантский индивидуализм.

В работе над дипломом, посвященным русской святости, ей помогал Георгий Федотов, в ту пору преподававший в Париже. Его влияние на это сочинение чрезвычайно заметно как в плане отбора материала, так и его интерпретации. Результаты исследования были по главам опубликованы в журнале *Иреникон*, а в 1950 г. вышли отдельной книгой, озаглавленной «Молитва и святость в Русской церкви» (*Prière et sainteté dans l'Eglise russe*), откуда и взят предлагаемый читателям отрывок. Текст этот, спустя 65 лет после первой публикации, по-прежнему является классическим для западноевропейской историографии русского юродства.

Книга включает в себя главы, посвященные святым князьям Киевской Руси и времен татарского нашествия, монахам Юга и Севера России, Нилу Сорскому и Иосифу Волоцкому, юродивым и святым мира-

нам, а также старцам XVIII–XIX веков. Кроме того, Бер-Сижель дает историческую справку о канонизации в России и обзор источников и основных исследований по теме русской святости (преимущественно русских дореволюционных сочинений), а завершает свой труд очерком о роли монашества в духовной жизни русского народа.

Она отмечает, что русская святость, в отличие от латинской и византийской традиции, лишена привычной иерархии (мученики, исповедники, аскеты, святые епископы и императоры). В этой системе своим духовным совершенством человек освобождается от земных рамок и строгих социальных категорий. Выделяя две модели святости, монашескую и мирскую, Бер-Сижель подчеркивает, что четкого разграничения добродетелей, присущих этим моделям, не существует.

В целом, в русской святости исследовательница выделяет три основных типа, присущих именно русской традиции в отличие от католической и греческой: страстотерпцев, юродивых и старцев. Страстотерпцы, переносящие муки подобно Христу, отличаются от мучеников, известных во всех ветвях христианства, тем, что страдают не только ради веры, но и из любви к ближнему. Не противясь насилию, они выбирают путь невинности и принятия своей судьбы, ведущий к освобождению от грехов. Категория эта довольно размыта и включает как князей, убитых соперниками или татарами, так и замученного по приказу Ивана Грозного митрополита Московского Филиппа, а также невинных детей, погибших в раннем возрасте от рук злодеев или под ударом стихии.

Старчество – служение монахов, достигших духовной зрелости и способных направлять души окружающих, представляет собой еще одно особое явление в русской традиции. В отличие от греческих монахов, русские старцы руководили не только монастырской братией, но и давали наставления мирянам. Этот тип подвижничества объединял интенсивную внутреннюю жизнь и активное служение окружающим, за счет чего был близок вере первых христиан.

Наконец юродивые, хотя и присутствовали в византийской традиции, особую известность получили на Руси. Их путь самоотречения, добровольного унижения и божественной мудрости, обретенной взамен мирского разума, сильнее всего отражает, по мнению автора, эсхатологический настрой русского православия.

Опираясь на работу Г.Федотова «Святые Древней Руси» (Париж, 1931), Сижель дает краткий исторический очерк юродства и рассматривает его в традиционном ключе – на стыке индивидуального духовного поиска и социального служения, выражающегося в наставлении окру-

жающих и помощи им. Любопытно упоминание некоторых западных святых, которых она прямо называет западными юродивыми. К сожалению, Сижель ограничивается лишь перечислением имен, не давая никакого сопоставительного анализа восточных и западных безумных Христа ради.

Закончив учебу, в 1931 г. Элизабет Сижель, по предложению декана своего факультета, стала пастором в деревне близ Страсбурга, оставаясь при этом прихожанкой Православной церкви. Несмотря на дружелюбное отношение своей паствы и престижный официальный статус, Элизабет остро чувствовала свое необычное положение и мучительную необходимость окончательного выбора между Церквями. В конце 1932 г. она приняла непростое решение – заявить о своей принадлежности к православию, что означало для нее конец пасторской деятельности и к тому же невозможность найти работу, отвечающую ее образованию и интересам. Выйдя в 1933 г. замуж за химика Андрея Бера, русского эмигранта, встреченного еще в студенческие годы, Элизабет последовала за ним в Нанси. Рождение двоих детей (всего их будет трое) не прервало ее общения с православными деятелями. Одновременно молодая мать продолжала интеллектуальные занятия, писала статьи на философские и религиозные сюжеты и активно участвовала в социальной жизни.

С началом Второй мировой войны Андре Бер был призван в армию, а Элизабет уехала с детьми в Бретань, где преподавала в школе для беженцев. После капитуляции Франции вся семья вернулась в Нанси, где они организовали небольшую экуменическую группу, члены которой обсуждали вопросы религии и участвовали в Сопротивлении. Послевоенная жизнь Элизабет была отягощена необходимостью содержать себя и детей, поскольку в тот период муж, страдавший от различных болезней и алкоголизма, не мог быть серьезной опорой для семьи. Финансовую стабильность семья обрела лишь к концу 1950-х гг., когда оба супруга достигли профессионального признания.

В 1951 г. Бер-Сижель приступила к написанию в Сорбонне диссертации о русском богослове XIX столетия Александре Бухареве, которую защитила спустя два десятилетия, уже будучи на пенсии, а в 1977 г. издала в виде отдельной книги. Бер-Сижель входила в редакцию журнала *Контакты*, одного из самых заметных франкоязычных православных периодических изданий, где публиковались Оливье Клеман, Николай Лосский, Борис Бобринский. Параллельно она преподавала в разных городах Франции и за рубежом, став заметным деятелем экуменического движения и крупным западным специалистом по православию. После

смерти мужа (1968) она обосновалась в Париже, где в 1970-е годы была старостой православного прихода Святой Троицы в крипте собора святого Александра Невского.

Одной из важнейших тем ее творчества стало размышление о месте женщины в Церкви. Получившая известность благодаря выступлениям на многочисленных конференциях и публикации двух книг, посвященных этому вопросу, Элизабет Бер-Сижель, выступавшая за восстановление института диаконис и рукоположение женщин, считается одной из самых влиятельных женщин в западном православии и экуменическом движении.

Книга Бер-Сижель о русской святости была переиздана в 1982 г. Год спустя в Париже осуществили посмертную публикацию исследования Ирины Горяиновой «Юродивые в православной традиции» [19]. Концепция этой книги во многом повторяет исследования Г.Федотова и Э.Бер-Сижель, акцентирующих внимание читателей на символической стороне поведения юродивых, их назидании царям и покровительстве простому народу. Эти публикации, вдохновленные русской эмигрантской средой, по сей день остаются наиболее полными во франкоязычной литературе, посвященной этому феномену православной культуры.

Между тем существуют и иные подходы к рассмотрению юродства¹. Во Франции в 1881 г. был канонизирован Бенуа-Жозеф Лабр (1748–1783), нищий палом-

Богоматерь с избранными святыми. Изображены (снизу вверх, справа налево): Василий Блаженный, Максим Юродивый, Иоанн Большой колпак, Прокопий и Иоанн Устюжские, князь Дмитрий Донской (предположительно), неизвестный праведный, Димитрий царевич, княгиня Евфросиния (Евдокия) (предположительно), игуменья Елена (предположительно). Прорись с иконы XVII в.

¹ В англоязычной литературе важное место занимает работа Евы Томпсон [25]. Исследовательница описывала юродивых как харизматичных христианских максималистов.

больших религиозных семейств. [...] Впрочем, Бенуа-Жозеф Лабр принадлежал к одной категории, а именно к категории... не поддающихся классификации. Бенуа Лабр – это типичный представитель безумцев Христа ради, и в нем мы найдем черты паломника из Манрезы, блаженного, встреченного Сюреном⁴, и всех западных *юродивых*» [8, р.17–18].

Таким образом, французские историки религиозности периодически обращались к теме восточно-христианских блаженных, когда анализировали пример нетрадиционного поведения святого, взятый из собственной истории. Странствия Б.-Ж.Лабра, его истязания собственной плоти и самоуничужение были непривычны для католической традиции, зато прекрасно иллюстрировали православную практику юродства.

Помимо этого, существует несколько более общих работ, где затрагивается сюжет русского юродства. В 1983 г. в Париже вышел перевод книги американца Джона Саварда. Автор, создавая широкий исторический обзор темы священного безумия в христианстве, поместил католических мистиков, в том числе и Б.-Ж.Лабра, в один ряд с восточными и русскими юродивыми [24]. Подобное типологическое исследование представляет большой интерес. Однако автор рассматривает развитие «священного безумия» только в диахроническом плане, представляя все собранные им примеры как последовательные этапы общей эволюции. Он не сравнивает традиций, сосуществовавших в одно и то же время, и, что особенно важно, рассматривает святых в отрыве от исторического контекста и не задается вопросом о восприятии их современниками и о смыслах, вкладываемых в поведение святых их агиографами, почитателями и сторонними наблюдателями.

Из новейших исследований на французском языке следует отметить работу Катрин Пэнге «Безумная мудрость» [22]. Она состоит из двух частей: в первой – христианское юродство сопоставляется с исламской традицией; во второй – рассматриваются формы иррационального выражения духовного опыта в исламе и ставится вопрос о возможности их сравнения с аналогичными практиками на средневековом и современном Западе.

⁴ Паломник из Манрезы – Св. Игнатий Лойола, проведший несколько месяцев в пещере близ города Манреза (Каталония) в строжайшей аскезе и совершивший паломничество в Святую Землю. Сурен или Серен (Seurin): возможно, имеется в виду уроженец Аквитании, епископ Кельна (V в.), который однажды встретил отшельника, отказавшегося от богатств и покинувшего дом в день собственной свадьбы, последовав в пустыню за ангелом, обещавшим ему небесное блаженство.

Таким образом, современные франкоязычные исследования обычно сосредоточены на объяснении юродства внутри христианской парадигмы или на проведении типологических параллелей. Число работ, посвященных непосредственно православной духовности, невелико и по-прежнему в значительной мере ориентировано на труды русских историков, прежде всего на культурно-исследовательские традиции русской эмиграции⁵.

Элизабет Бер-Сижель
«Молитва и святость в Русской церкви» (отрывок)

Победа сторонников Иосифа Волоцкого в начале XVI в. ознаменовала начало периода, когда в Русской церкви возобладала обрядовая сторона. Однако нельзя забывать, что в ту же эпоху достиг расцвета особый тип святости, вдохновленный, напротив, полным презрением к внешним формам религиозной жизни, враждебный ко всяким условностям, нравственному притворству, тот тип святости, который являлся живым протестом против любой секуляризации и гуманизации христианского идеала: речь идет о юродивых, *безумных Христа ради* [См.: 6, гл. XIII].

Слово *юрод* происходит от славянского корня, означающего «нечто странное». Между тем юродство, то есть *безумие Христа ради*, не является специфически русским феноменом. Его библейской основой является отрывок из Первого послания Коринфянам (1:25), звучащий дословно: «Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков».

Во времена первых христиан в Сирии и Палестине появились *безумные Христа ради*. Наиболее знамениты среди них святой Симеон (VI в.) и святой Андрей Константинопольский (IX–X вв.). Их чрезвычайно интересные биографии были широко распространены в Древней Руси и оказали неоспоримое влияние на русские жития.

Гораздо менее известно, что *безумные Христа ради* встречались и на Западе: святой Ульпия (VIII в.), святой Иоанн Коломбини (XIV в.) и святой Иоанн Божий (XVI в.). Сравнение восточной и западной форм *безумия Христа ради* было бы интересным делом, за которое пока еще никто не взялся⁶.

⁵ Краткая библиография Элизабет Бер-Сижель: [15; 12; 9; 11, русский перевод: 1; 10; 13; 14, русский перевод: 2].

⁶ Как пример сравнения см. кандидатскую диссертацию И.К.Мироненко-Маренковой [5].
– Прим. пер.

Впрочем, не только в христианстве, но и в других культурах, особенно в эллинистическом мире, безумные часто воспринимались как направляемые божественной силой. Этой почти всеобщей вере в сакральность безумия Церковь в первые века своего существования устами святого Павла придала совершенно новый и грандиозный смысл, противопоставив мирскую мудрость безумию Креста – безумию, которое в действительности является проявлением мистической и тайной мудрости Господа (1 Кор. 1 и 2).

Позднее в Церкви появится притворное безумие, вдохновленное аскетическими мотивами. Но оно лишь дополнит первоначальную богословскую идею, не вытеснив ее. *Безумие Христа ради* останется символом переоценки ценностей, которая предвещает и характеризует собой наступление Царствия Божия на земле.

На Руси *безумные Христа ради* существовали почти во все эпохи.

Примечательно, что число канонизированных юродивых заметно возросло в XV и XVI вв. по сравнению с предшествующими и последующими периодами: в XIV столетии их было четверо, в XV – одиннадцать, в XVI – четырнадцать и в XVII – семь⁷.

Читая агиографические документы трудно составить правдоподобный образ *безумных Христа ради* и понять ту религиозную идею, которая ими руководила. О тех из них, кто жил до XIV столетия, мы располагаем лишь очень скудными биографическими сведениями или же житиями, написанными спустя долгое время после их смерти. Биографии юродивых XV и XVI вв. писались современниками. Однако в том случае, когда эти биографы были духовными лицами, забота о благопристойности и страх противоречия общепринятым нравственным постулатам зачастую приводили к тому, что в жизни героев все шокирующее, с точки зрения здравого смысла и обычной этики, ретушировалось с помощью перифраза или неясного выражения. Если же образ юродивого донесла до

⁷ В отечественной историографии традиционно называют Николая Кочанова и Федора Новгородского (XIV в.); Георгия Шенкурского, Иакова Боровицкого, Максима Московского, Михаила Клопского, Исидора Твердислова, Иоанна Устюжского (XV в.); Лаврентия Калужского, Василия Блаженного, Николая Псковского, Иоанна Власатого, Симона Юрьевоцкого, Галактиона Ферапонтовского, Иоанна Большого Колпака, Арсения Новгородского (XVI в.); Киприана Суздальского, Прокопия Вятского, Максима Тотемского и Андрея Тотемского (XVII в.). Вероятно, данные о численности юродивых в разные столетия Э.Бер-Сижель берет из упомянутой книги Г.П.Федотова, где указаны эти цифры, но сам список юродивых не приводится. – Прим. пер.

нас, наоборот, народная легенда, то она также исказила его в соответствии с законами жанра, отдав предпочтение тому, что поражает воображение и носит символический смысл, а не тому, что отражает историческую правду. Мы можем лишь выявить типичные черты юродивых такими, какими их сохранила церковная агиография и народное предание.

Чтобы понять значение этих характеристик, нужно обратиться к античному идеалу, который служил образцом для юродивых, но к которому добавились также некоторые новые черты.

Представим вкратце основные положения греческой идеи о *безумных Христа ради*. Прежде всего, святые, симулирующие безумие или чрезмерное простодушие, вызывая тем самым гнев и насмешки людей, увлечены аскетическим стремлением быть уязвленными в своей человеческой гордыне, быть осмеянными и презираемыми всеми.

К этому часто добавляется желание социального служения. К примеру, св. Симеон оставил отшельническую жизнь, чтобы служить людям в больших городах. Но чтобы не поддаться искушению гордыни, снискав людские похвалы, он облекся безумием, как плащом, скрывающим его самоуничижение и хранящим тайну его внутренней жизни.

С исключительной аскезой притворного безумия связано особого рода социальное служение. Святой, отказавшийся от любых видимых проявлений разума и морали, способен благодаря особому духовному видению обнаруживать и разоблачать любые формы благочестивого лицемерия, любые ложные добродетели, скрывающие глубинные грехи. В силу сверхъестественной проницательности и отсутствия страха перед общественным порицанием «святой безумец» позволяет себе бичевать всяческую человеческую ложь, насмехаясь над ней, разыгрывая благочестивых притворщиков. В его поведении проявляется своего рода христианизация иронии, нечто, что можно было бы почти назвать христианскими шалостями. В его облике причудливым образом сочетаются наиболее мрачные и наиболее аскетические черты, такие как добровольное принятие жизни парии, с розыгрышами, по-видимому, заимствованными из ярмарочного шутства, и с иронией, то веселой, то горькой.

Между тем умение распознавать тайные людские грехи в классическом образе *безумца Христа ради* является всего лишь одним из проявлений дара предвидения, обретенного в результате отказа от человеческой мудрости. Благодаря своему сверхъестественному знанию он также является пророком в том смысле, в котором пророчество равнозначно предсказанию будущих событий. Таким образом, святой действует как инструмент мудрости Господа, который выбирает бедных и нищих духом,

чтобы выразить себя. В нем воплощается безумие Креста, которое, по словам святого Павла, является постыдным для греков, искателей мудрости, безумием для евреев, жаждущих чудес, и выражением могущества Бога для тех, кто верит⁸.

К этим главным характеристикам *безумия Христа ради* нужно добавить присутствующее, по крайней мере, у некоторых «безумцев», как, например, у св. Симеона, призвание свыше любить тех, кого общество больше всего презирает, особенно блудниц и «женщин дурной жизни».

Из этих различных элементов юродства первые русские юродивые особенно глубоко усвоили добровольное унижение. Именно в форме упражнения в аскезе проявилось временное юродство монаха Исаакия Печерского, о котором рассказывается в Киево-Печерском Патерике⁹. С той же целью принял облик слабоумного Кирилл Белозерский, ученик св. Сергия. В обоих случаях *безумие Христа ради* являлось составляющей монашеской аскезы и носило эпизодический характер.

Первые подлинные русские юродивые были мирянами. Первый из известных нам юродивых, Прокопий Устюжский, жил в XIII веке в Новгороде и в Устюге. Любопытно, что о нем рассказывается и, несомненно, под влиянием его жития говорится в дальнейшем о двух других ростовских юродивых, будто бы «он пришел из западных краев, от латинских стран, из земли немецкой». Истори-

Прокопий Устюжский.
Прорись с иконы XVII в.

⁸ «Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1:22, 23). – Прим. пер.

⁹ Исаакий Печерский жил в Киево-Печерском монастыре в XI в. Проведя несколько лет в посте и молитве в своей пещере, он не распознал бесовской хитрости и поклонился дьяволу, явившемуся ему в облике Христа. За подобную ошибку Исаакий был жестоко наказан бесами и проболел три года, после чего начал юродствовать, желая победить дьявола в его собственной епархии – в миру. – Прим. пер.

чески этот факт возможен, учитывая, что торговые отношения между Новгородом и вольными имперскими городами были активными. Однако более вероятно, что народное предание, объявляя юродивых пришедшими из дальних краев, старалось подчеркнуть то впечатление странности, которое они производили на современников, и тот факт, что они вели себя как чужеземцы и странники на этой земле. О Прокопии, в частности, говорится, что он шел из Новгорода в восточные края «из города в город, блуждая по лесам и болотам» в поисках некой загадочной страны, «прежней утраченной отчизны». Но не имеется ли здесь в виду скорее небесная, нежели земная, отчизна?

Все юродивые этого времени жили в крайней нужде. Прокопий Устюжский, Исидор и Иоанн Ростовские «не имели, где главы приклонить». Они спали на ступенях церкви, в лачуге или прямо на куче навоза. Зи-

Стефанов, В. Периодика.

Прокопий и Иоанн Устюжские.
Прорись с иконы XVII в.

мой, чтобы не погибнуть от холода, они должны были просить приюта у благочестивых сограждан. Трудно выяснить, в чем именно состояли их «похабства», как жития именуют их безумие. Мы знаем только, что «они притворялись безумными днем и молились ночью». Зачастую вместо объяснений агиографы довольствуются утверждением, что «творились непристойности», а слово «похаб», обозначающее человека, совершавшего неуместные и непозволительные поступки и даже бесчинства, использовалось как синоним юродивого. Что нам известно, так это то, что многие «безумцы» ходили по ули-

цам обнаженными и носили вериги. Многие насмехались над ними или оскорбляли их, но юродивые втайне молились за своих преследователей, «прося у Господа благополучия для города и людей» (житие Прокопия Устюжского).

«БЕЗУМНЫЕ ХРИСТА РАДИ» И «МИРСКАЯ СВЯТОСТЬ»

Часто юродивых представляли как защитников, отвращавших беды и природные катастрофы от городов, где они обитали. Так, Прокопий описан плачущим в одиночестве днями и ночами на ступенях устюжской церкви, потому что он желает отвратить от города каменный град, который он предвидит благодаря своему пророческому дару.

Для большинства «разумных» христиан присутствие и поведение юродивых являлось «соблазном». Но иногда у юродивых складывались дружеские и доверительные отношения со своими согражданами. Прокопий неоднократно пользовался гостеприимством благочестивого певчего Симеона, который, по описаниям, принимал его с радостью и обнимал на пороге своего дома.

Эти первые юродивые были «простецами» и «бедняками». Они не любили богачей и даже не хотели принимать от них милостыню. Народ почитал в них с удивлением, смешанным со страхом, тех «нищих духом», подлинных униженных, которым таинственным образом предназначено Царство небесное (Матф. 5:2)¹⁰.

Первые *безумные Христа ради*, непосредственно вмешивавшиеся в политическую жизнь, появились в Новгороде в XIV и XV столетии. Это были Николай и Федор, пародировавшие в своих притворных ссорах междоусобную борьбу Софийской и Торговой сторон в Новгороде.

Но о подлинной политической и социальной роли юродивых можно говорить не ранее XVI века применительно к Москве. Кроме агиографических документов, касающихся московских юродивых, мы располагаем рассказами иностранных путешественников, Флетчера и Герберштейна, повествующих об их социальной и политической роли. Наиболее прославились Василий Блаженный, современник Ивана Грозного, и Иван Большой Колпак. К тому же поколению принадлежит юродивый Николай Псковский.

У всех, кого мы только что перечислили, притворное слабоумие име-

Иоанн Большой колпак.
Прорись с иконы XVII в.

¹⁰ «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Матф. 5:3). – Прим. пер.

ло целью не столько самоуничтожение, сколько своего рода бунтарскую демонстрацию правды во всех областях жизни, противопоставленную молчаливому сообщничеству греха и преступлений.

Впрочем, речь идет не столько о слабоумии юродивых, сколько об откровенности, граничащей с безумием, смелом разоблачении с помощью впечатляющих и символических поступков лжи, рожденной трусостью или корыстью, и лицемерия знати.

Юродивые XVI столетия отличались, как и их предшественники, строгостью аскезы и даром предвидения, позволявшим им, в частности, узнавать тайные мысли людей и обнаруживать дьявольские хитрости даже тогда, когда дьявол скрывался за видимостью благочестия. Блаженный Василий угадывал мирские помыслы царя во время церковной службы и ставил их ему в упрек. Он распознал дьявольский образ, написанный на обороте иконы, почитаемой за святую¹¹. Но этим даром предвидения юродивые пользовались особенно часто для того, чтобы изобличать моральный и религиозный формализм, а также социальную и политическую несправедливость.

Возмущение против фарисейской набожности праведников просвечивает в парадоксальном поступке блаженного, бросающего камни в стены домов, где живут уважаемые и добродетельные люди, и со слезами целующего стены тех домов, где обитают грешники. На первых, – объясняет он, может быть, с некоторой иронией, – цепляются бесы, которые были изгнаны из дома, а возле вторых плачут ангелы¹². Он бранит также

¹¹ Согласно одно из версий жития, соблазненный дьявольскими посулами иконописец написал дьявола под чудотворным ликом Богородицы. – Прим. пер.

¹² «Имеяше же святой и блаженный Василий таков дар от Бога, что видяше явено ангелов и бесов, хождаяше же по всему граду и мимо неких дворов минуяше и случашеся в некоторых домех внх же живуци людие живут благоверно и праведно и пекутся о душах своих и труждающихся в пении и молитве и в прочитании святых писаний и ту блаженный останавливаясь и собираше камение и по углам того дома меташе и бияше и велик звук творяше, егда же минуяше мимо некоего дому в нем же пьянство и плясание и кощуну содевахуся и прочая мерзкая и скаредная дела творяху ту святой останавливаясь и того дому углы целоваше и аки с некими беседоваше яже человеком непонятным разговором. вопрошающим же его о сем делании, что ради иде же добродетели содевахуся ту камение меташе, а иде же грехи творяхуся ту и углы целоваше и к углам беседоваше, и часто его вопрошающим о сем сказоваше, яко в котором дому живуци люди живут праведно и богоугодно в посте и молитве в пении и чтении святых книг и беседы творят о ползе душевней и в том дому бесовская немощная сила внутри онаго дому пребывати не возмогают изгоняемы из

корыстное милосердие тех, кто подает милостыню нищему, обещающему взамен земное благополучие¹³.

Два социальных класса больше всего страдали от сарказма и порицания юродивых – это богатые торговцы и знать.

По примеру сирийского святого Симеона, Василий разорял нечестных торговцев, бесплатно раздавая их товары на ярмарках¹⁴. Герберштейн рассказывает, что юродивые часто захаживали в лавки и брали товары, не платя за них, а торговцы, опасаясь их неодобрения, не решались протестовать против такой странной привычки.

Безумные Христа ради были также отважными защитниками бедного люда от жестокостей знати, и в особенности от царского гнева. Вот что пишет Флетчер по этому поводу: «Кроме монахов, у них есть особенные блаженные (которых они называют *святыми людьми*). [...] блаженный народ очень любит, ибо они, подобно пасквилям, указывают на недостатки знатных, о которых никто другой и говорить не смеет» [7, с.130–131]. Тот же автор сообщает о «дерзкой свободе, которую они позволяют себе», и об их «слишком смелом поношении» царя. Флетчер упоминает о юродивых, современных Борису Годунову. Народное предание, напро-

оного дому по углам вешаются а внутрь внити не могут, то аз видя бесов по углам висящих бросаю на них камене и бию их да не токмо в дому но дабы и по углам не вешались оного благочестиваго дома да не запинаят стопы праведных. А иде же вижу в некоторых домах пьянство и блуды и плясания и игры всякия и кощуны и в том дому бесы ликуют и радуются, аггли же божи хранители приставленнии от святаго крещения на соблюдение души человечесте в том дому во оскверненном быти не могут, но вне уду стояще уныли плачуще о погибели оного дому живущих людей, их же аз вижу приступаю к ним и целую их да помолятся о оном дому да не в конец погибнут, но да в покаяние обратятся и спасутся» [3, с.85–86]. Как видно, в русском житии символические действия юродивого отражают не скрытую иронию над праведниками, а, наоборот, духовную прозорливость и заботу о спасении окружающих. – Прим. пер.

¹³ В Житии Василия Блаженного рассказывается, как однажды дьявол принял облик нищего и помогал в житейских делах всем, кто ему подавал милостыню. Поэтому люди охотно подавали ему. Блаженный Василий угадал в нищем дьявола и изгнал его из города. Таким образом, в данном случае речь идет не столько о пропаганде бескорыстия среди жертвователей, сколько о борьбе с дьяволом. – Прим. пер.

¹⁴ В житиях юродивых иногда рассказывается о том, как они не давали продавать некачественный товар на базарах. Но чаще говорится, что торговцы, у которых юродивые что-либо брали, имели потом значительную прибыль в делах, а потому в таких случаях они бывали действительно рады. – Прим. пер.

тив, сохранило воспоминание о дерзком отношении *безумных Христа ради* к Ивану Грозному. Василий Блаженный изображается предлагающим царю отведать сырого мяса и свежей крови в своей пещерке. При отказе царя попробовать эту отвратительную пищу юродивый берет его одной рукой, а другой указывает на небо, где возносятся в рай души новгородских жертв, зарезанных по его приказу¹⁵. Аналогичный символический жест приписывается юродивому Николе Псковскому. Пскову угрожал такой же разгром, как и Новгороду. «Безумец» бросился навстречу царю и заклинал его «ужасными словами» не проливать человеческую кровь. Он предложил царю отведать мяса, несмотря на то что было время Великого Поста. На возмущенный отказ царя, объяснившего, что он христианин и не может есть мяса во время поста, юродивый смело воз-

Василий Блаженный с изображением Московского Кремля. Перевод с иконы XVII в.

разил: «А разве ты не пьешь христианскую кровь?»

Безумные Христа ради XVI столетия отличались скромным происхождением. Василий Блаженный был в юности учеником сапожника, а Иоанн Большой Колпак носил воду на северных солеварнях. Они сохраняли общие черты с народом, который любили и чьей любовью пользовались сами. Они обладали собственным чувством правды, социальной и политической справедливости и, подобно ветхозаветным пророкам, сопровождали свои слова грандиоз-

ными и символическими поступками, которые были созвучны народному воображению.

¹⁵ Этот рассказ легендарен, поскольку Иоанн Блаженный, умерший ок. 1650 г., не был современником новгородской резни, но сам рассказ показателен для характеристики народного восприятия роли юродивых (Здесь допущена ошибка, так как в тексте статьи речь идет о Василии Блаженном, а не об Иоанне Блаженном, но Василий (ум. 1552) также не был современником Новгородского разгрома 1570 года. – Прим. пер.).

Для них «безумие» уже не являлось упражнением в аскетическом самоуничижении, потому что они были любимы, и во всяком случае их боялись те, кого они обвиняли. Скорее некая «святая непредусмотрительность» побуждала их, рискуя собственной жизнью, провозглашать правду вопреки социальным условностям. Действительно, когда их критика задевала правительство за живое, случалось, что от них «тайно отделялись» (Флетчер).

Впрочем, это не касалось наиболее прославленных среди юродивых, которые, несмотря на свои вольности, могли продолжать свое служение до самой смерти¹⁶. Ценою подобной необыкновенной свободы была строгая аскеза и абсолютное отречение от мира, для которого юродивые становились уважаемыми и даже сакральными фигурами, что признавали даже их противники.

Благодаря уходу из мира, юродивые смогли стать наследниками святых монахов и святых епископов XIV–XV веков и защищать слабых, бедных, униженных – тех, кого забыла иосифлянская иерархия.

Общий упадок религиозной жизни в XVII столетии затронул и юродство. С этого времени официальная Церковь перестала канонизировать *безумных Христа ради*. Под влиянием преследований полиции оставленное без духовного руководства, осуществляемого Церковью, юродство вырождалось. Тип юродивого приблизился к нищему оборванцу, «простому умом», описанному в «Детстве»¹⁷ и «Войне и мире» Толстого. Это паломник, блуждающий из монастыря в монастырь, в чьей фигуре, кажется, воплощается смутное религиозное беспокойство русского народа. Часто это настоящий больной, которого почитают благочестивые люди, потому что для русской души Бог всегда рядом с малыми и обездоленными. Однако в XIX в. было несколько подлинных юродивых, то

¹⁶ Самый известный среди юродивых, Василий Блаженный, был канонизирован через тридцать лет после смерти, и одна из самых красивых церквей Кремля, где он был погребен, была названа в его честь. (В знаменитом Храме Василия Блаженного на Красной площади только один придел посвящен юродивому, сам же собор освящен в честь Покрова Богородицы. – Прим. пер.).

¹⁷ В детских воспоминаниях Л.Н.Толстой описывает невинного Гришу, которого одни почитают, а другие потешаются над ним. В то время, когда он думает, что находится один в комнате, он сбрасывает маску безумия, а наблюдающие за ним дети поражены глубиной его молитвы и величием его облика. Подобно юродивым из классической агиографии Гриша предсказывает будущее, что между тем служит причиной его глубокой грусти, так как ему известно несчастье, нависшее над домом его хозяев.

есть людей, обладавших, вопреки внешней беспорядочности действий, развитой духовной дисциплиной, которая при отсутствии какой-либо дисциплины, навязанной извне, организовывала всю их жизнь, какой бы странной она нам ни казалась [16].

Юродивые XIX столетия больше похожи не на своих предшественников, живших в XVI веке, а на первых русских «безумных», чью страсть к самоуничтожению и людскому презрению они полностью разделяли. Их безумие носило прежде всего аскетический, а не социальный характер. Ни один из них не был до сегодняшнего дня официально канонизирован, несмотря на то что многие русские их почитали¹⁸.

«Святые князья»¹⁹ и *безумные Христа ради* являли собой два противоположных полюса русской мирской святости, понять которую невозможно, не уловив, вопреки их внешней противоположности, глубокое родство этих двух типов.

Внешне в «святом князе» нет никакого аскетического презрения к миру. Он принимает активное участие в устройстве земного государства, потому что видит в этом свой способ исполнения долга любви к ближнему. Но при всем том он не принадлежит полностью этому миру. Безусловная верность примеру Христа заставляет его своей смертью принести добровольную жертву тем, кого он любит и кому хочет служить.

Безумный Христа ради выбирает путь полного отречения от мира и естественных человеческих радостей. Однако, согласно внутреннему духовному закону, это отречение от мира ведет его к активному служению людям и иногда делает из него пророка политической и социальной справедливости.

¹⁸ Первое издание книги Э.Бер-Сижель появилось в 1950 году, второе – в 1982. А в 1988 г. Русская Православная Церковь канонизировала юродивую Ксению Петербургскую, жившую в XVIII столетии. – Прим. пер.

¹⁹ Святых князьям в книге Бер-Сижель посвящено две главы. Автор показывает, что князья были первыми христианами на Руси, а в религиозном плане – проводниками божественной любви, ведущими свой народ к спасению. В этом смысле особая роль в русской духовной истории отводится Свв. Владимиру и Ольге. Борис и Глеб воплощают идеал страстотерпцев, принимающих смерть, чтобы избежать династической распри и защитить свой народ. В результате татарского нашествия появляется новая категория святых князей – защитников православного народа и русской земли (Александр Невский, Михаил Черниговский и пр.). – Прим. пер.

Помимо представителей этих полярных феноменов, среди мирян в России насчитывалось немного других официально канонизированных святых. Впрочем, это не является признаком какого-либо презрения Церкви по отношению к обыкновенной человеческой жизни и ее нормальным условиям. Это только знак того, с помощью каких примеров церковная педагогика указывала верующим путь совершенствования, путь к Царствию Божию. Другие формы «мирского отречения» могут демонстрировать такую же степень святости, как и «святые князья» или безумные Христа ради. Однако именно эти два типа святости благодаря своему впечатляющему и символическому характеру привлекали внимание и были удостоены признания путем официальной канонизации отдельных подвижников.

Чтобы дополнить наш взгляд на русскую мирскую святость, следует также сказать несколько слов об уникальном в своем роде почитании русским народом детей и молодых людей, скорпостижно скончавшихся от насильственной смерти, и о канонизации женщин, ставших святыми, исполнив свой долг жены и матери семейства.

Это, действительно, странная группа святых, единственной причиной для почитания которых служит их смерть в юности и невинности в результате несчастного случая или природной катастрофы. К этой категории принадлежат Артемий Веркольский, крестьянский мальчик, убитый молнией в возрасте двенадцати лет, царевич Димитрий и Гавриил Слуцкий, жертвы убийц, и двое новгородских братьев, случайно убивших себя во время игры. Мы приводим только несколько типичных случаев из этой категории святых, к которой можно также причислить некоего Василия, служившего у одного торговца и убитого в молодости своим хозяином, несправедливо заподозрившим его в краже.

Перевод Ирины Мироненко-Маренковой

Библиография

1. Бер-Сижель Э. Служение женщины в Церкви. М.: ББИ, 2002. – 215 с.
2. Бер-Сижель Э., Каллист (Уэр), епископ. Рукоположение женщин в Православной Церкви. М.: ББИ, 2002. – 81 с.
3. Житие Василия Блаженного // Кузнецов И.И. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради Московские чудотворцы. Историко-агиографическое исследование // Записки Московского археологического института. М., 1910. Т.8. С.33–98.

4. Мироненко-Маренкова И.К. 12 ликов святого Бенуа-Жозефа Лабра // Источниковедение культуры: Альманах. М.: РГГУ, 2010. №2. С.33–81.
5. Мироненко-Маренкова И.К. Концепт святости в культурной традиции России и Франции XIX столетия. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. – 503 с.
6. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. Париж: Умка Press, 1931. – 260, [4] с.
7. Флетчер Дж. О государстве русском. М.: Захаров, 2002. – 168 с.
8. Armogathe J.-R. Fou de Dieu au siècle des Lumières // Benoît Labre: Egrance et sainteté. Histoire d'un culte 1783–1983 / Sous la dir. de Y.-M.Hilaire. Paris, 1984. P.17–23.
9. Behr-Sigel E. Alexandre Boukharev: Un theologien de l'Eglise Orthodoxe Russe en dialogue avec le monde moderne. Paris: Beauchesne, 1977. – 163 p.
10. Behr-Sigel E. Le lieu du coeur: Initiation a la spiritualite de l'Eglise orthodoxe. Paris: Cerf, 1989. – 158 p.
11. Behr-Sigel E. Le ministere de la femme dans l'Eglise. Paris: Cerf, 1987. – 239 p.
12. Behr-Sigel E. Le moine dans la ville: Alexandre Boukharev (1822–1871) // Revue d'histoire de la spiritualite. Paris, 1976. T.52. P.49–88.
13. Behr-Sigel E. Lev Gillet: “Un moine de l'Eglise d'Orient”: Un libre croyant universaliste, evangelique et mystique. Paris: Cerf, 1993. – 637 p.
14. Behr-Sigel E. L'ordination des femmes dans l'Eglise orthodoxe. Paris: Cerf, 1998. – 96 p.
15. Behr-Sigel E. Priere et sainteté dans l'Eglise russe. Paris: Cerf, 1950. – 180 p. (2-me éd.: Begrolles-en-Mauges: Abbaye de Bellefontaine, 1982. – 242 p.).
16. Belenson E. Les fols pour le Christ (Беленсон Е. О юродстве во Христе) // Pout (Путь). 1927. №8. P.89–98.
17. Brejon H. Benoît Labre. Le pouilleux de Dieu. Paris: Méditerranée, 1999. – 96 p.
18. Dietrich S., de. Cinquante ans d'histoire: la Fédération universelle des Associations chrétiennes d'étudiants (1895–1945). Paris: Ed. du Semeur, 1948. – 169 p.
19. Gorainoff I. Les fols en Christ dans la tradition orthodoxe. Théophanie: Desclée de Brouwer, 1983. – 200 p.
20. Hingrez B. Préface // Doyere P. Benoît Labre ermite pèlerin. Paris: CERF, 1983. P. III–XXV.

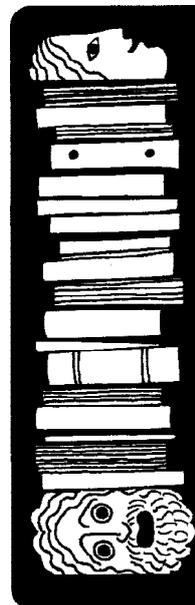
21. Lossky O. Vers le jour sans déclin: une vie d'Elisabeth Behr-Sigel (1907–2005). Paris: CERF, 2007. – 453, [16] p.
22. Pinguet C. La folle sagesse. Paris: CERF, 2005. – 128 p.
23. Richard J. Le vagabond de Dieu. Paris: S.O.S., 1976. – 301, [8] p.
24. Seward J. Dieu à la folie. Histoire des saints fous pour le Christ. Paris: Seuil, 1983. – 309 p. (1 éd. 1980).
25. Thompson E. Understanding Russia. The Holy Fool in Russian Culture. University Press of America, 1987. – 242 p.

Война всегда была прямым средством
для внешнего
и косвенным средством
для внутреннего
объединения человечества.
Разум запрещает
бросать это оружие, пока оно нужно,
но совесть обязывает стараться,
чтобы оно перестало быть нужным.

Владимир Соловьев

**Мелкую текущую дребедень
событий история предоставляет
канцелярскому производству
дипломатии; но свои великие
вселенские решения, которые
становятся законом жизни народов
на целые века, провозглашает она
сама без всяких посредников,
окруженная громами и молнией,
как Саваоф с вершины Синая.**

Григорий Данилевский

Исаак Розенталь

**ВОКРУГ ОДНОГО
ПИСЬМА**

**ЕЩЕ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЯ 1917-ГО**

УДК
94(47)''191''

В последние годы, предшествовавшие падению российской монархии, в кружках интеллигенции интенсивно обсуждались животрепещущие вопросы: о войне и патриотизме, о власти, о неизбежности или возможности революции. Жизнь этих кружков как часть политической повседневности реконструируется на основе переписки современников, в том числе малоизвестного письма М.Ф.Андреевой М.Горькому.

In years prior to the fall of the Russian autocracy intelligentsia circles discussed urgent issues of war and patriotism, authority, inevitability or possibility of revolution. Activities of these circles were a part of political everyday reality and are reconstructed on the basis of coevals' correspondence including a little-known letter written by M.F.Andreeva to M.Gorky.

Ключевые слова: письма; повседневность; неформальные объединения; патриотизм; империализм.

Key words: letters; everyday life; non-formal associations; patriotism; imperialism.

E-mail: evgeny@rambler.ru

Особенности кризиса монархического режима в России в условиях мировой войны если не во всем, то во многом предопределили направление и характер дальнейшего развития событий, сущностные черты революции и ее последствий [См.: 43; 16; и др.]. «Мировое крушение (не нахожу лучшего слова) началось – особенно для России – в день объявления первой войны», – верно заметил писатель Марк Алданов [5]. Сегодня общепризнано, что именно Первая мировая война явилась реальным рубежом, разделившим два столетия. Отсюда необходимость представить возможно более полно и разносторонне состояние воюющей России накануне Февральской революции, не исключая такую немаловажную его составляющую, как движение общественно-политической мысли.

**Эпистолярные источники
и повседневность**

Среди исторических свидетельств предфевральского периода важное место занимает частная переписка. Письмо М.Ф.Андреевой М.Горькому от 29 октября 1915 г., о котором далее пойдет речь, – лишь один из очень многих дошедших до нас эпистолярных источников. Недавно, в итоге сплошного просмотра материалов фонда Департамента полиции в ГА РФ опубликована еще одна значительная подборка выписок из перлюстрированных писем (с 1906 по 1917 г. общим числом 1 088). Заключительные документы сборника, их несколько десятков, освещают так или иначе период войны и ситуацию, сложившуюся после поворота, каким явилось в ходе войны и в общественном сознании поражение русской армии летом 1915 г. [См.: 34].

Письма, как и другие источники личного происхождения, отражают повседневность, частью которой являлась жизнь всевозможных общественных ассоциаций и неформальных объединений [См.: 44; 50]. Не только в сугубо деловом аспекте в соответствии с их уставным профилем, если таковой имелся, но и в виде своего рода «обкатки» идей – до, после или вообще без печатного их оформления, в фиксируемых живых откликах на злобу дня, в разговорах и дискуссиях об отношении к войне и власти, выявлявших оттенки взглядов внутри и вне партийных разграничений. Воссоздать, насколько возможно, содержание и тон этих дискуссий как раз и позволяют больше всего письма, дневники и другие подобные источники.

В годы войны не мог не вырасти удельный вес солдатских писем, но в основном все же переписывались представители образованного меньшинства населения, социально и идеологически неоднородного, чем объясняется разброс оценок положения дел в армии и в тылу. Читая некоторые письма в указанном сборнике, видишь, как поглощенность главным образом тем, что совершалось в «сферах», не способствовала осознанию остроты ситуации в целом. Суждения иных думских и окоلودумских деятелей теперь изумляют – настолько удалены они от реалий войны небывалых еще масштабов, от обыденной жизни людей, от динамики массовых настроений. Но подчас ущербным, ввиду зависимости от априорных представлений, было и восприятие происходящего представителями демократической интеллигенции.

Письмо Андреевой Горькому опубликовано давно, в период «оттепели», но осталось не замеченным исследователями. Чтобы включить его в контекст времени, следует принять во внимание, к какому моменту их жизни оно относится. М. Горький после того, как он направился в 1906 г. в Европу и в США для пропаганды русской революции и сбора средств в ее поддержку, стал политическим эмигрантом поневоле. К тому времени писательская слава Горького уже перешагнула рубежи России, однако прочность российской власти, поколебленной тогда, но устоявшей, он недооценил. Возможность вернуться на родину появилась у него лишь спустя семь лет после отъезда за границу, в связи с амнистией по случаю 300-летия Дома Романовых.

Андреева, гражданская жена Горького, покинула Италию раньше, в 1912 г., обосновавшись сначала в Финляндии, в Мустамяках¹. В 1913 г. она получила легальный статус в результате обращения группы артистов к товарищу министра внутренних дел В.Ф. Джунковскому, ранее московскому губернатору, театралу, расположенному – по общему мнению – и к людям театра. В прошении, которое Джунковский удовлетворил, было сказано, что «жена тайного советника Мария Федоровна Желябужская (по сцене Андреева), бывшая артистка Московского Художественного театра, желает возвратиться в Россию, чтобы вернуться к своей артистической деятельности». Отныне она не подлежала обыску и задержанию.

¹ О М.Ф. Андреевой (урожденной Юрковской), ее семье и родственниках см.: [46].

Переписка между Горьким и Андреевой – следствие ее пребывания вслед за обретением легальности в Москве, занятости в спектаклях (в момент, о котором идет речь, – театра Незлобина), а также гастрольных поездок. Письма чередовались с встречами с Горьким в Петрограде и Мустамяках. Корреспондент газеты *Тетра*, бравший у нее интервью, нашел, что «в ее словах чувствуется новый человек»

Сестры Юрковские: Евгения, Мария (М.Ф.Андреева), Екатерина. Петербург, 1900-е гг

(речь шла об общественном назначении литературы и искусства, о том, что пока они «отражают только теневые, неприглядные стороны жизни», «не зовут нас к радости, к активности, к жизнедеятельности»). По отзыву газеты *Русское слово*, «игра М.Ф.Андреевой стала еще тоньше и благородней».

Но, как видно из ее письма Горькому, артистическую деятельность она продолжала совмещать с другой, в частности с посещением собраний, не имевших к искусству никакого отношения, и, следовательно, была достаточно осведомлена о политической жизни Москвы этого времени – не в меньшей мере, чем до отъезда вместе с Горьким за границу [49. – О Джунковском см.: 42; 38; 15].

Неформальные собрания

Горького Андреева считала необходимым «питать хорошими впечатлениями», занималась этим сама – на расстоянии и приезжая в Петроград, призывала к этому и общих знакомых. На этот раз она информировала его о собраниях в Москве «у Вольского», проходивших «почти ежедневно», что примечательно уже само по себе. Что эти сведения Горького интересуют, она не сомневалась. Из участников собраний названы лишь некоторые общественные деятели, которых он хорошо знал, знакомые и друг с другом: «...На всех [собраниях присутствуют] Екатерина Дмитриевна и Сергей

Николаевич», то есть Е.Д.Кускова и ее муж экономист С.Н.Прокопович; кроме того, «сидит А.Н.Потресов» – один из основателей РСДРП, правый меньшевик; назвала Андреева и большевика И.И.Скворцова-Степанова [См. их биографии: 28; 29; 35]. Несмотря на отсутствие в письме полного перечня присутствовавших, очевидно, что это не были собрания однопартийцев. Нельзя назвать эти контакты и в полном смысле слова межпартийными, так как Кускова и Прокопович давно были беспартийными социалистами с репутацией «ревизионистов».

Е.Д.Кускова

Такого рода кружки разнообразного, более или менее устойчивого состава были традиционной формой общения интеллигенции. Они не исчезли после того, как Манифест 17 октября позволил оформить политические партии (хотя юридически легализоваться удалось не всем) [См. подробнее: 30, с.161–164]. Недаром тогда говорили (не всегда сочувственно) о «нашей кружковой партийной интеллигенции». Бытовало даже мнение, согласно которому в 1905 г. партийное размежевание определила, в первую очередь, психология – темперамент и интенсивность отрицательного отношения к старому строю, а не «основы жизнепонимания». Так, например, писал в 1913 г. умеренный либерал Д.Н.Шипов, предсказывая выход из кадетской партии

ряда правых ее членов: С.А.Котляревского, П.Б.Струве, В.А.Маклакова и других (прогноз, однако, не оправдался) [34, с.342].

Но встречи на квартирах, в редакциях газет и журналов и т.д. продолжались и по ряду других причин, в частности потому, что ни одна партия не была «монолитной» в большевистском смысле, допуская известное разномыслие и не обязательно устраняя личные симпатии разномыслящих². Могли обнаруживаться, наряду с различиями, и

² Показательно эмигрантское письмо А.В.Тырковой к Е.Д.Кусковой (1931) – по словам Тырковой, «маленькое объяснение в любви», несмотря на несходство их политических взглядов и когда они жили в России, и в эмиграции: «Давно не видались и, вероятно, за-

более или менее значительные совпадения взглядов, иногда неожиданные. Не следует также забывать о том, что численность всех партий, нелегальных и легальных, многократно сократилась по сравнению с тем, какой она была в 1905–1906 гг. В период между первой революцией и войной, в условиях экономического подъема и расширения возможностей приложения сил интеллигенции, политизированность ее снижалась. Но это не приводило к снижению кружковой активности ни до, ни во время войны, когда снова стал подниматься градус политизированности общественности.

Напомним еще один факт, характеризующий жизнь общественности в Москве. Кускова и Прокопович не только были участниками собраний у Вольского, но устраивали собрания такого же примерно состава у себя. Самое известное из них состоялось несколько позже, 16 апреля 1916 года. По просьбе кадетского руководства, переданной Д.И.Шаховским, на этом собрании был составлен список желательных – с точки зрения эсеров и меньшевиков – кандидатов в «министерство доверия», в ожидании, что Николай II под давлением «внутреннего настроения» уступит думскому Прогрессивному блоку. Этого не случилось, но список, наряду с другими, ходившими по рукам (один был даже опубликован в газете *Утро России*), позже пригодился при формировании Временного правительства [23, С.442–443; 48, с.197–198]³.

Составление списка потенциальных министров нередко связывают с новейшим русским масонством. Приписывание последнему особой, если не исключительной, роли находит, между прочим, пищу в принадлежности к масонству единственной известной исследователям этой темы женщины – Кусковой и одного из двух большевиков (о них она же сообщила много позже, в эмиграции) – Скворцова-Степанова. Но посвящение их в 1915 г. в масонство было обусловлено совершенно разными мотивами. У Кусковой – этическими; у Скворцова – глав-

спорили бы сразу, как только встретились. Такая уж наша русская судьба. Но споры это особ статья, а живые люди сами по себе. И к Вам, какая Вы есть, у меня всегда было самое теплое чувство. Ваша жизненность, активность, цельная преданность делу, даже самая Ваша властность, всегда меня восхищали» [26, с.383].

³ См. подробнее о дискуссиях в кадетской партии по вопросу о «министерстве доверия» и «ответственном министерстве» (то есть правительстве) в отношении с настроениями общественности: [56, с.453–504].

ным образом партийно-информационными, на основе данного перед войной Лениным согласия на контакты Скворцова с либералами и иной публикой – от «колеблющихся» до «врагов», включая лиц, способных дать нелегальной партии деньги [См. подробнее: 38, гл.6]. Так что история со списком министров, в составлении которого участвовали оба, Кускова и Скворцов, говорит не только о планах кадетского ЦК, но также о разнообразии поднимавшихся на собраниях 1915–1916 гг. вопросов и о том, что обсуждались разные мыслимые варианты развития событий.

Известен еще ряд «частных совещаний» этого же времени, в марте 1916 г. на квартире Шаховского с участием других московских кадетов, а также Прокоповича и бывшего эсера, а в годы войны трудовика, кооператора и тоже масона Н.В.Чайковского. Там обсуждалось развитие кооперации, вплоть до проекта воссоздания на ее основе Всероссийского крестьянского союза – организации, существовавшей в 1905–1906 гг. [См.: 56, с.448–450]⁴. Участники совещаний не думали, что это утопическая идея, как представляется теперь, так же как идея провести с разрешения властей Всероссийский рабочий съезд, на котором будет основан легальный, опять же Всероссийский, рабочий союз. Эта идея принадлежала предпринимателю-прогрессисту, депутату Думы А.И.Коновалову. Характерно, что возможность ее реализации не вызвала сомнений у Г.Е.Зиновьева, ближайшего тогда сподвижника Ленина, вместе с ним находившегося в эмиграции в Швейцарии. Зиновьев допускал, что съезд «им» («оппортунистам», «оборонцам») «того и гляди» разрешат, тем более что другие легальные общественные съезды в 1915–1916 гг. проводились, несмотря на все возраставшие сложности и ответную оппозиционность выступлений делегатов [50, гл.5; 41, с.182].

На обозначенном таким образом, пусть даже не исчерпывающе, фоне яснее вырисовываются особенности и смысл собрания на квартире Вольского в описании Андреевой (понятно – в описании не стенографическом и не протокольном). Собрание состоялось, как пишет она, «на днях», то есть в октябре 1915 г.: «Иван Иванович [Скворцов-Степанов] схватился с Вольским по вопросу о национальной самообороне. Вольский, как я поняла, отрицал империализм в России как тако-

⁴ По данным Прокоповича, в 1915 г. число кооперативных организаций достигло 35 тысяч, а их численность 12 млн человек [56, с.448–450].

вой, на Западе – как тенденцию. Иван Иванович с ним горячо спорил. Брожение *слов* очень сильное». Вряд ли Потресов, Кускова и Прокопович были только пассивными слушателями. Молчала ли скромно сама Андреева, неясно. В письме она свое мнение высказывает, утверждая, что Вольский «запутается, он не так ловок, как думают, очень уж он лавирует между Сциллой и Харибдой. Но и до сего дня он типичный меньшевик, поскольку умею судить».

Андреева по-прежнему сторонница Ленина, она не скрывает симпатий к позиции большевика Скворцова, «настоящего марксиста», по довоенной аттестации Ленина, и стремится переубедить Горького, считавшего Н.В.Вольского (Валентинова) по опыту общения с ним как раз меньшевиком нетипичным. Есть в письме еще деталь, к теме письма не относящаяся, но характерная; Андреева пишет об «ощущении наличности большой провокации», но тут же снимает «ощущение» оговоркой: для этого нет «никаких солидных оснований» – пример ультраподозрительности, ставшей в леворадикальных кругах с некоторых пор, особенно после дела Азефа, хорошим тоном [21, с.242–243, 688].

Какой Вольский?

Ответ вроде бы очевиден, но в письме Андреевой Вольский фигурирует без инициалов, а в именном указателе к сборнику, где оно было помещено, значится большевик Станислав Вольский (А.В.Соколов) с краткими биографическими сведениями. Этот Вольский – в советское время литератор, писавший на темы, далекие от всякой политики. Горький и Андреева действительно его в свое время знали как члена левобольшевистской заграничной группы «Вперед», отлученной Лениным от большевизма, а может быть, еще раньше, по Москве 1905 г. [См.: 25, с.376–377, 439; 14, с.275]. Но при подготовке сборника никто не заметил, что такая атрибуция противоречит сказанному Андреевой о Вольском-меньшевике. Лишь эмигрант Г.Я.Аронсон, в руки которого попал в Нью-Йорке московский сборник, усомнился в правильности атрибуции. В молодости Аронсон вел партийную работу в Москве; «Станислав никогда не был меньшевиком», – справедливо заметил он, пересылая выписку из сборника Н.В.Вольскому в Париж и констатируя таким образом ошибку

«большевистских дам» – составительниц сборника, вероятно, сотрудниц Архива Горького [6].

Ввиду сохранявшегося еще в годы «оттепели» относительного «малолюдства» советской литературы о событиях XX в., а также по причине неординарности личности и биографии Андреевой, посвященный ей сборник вызвал повышенный интерес и дважды переиздавался. Но и во 2-м, и в 3-м изданиях книги ошибка осталась неисправленной. Все выходцы из России, проживавшие за рубежом, по-прежнему носили в СССР клеймо «белоэмигрантов», и, зная это, Аронсон и Вольский своих отзывов о сборнике в Москву не посылали.

К сожалению, у нас нет ответного письма Вольского Аронсону; возможно, он вспомнил, если ответил, какие-то подробности своего выступления в октябре 1915 г. сверх того, что написала Андреева. Мы не знаем, согласился ли он с тем, как передала она суть этого его выступления. Восполнить недостающее помогают отчасти работы Вольского, написанные позднее. Косвенно правоту Аронсона относительно атрибуции «Вольского» подтверждает то, что нам известно, со слов именно Вольского–Валентинова, сказанных в другом месте, о его квартире в Москве, в центре города, между Тверской и Большой Дмитровкой. В анкете, им заполненной еще в СССР в 1927 г., указан точный адрес: Петровский переулок, дом 8, квартира 2 [4]; это была, по крайней мере, до революции, «действительно превосходная, хорошо обставленная» пятикомнатная квартира, так как он и жена «зарабатывали очень много». В «синей» комнате (гостиной) и проходили те почти ежедневные собрания, о которых сообщала Андреева Горькому.

Позже у Вольских находили приют «многие», и это были деятели, не обязательно близкие гостеприимным хозяевам политически. Назвал Вольский, в частности, Г.В.Плеханова с женой – они жили у Вольских во время Государственного совещания в августе 1917 г., куда Плеханова пригласило Временное правительство, не позаботившись о пристанище для почетного гостя. Назвал также Лидию Дан (когда именно, неизвестно), Прокоповича (возможно, когда он, избежав ареста в Зимнем дворце, возглавлял подпольное Временное правительство) и скрывавшегося полковника-эсера К.И.Рябцова, который в качестве командующего Московским военным округом безуспешно пытался не допустить установления власти большевиков в Москве [11, с.182–183].

**Оборончество,
пораженчество,
империализм**

У каждого, кого упомянула Андреева, описанный ею эпизод был лишь звеном биографии, но звеном не случайным, связанным с их прошлым и будущим.

Известно об активном сопротивлении Кусковой попыткам, по ее словам, «насаждения антисемитизма для оправдания военных неудач», об организации ею протестной акции – в то время как некоторые либералы уклонялись от критики властей (что дало основание писательнице Р.М.Хин-Гольдовской говорить о «повальном одичании» в «передовом обществе») [См. подробнее: 39, с.112–115]. Эта сторона деятельности Кусковой не означала ее отказа от оборончества, так же как участие ее и мужа в кооперативном движении, в организации помощи беженцам, в содействии народному театру. К войне до победного конца она призывала и в своих статьях 1917 г., считая преступлением проводить необходимые стране преобразования в полном объеме, пока идет война. Контакты с деятелями радикально-социалистических партий не поколебали ее отношения («с вышки культуры») к этим партиям, она писала позднее, объясняя свою и Прокоповича беспартийность: «Нам обим революционная среда была глубоко противна. Ложь, провокация, цель оправдывает средства и оазисы (только оазисы) настоящего геройства» [17, с.117–118].

«Схватившийся» в споре с Вольским и представлявший другой полюс отношения к войне Скворцов–Степанов, большевик, экономист, переводчик «Капитала» Маркса, уже перед войной выступил с серией статей под общим названием «Империализм». Эти статьи, таким образом, предшествовали книге Ленина об империализме, опубликованной лишь в сентябре 1917 г. в России. Но трактовали они империализм, в общем, одинаково, оба вульгарно материалистически обосновывали тактику большевиков, проводившуюся с первых дней войны ради того, чтобы, по выражению Ленина, использовать войну «как можно лучше» [45, с.29]. Заимствуя фактический материал из исследований зарубежных авторов (Гобсона, Гильфердинга и других), Скворцов, как и Ленин, приписывал европейскому и американскому капитализму исключительно негативные черты, ведущие в тупик, реакционность «по всей линии» («последняя стадия», «загнивающий капитализм» и т.п.), считая виновными в войне оба военно-

политических блока, что исключало «национальную самооборону» и подразумевало мировую социалистическую революцию как единственный выход из тупика, якобы вполне подготовленный экономически.

Никаких опасений в связи с перспективой революции ни Ленин, ни Скворцов не испытывали. В отличие от либералов и некоторых меньшевиков проблема соотношения между разрушением и созданием для них не существовала. Не существовал и вопрос о преемственности – культурной и государственной. По Ленину, социальные потрясения, вызванные бедствиями войны, будут сильнее, чем исторически сложившееся до «империализма» национальное единство – главный фактор устойчивости каждого воюющего государства. Что касается определения примерных сроков революции, то в этом Ленин, как известно, был не более прозорлив, чем его современники. До нее, говорил он в январе 1917 г., остается, может быть, 5, 10 и более лет, он сомневался, что «нам, старикам» удастся до этого дожить [20, с.328]. События февраля–марта 1917 г. застали его врасплох (так же, как в свое время события 9 января 1905 г.).

Вероятно, в таком же духе высказался на собрании у Вольского Скворцов. Вольский, возражая ему, не отрицал, конечно, империализм государств-участников войны в традиционном смысле слова, как стремление к территориальным захватам, речь шла об оценке империализма как системы. Впоследствии Вольский подчеркивал недостоверность изображения Лениным экономики западного мира и тенденций ее развития: «Ленин заимствовал у Гобсона отвратительную, карикатурную картину о гниющей будущей Европе ...паразитически живущей эксплуатацией народов Азии и Африки» [10, с.334]. Нельзя утверждать с уверенностью, что в точности так думал Вольский и в 1915 г., но в споре, описанном Андреевой, он не представлял официальный меньшевизм. Фактически Андреева это признавала, когда писала о его лавировании «между Сциллой и Харибдой».

Он тяготел к пацифизму, ненавидел войну как таковую и к концу 1916 г. пришел к выводу о необходимости скорейшего заключения сепаратного мира, так как Россия победить не в состоянии⁵. Но в

⁵ Эта позиция привела его уже в 1917 г., летом, к завершившему отход от меньшевизма формальному выходу из меньшевистской РСДРП – после «допроса», учиненного ему в секретариате московской меньшевистской организации со стороны А.А.Дубровинской,

1914–1915 гг. Вольский еще не сделал окончательного вывода [11, с.162, 183–184].

Осведомитель охраны именовал Вольского в 1914 г. «социал-демократом по убеждениям» [1], но меру его независимости не раскрывал. Позднейшее собственное его сообщение о том, что в 1914–1917 гг. ему довелось часто встречаться с Горьким и «вести весьма интересные беседы», также неконкретно [7; 11, с.160]. Одну из этих встреч зафиксировала охранка. В декабре 1915 г. Вольский ездил в Петроград и виделся с Горьким, который затеял издание еженедельника (1-й номер журнала *Летопись*, правда, ежемесячного, вышел как раз в декабре) [2]. Реально в *Летописи* Вольский не сотрудничал, но, как вспоминал он, Горький его понял, когда он отказался от предложения вернуться в газету *Русское слово* редактором, что означало бы «вести газету с теми шовинистическими и зоологическими ухватками, которых требует газетное обслуживание войны» [11, с.162–163].

Патриотизм. Запад и Восток

Особняком стоял в спорах социалистов Потресов [См. о Потресове: 27; 31; 36]. Сегодня, однако, заметнее, чем тогда, общность некоторых коренных черт, свойственных интеллигенции и утраченных позднее. «...Последний из могикан – последний представитель огромного идеализма, но нездешнего, звучащего странным диссонансом в наше время потрясения всяких идеалистических чувств и ценностей», – так характеризовал Вольский Потресова незадолго до его кончины в 1934 г. (в письме к Кусковой) [3, л.53]. Идеалистами в этом смысле были и Кускова, и Вольский.

Если же сравнивать взгляды, то в период мировой войны и революции у Потресова было немало общего с Горьким, чей главный лозунг-рефрен был «стать Европой». В *Летописи* Горький писал: «Европеец – вождь и хозяин своей мысли, человек Востока – раб и слуга своей фантазии. Запад рассматривает человека как высшую цель природы, для Востока – человек сам по себе не имеет значения и цены». В январе 1916 г. в Петрограде вышел сборник «Самозащита» со статьей Потресова «Патриотизм и международность». Еще до этого автор был выслан из Петрограда, посещение им собрания у Вольского

вскоре, в советской уже России, ставшей членом РКП.

в октябре 1915 г. (возможно, не первый раз), очевидно, связано с тем, что ему и его единомышленникам пришлось перенести свою литературную деятельность в Москву. Хотя участники собрания еще не напечатанную статью не читали, но знали в общем виде о взглядах Потресова, даже если он не высказался устно.

Слово «международность» Потресов употребил как синоним иностранного слова «интернационализм». Опыт участия России в Первой мировой войне он стремился осмыслить с позиций марксистской ортодоксии, не соглашаясь с тем, что «умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Таким «аршином» оставался для него марксистский «нелицеприятный анализ», «революционный реализм». Этот анализ с учетом российской специфики выгодно отличался от универсалистского подхода Ленина и Скворцова-Степанова. В центре внимания Потресова вопрос о патриотизме. Ранее, правда, его пытались рассмотреть Ленин в статье «О национальной гордости великороссов», реагируя на патриотический подъем, охвативший в начале войны и рабочих. Но, подводя итог своим рассуждениям, он лишь повторил, что для «сознательных пролетариев» в России «худшие враги родины» – монархия, помещики и капиталисты, никакой иной защиты отечества, кроме борьбы с ними, не может быть.

Мысли подцензурной статьи Потресова диаметрально противоположны ленинским уже в исходной части. По его убеждению, мировая война не приближает, как утверждал Ленин, а отдаляет социалистическую перспективу. Потресов не касался «империализма», но считался с мировой и российской реальностью. Нет оснований, подчеркивал он, пренебрежительно отшвыривать патриотизм как что-то отжившее, особенно в России, где обывательская масса, пролетарская и всякая другая, еще не ощущает «своим национально-государственное целое». Патриотизм – это активное гражданское чувство, движущая сила перехода от средневекового строя к развитому буржуазному. Патриотическая гражданственность – антипод обывательской аморфности, распыленности, «квазипатриотизма».

В России традиция подлинного патриотизма – это освободительное движение, или, по выражению Потресова, «гражданское новаторство», включающее в себя готовность «душу положить за други своя» исходя из того, что государство «должно быть таким, а не иным». Но такого патриотизма как массового явления в России еще нет, струя гражданственности еще не победила «традиционное неведение того,

что существует Россия», «нет реального представления о том, что такое эта patria, отечество, целое». Есть в лучшем случае патриотизм элементарный, бессознательный – «зоологическая каратаевщина, фаталистическая покорность судьбе, бесстрашное приятие смерти...».

Поэтому, отмечал Потресов, в 1915 г. впечатление от общенародной беды (поражений русской армии) скользило по поверхности пролетарского сознания, а обывателю «в глубокой мере безразлично, больше или меньше в России десятка губерний и доразовьется ли она, все пятясь назад, до былого Московского царства...». Российской обывательской массе еще предстоит «поступить в приготовительный класс той школы гражданственности, через которую – в течение ста лет и более – проходила Европа, еще надо предварительно сбросить с себя первобытную шкуру обывателя – подданного восточной полуазиатской страны...»

Другой стороной того, что российское общество «есть до сих пор амальгама Европы и Азии», где «еще жив исконный дух Московской Руси», являлось, по Потресову, сочетание в народе холопства и бунтарской стихии, переход «непосредственно от ползания к максимальному протесту-бунту». События 1917 г. подтверждали эту мысль Потресова многократно. Соответственно оценивал он большевизм, а позже – Октябрьский переворот, в котором «именем Маркса было освящено то объективно реакционное движение крестьянства и солдатчины, тот бунт деревни против города, тот всероссийский раздел [имущества, собственности, национального богатства], в котором проснулся исконный дух Стеньки Разина, в котором он получил посильное осуществление» [32, с.260]. Опираясь на анархическую стихию, большевики подвергли страну максималистскому эксперименту, отбросив ее назад.

И если Россия еще не доросла до подлинного патриотизма, то речи Ленина о России, «уже зажигающей свет на весь мир, святым духом нисходящий на Европу», – это «миражи», возвращение к «традиционной отсебятине» – к идее российского мессианства, способного якобы спасти человечество, а в данном случае – спасти социализм и Интернационал. Об этой новой, большевистской, разновидности мессианства Потресов писал с сарказмом: «Я не верю в восточный интернационализм, который будто бы процвел и спасает честь социализма, между тем как Запад увял и погрузился в греховность. Я с подозрением смотрю на этих восточных праведников, несущих сейчас свое просиянье

ума европейскому грешному миру...» [32, с.176–179, 182, 188, 191–193]. Реальный путь к подлинному, а не «восточному» интернационализму, считал он, лежит только через гражданственный патриотизм.

Уже до Февральской революции Потресов видел, что совершается общий «левый сдвиг» в социалистическом движении, и допускал, что идеи Ленина получают преобладание, «если, несмотря на величайшие мировые потрясения или благодаря потрясениям, Россия отсрочит до греческих календ свою радикальную европеизацию» и сохранит свою «самобытность» [33, с.30–31].

В противоречии с этим реалистическим прогнозом оказалась выдвинутая им тактика «условного оборончества», реализовать ее было невозможно. Потресов призывал не противодействовать ведению войны, но противодействовать – с оговорками – реакционному правительству, с которым недопустимо даже временное, на период войны, примирение (типа гражданского мира на Западе). Нельзя только, считал он, прибегать к вооруженной и к стачечной борьбе в тылу. Однако то и другое происходило, и Февральская революция была не бескровной.

Иллюзорными оказались и последующие надежды Потресова на Временное правительство, на коалицию революционной демократии с прогрессивной буржуазией как некий осуществляемый повсеместно общенациональный фронт и на «революционное оборончество» – надежды, какие питали вместе с Потресовым и Кускова, и Прокопович, и не они одни. Февральская революция не превратила обывателя в гражданина, признал он в 1922 г., последний раз выступая в Советской России на Пречистенских рабочих курсах, где отмечали 5-летие февральских событий и падения монархии. «Мы, люди старшего поколения, этой задачи решить не смогли, она ложится на ваши плечи», – говорил Потресов, обращаясь к слушателям [22, с.129–133].

С теми наблюдениями Потресова, которым нельзя отказать в трезвости и точности, с некоторыми его обобщениями перекликались взгляды и оценки его современников, не принадлежавших, как он, к правому меньшевизму, но, подобно ему, видевших, что события 1917 г. не стали повторением 1905 г., что на их течение наложили резкий отпечаток война и превращение в знаковую фигуру «человека с ружьем». Так, А.Богданов писал, что власть большевиков утвердилась в России благодаря серой разлагавшейся массе солдатских низов, большей частью крестьянского происхождения, тяготевшей к выходу

из войны и «социализму дележа». Еще до 1917 г. Богданов предвидел, что если такой социализм где-то и устоит, он будет глубоко искажен «многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом» [Цит. по: 12].

Горький и его читатели

Вопрос о патриотизме если прямо не затрагивали, то подразумевали все, причислявшие себя к демократам, но чаще всего, не связывая его с конкретной затянувшейся войны.

М.Горькому – при таком отвлеченном от жизненных реалий подходе – в патриотизме отказывали.

Если вернуться к письму Андреевой, то правомерно постараться понять, удалось ли Андреевой повлиять на Горького, приблизить его позицию к ленинской, разумеется, не преувеличивая значение такого воздействия. Стоит также напомнить, что когда-то, в ходе холодной войны, история отношений Ленина и Горького была в советском литературоведении предметом «борьбы с фальсификаторами», то есть с западными исследователями, видевшими здесь научную проблему и приводившими в своих трудах неудобные факты, противоречившие официозному советскому тезису о Ленине-учителе и Горьком-ученике [См., например: 9].

К их числу относился и тот факт, что еще в 1913 г. Горький, оставаясь социал-демократом, прервал переписку с Лениным. Он не одобрял его нетерпимость, видел в разжигании им фракционной борьбы в РСДРП «склоку по пустякам», «бесплодную драку». Ранее он отказался главным образом по этой причине участвовать в качестве почетного гостя в конференции ленинцев в Праге. Отклоняя приглашение, он осуждал «фракционный мордобой» и писал, что «сие азиатское занятие пора прекратить...» [См.: 19, с.269–271]. В последнем письме Ленину он уподоблял его протопопу Аввакуму: «Ваш духовный отец – протопоп XVII века Аввакум, веривший, что дух святой глаголет его устами, и ставивший свой авторитет выше постановлений Вселенских Соборов» (в пересказе Вольского со ссылкой на разговор с Горьким летом 1916 г.).

При этом Вольский справедливо обращал внимание на то, что «культурничество», «просветительство» Горького «вместе с влечением к западноевропейскому духу и укладу жизни» резко расходилось с идейным настроем Ленина в период войны. *Летопись* придерживалась циммервальдского лозунга «мир без аннексий и контрибуций», а не ультрарадикального ленинского «превращения войны империалистической в войну гражданскую» в мировом масштабе. Ленин отнесся к журналу отрицательно [10, с.332–335]. Не столь однозначно позитивно, как раньше, и отношение Горького к революции. Вспоминая позже свои же слова о «безумстве храбрых», он писал, что «из них же Владимир Ленин – первый и самый безумный». Членство в РКП (б) он после 1917 г. не оформил, а о власти большевиков говорил К.И.Чуковскому (до нового отъезда за границу), что, имея дело с ними, ему «приходится лукавить, лгать, притворяться» [55, с.247, 302; 13, с.267].

М.Горький, В.Ходасевич и другие. Сорренто, 1922 г. Рис. Н.А.Андреева

Расхождение с Горьким, начавшееся еще до мировой войны, не помешало Ленину послать в 1916 г. рукопись своей книги об империализме в петроградское издательство Горького «Парус» при *Летописи* (в июле, но рукопись шла кружным путем, через Париж, и дошла лишь к осени). Горький рукопись не отверг. Факты, относящиеся к истории издания книги Ленина, в литературе уже приводились, но

интерпретировались по советскому обыкновению односторонне. М.Н.Покровский, выступавший в роли посредника между издательством и Лениным, уверял его, что отношение лично Горького к ленинскому тексту «идеальное», а в *Летописи* Горький не более чем «икона». Между тем из издательства потребовали, чтобы автор считался с цензурными условиями, эмигранты, как правило, их игнорировали. В частности, Ленину пришлось согласиться на удаление полемики с К.Каутским (довод издательства, то есть, вероятно, и Горького, – «в брошюре, претендующей на объективность и всестороннее освещение фактов», полемика неуместна – вряд ли произвел на Ленина впечатление) [См.: 47, с.76–79].

В России горьковская *Летопись* с первого же номера встретила разноречивую читательскую реакцию и, видимо, никто не думал, что Горький в журнале играет всего лишь представительскую роль. В дневнике А.В.Тырковой, принадлежавшей к правому крылу кадетской партии [См. об А.В.Тырковой-Вильямс: 51], есть запись от 20 января 1916 г. о ее знакомом, народнике и оборонце В.Г.Тан-Богоразе. Последний, как пишет Тыркова, «в полном отчаянии», хотя «до Галицийского отступления он был полон надежд». В частности, он, «неугомонный, толкается по лекциям» и «видел, как толпа рабочих чувствует Горького (а он пораженец)...». «Толпа» – не самое удачное обозначение слушателей лекции, употребила его, вероятнее всего, Тыркова, а не Тан.

В глазах либералов антимилитаризм любого оттенка и стремление к прекращению войны были несовместимы с патриотизмом. С другой стороны, кое-кто (но таких было немного) начинал сознавать, что идеального патриотизма или хотя бы готовности воевать неопределенно долго «за веру, царя и отечество» нет и в народе [См. подробнее: 43, с.398–414]. В той же записи Тыркова привела слова писателя А.М.Ремизова, который «вздыхал, что нет у нас настоящего национализма, нет крепкой любви к своему, как есть у французов и англичан». Не углубляясь в проблему, как Потресов, Тыркова полагала, что это «неправда. Конечно, есть («любовь к своему». – *И.Р.*). Иначе не было бы России». Но она не хотела для России и «заносчивой французской любви – *la France est le plus beau pays du monde*» [26, с.160]⁶.

⁶ «...Франция самая прекрасная страна в мире» (франц.).

Сходную мысль высказал тогда же философ и либерал-центрист Е.Н.Трубецкой. В начале войны он находил шовинизм и агрессивность только у Германии и ее союзников, а у России – исключительно идеалистические, человеколюбивые устремления. Теперь он писал (в январе 1916 г., обращаясь к князю А.Д.Оболенскому): «Надо ниспровергнуть немецкого идола и не воздвигать на его место своего собственного, то есть не увлекаться в свою очередь политикой завоеваний», так как «грешим гораздо больше отсутствием патриотизма, чем шовинизмом. Патриотизм в нас нужно бодрить и зажигать, а не гасить» [34, с.458]. Собственно говоря, именно этим занимались в 1917 г. Временное правительство и лично Керенский, но безуспешно. «Революционное оборончество» находило отклик среди цензовых и образованных слоев, но не среди солдат и рабочих, оно не стало консолидирующей идеей, как не был ею до Февраля «крест на святой Софии».

Вместе с тем налицо был раскол «образованного общества», он проявился и в реакции на якобы «пораженческую» проповедь Горького до и после Февральской революции. Случай поддержки со стороны петроградских рабочих, свидетелем которого стал Тан-Богораз, вероятно, не единственный. Когда же Горький выступил в нерабочей аудитории, в петроградском «кружке прогрессивных деятелей» (в основном прогрессистов, но и представителей других партий, вплоть до меньшевиков), его доклад, в котором, по свидетельству руководителя кружка юриста М.П.Чубинского, «сдержанно и осторожно проводились пораженческие тенденции», вызвал «в прениях ряд живых и резких возражений» [53, с.229]⁷. Дать как-то понять будущему читателю своего дневника, какие доводы привели докладчик и возражавшие, Чубинский не счел нужным.

Известно, наконец, об отрицательной реакции читающего офицества. Такую трафаретную урапатриотическую реакцию неназванного офицера наблюдал в апреле 1916 г. на даче И.Е.Репина в присутствии Горького К.И.Чуковский. Согласно записи в его дневнике, «...к концу обеда офицера, сидевшего весь обед спокойно, прорвало: он ни с того

⁷ В письме Чубинского (ноябрь 1915 г.) говорилось, что в кружке «немало членов Государственной думы, Государственного совета, профессоров, адвокатов и других общественных деятелей», но, несмотря на «ряд ценных докладов», он не удовлетворен, а прогрессисты, «составляющие ядро нашего кружка», «особенно вялы» [34, с.454]. Горький, скорей всего, выступал в кружке Чубинского после написания этого письма, в 1916 г.

ни с сего, не глядя на Горького, судорожно и напряженно заговорил о том, что мы победим, что наши французские союзники – доблестны и английские союзники тоже доблестны... тра-та-та...» и т.д. [55, т.1, с.201]⁸. Ни хозяин (Репин), ни свидетель (Чуковский) гостя не подержали, они так же, как ряд других представителей творческих профессий, к тому времени изменили отношение к войне. Так же, как, например, Маяковский, певший вначале со всеми, как пишет Чуковский, «воинственные песни» и рисовавший шапкозакидательские лубочные плакаты [См.: 8; 24].

Чуковский позже привел в дневнике еще одно свидетельство – писателя М.Л.Слонимского, участника войны. По его словам, сказанным в 20-е гг. в ответ на утверждение, будто в действующей армии все Горького «обожали», на самом деле, напротив, «было много патриотов, стоявших за войну до конца – особенно из офицерства... Читатели "Речи", "Русской Воли" и пр. и пр. ...ненавидели Горького» [55, т.2, с.359–360]⁹ (кстати, Чубинский входил в редакцию *Русской Воли*). Все это говорило о том, что негативное отношение к Горькому и его журналу было преимущественно эмоциональным. Большинство критиков не считалось с обстановкой 1916 – начала 1917 г. и ее не анализировало, будто она оставалась неизменной.

Продолжать ли войну?

В дневнике Тырковой, в тех же январских записях 1916 г., где со слов Тана сказано о Горьком-«пораженце», сопоставляется несколько различных мнений о войне и возможности выхода из нее России, полученных из разных источников, от разных ее собеседников. Тыркова понимала, что «...общее настроение, конечно, не похоже на начало войны. Тогда душа не допускала мысли о поражении, теперь ум не допускает. А трудности выросли, и усталость есть...» При этом, во-первых, в Петрограде существует «страх сепаратного мира», пришедший на смену страху, «что возьмут Петербург». Во-вторых, есть уверенность, что армия

⁸ В обоих домах, Репина и Чуковского, вспоминала его дочь, «с августа 1914 года заговорили о войне, о войне, о войне, о Карпатских горах и Мазурских болотах и чем война кончится...» [54, с.108–109].

⁹ См. подробнее о дневнике Чуковского как источнике: [37].

хочет победы, а не мира (Тыркова замечает по этому поводу: главное, что должно быть у армии, это «покорность»; все хотят домой, но не мира). В-третьих, у солдат, «благодаря низкой культуре и рабскому воспитанию, нет сознания государственного дела» (что совпадает с выводами Потресова, но Тыркова комментирует: «это не так»). И, наконец, неожиданно нечто совсем иное, со ссылкой на Д.И.Шаховского и без комментария: «...В Москве уже расшаталась вера в победу. Есть такое течение – выгоднее сейчас заключать мир, потом хуже будет» [26, с.158–159, 162]. Последующий ход событий это подтвердил.

Как будто у Тырковой и людей ее круга налицо потребность в возможно более полной информации. Она записывает сведения о работе промышленности, о железных дорогах, о «нашей проклятой разрухе», о том, в чем армия нуждается, но не имеет, и о том, что «нет способных генералов, а есть масса ненужных» и т.д. Но только после Октябрьского переворота, вспоминая «постыдные беспорядки, недобросовестность, глупость, наглость начальства» и то, как солдаты «без ножниц лезли на проволоку и без винтовок сидели в окопах», она заключает (в одном из писем мужу): «Вот еще откуда ползет солдатская озлобленность против командующего состава» [26, с.159–160, 322]¹⁰.

Но ни в военных, ни в послевоенных ее текстах нет ничего о том, что эти солдаты остались по своему мировосприятию и помыслам крестьянами и желание получить землю было для них по-прежнему главным (так же, как определившееся стремление покончить во что бы то ни стало с войной). Соответственно нет вывода о вероятности перерастания такого настроения раньше или позже в бунт против непосредственного и более высокого «начальства». Это сознавали такие современники, как Потресов. Большевики же в 1917 г. адапти-

¹⁰ В ходе послефевральских событий Тыркова пришла к выводу, что массы еще не считают самым ценным «блага политической свободы»; приоритетными для них остаются идеалы социальной справедливости, «и во многих своих социальных требованиях они совершенно правы», – так говорила она в августе 1917 г. на заседании кадетского ЦК. Но по-прежнему ни она, ни другие выступавшие члены ЦК не допускали возможность выхода России из войны, считая, что дело не в военных неудачах, и не касаясь отношения масс к войне. Все они рассчитывали в тот момент на установление военной диктатуры, «как это ни тяжело» [См.: 56, с.584–585].

ровали свою теорию к такому настроению, к мечте низов общества об уравнительной справедливости и воспользовались их разочарованием в политике своих предшественников.

Возвращаясь к предфевральскому времени, приведем для сравнения несколько характерных выдержек из перлюстрированных писем. Конец 1916 – начало 1917 г. отмечены нарастанием пессимизма и в, казалось бы, самой стойкой в вопросе о продолжении войны (но, как ни странно, не всегда самой осведомленной) депутатской среде, – наряду с сохранением необоснованного оптимизма относительно возможности ее продолжения. Депутату-октябристу Н.Е.Пилипенко в январе 1917 г. все еще представлялась «несомненным и отрадным явлением» «вера в неизбежность победы», «она властно и непоколебимо звучит над всей неразберихой», – писал он. А неизвестный кадет, признавая, что «общее положение невыносимо тягостное», считал самым опасным «результат безумия» – «преждевременный мир».

То есть тот же «страх сепаратного мира», отмеченный Тырковой и связанный со слухами о намерениях Николая II заключить мир (которых у него на самом деле не было). Нет даже намек на настроения солдат, тем более на дезертирство, бегство, добровольную сдачу в плен, все это уже имело место до Февраля в значительных масштабах. И так же, как в предфевральском дневнике Тырковой, никто из авторов писем не предполагает превращение в ближайшее время «покорной» армии в неуправляемую, теряющую боеспособность.

Относительного разнообразия наблюдений, какое имеется у Тырковой, у депутатов вообще нет. Впервые появляются упоминания социально-экономического фактора, пусть важнейшего, приведшего в феврале к взрыву, но лишь одного, – продовольственного. Так, депутат-кадет И.М.Гамов писал: «На фронте, говорят, очень тяжело. Продовольствие иссякает. Говорят, очень мало муки... Благоразумные и свободные люди должны бежать отсюда. Чем бы ни кончилась война, здесь начнется потоп». «Серьезность положения растет, – вторил депутат-октябрист В.В.Лашкевич. – Непосредственной угрозой стоит недостаток продовольствия». И он же за несколько дней до революции: «...Рок для страны: или власть расшатать, когда власть необходима, или голод со всеми ужасами». И депутат Г.В.Гутоп: «В самом злободневном, самом тяжелом вопросе о продовольствии войск и населения в Думе нарисовали картину, способную повергнуть в отчаяние самых неисправимых оптимистов».

Об этой несправимости и о себе писал также депутат-октябрист и священник С.И.Остроумов: «Относительно войны и будущего большинство Думы настроено оптимистически, но я этого оптимизма не разделяю. Конечно, я не за сепаратный мир. Но союзникам пора бы подумать о прекращении кровопролития. Только по малодушию я не заявляю это публично в Думе» [34, с.504, 506, 509, 520, 533–534, 535, 548].

Мир заключен! 3 марта 1918 г.

* * *

Неоспоримо на сегодняшний день, что падение монархии ускорило неадекватное поведение носителей верховной власти и их ближайшего окружения. Оно было следствием в немалой мере превратного представления о незыблемой преданности народа и армии престолу, а также инерции довоенных впечатлений от срежиссированных зрелищных мероприятий 1912 и 1913 гг. по поводу исторических юбилеев – 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия Дома Романовых [См., в частности: 52; 40, с.53–54]. Но, как видно из приведенных выше материалов, до конца проникнуть в суть происшедшего не было дано никому из современников. В этом смысле высказывания времен войны отличаются от некоторых ретроспективных

высказываний, сделанных в 20-е и 30-е гг. на основе более глубокого осмысления исторического опыта, как правило, в эмиграции (В.А.Маклаковым, Ф.А.Степуном и другими), но и в СССР (А.Богдановым). Среди тех, кто продвинулся дальше в таком осмыслении, были и эмигранты Н.В.Вольский и Е.Д.Кускова, отметившая, между прочим, проявившиеся тогда «противоречия культуры народа и задач политических партий», вследствие чего «культурные партии» «оставались без масс», «а массы шли к бесшабашным демагогам...» [18, с.328].

И все же в калейдоскопе предфевральских суждений немало того, что заслуживает внимания как с точки зрения большего или меньшего приближения к действительности, так и для характеристики феномена, каким была в России начала XX в. общественно активная интеллигенция, партийная и беспартийная.

Библиография

1. Государственный архив Российской Федерации Ф.63. Оп.1. 1914. Разработка. Д.214. Т.II.
2. Государственный архив Российской Федерации Ф.63. Оп.1. Д.15. Разработка. Д.74.
3. Государственный архив Российской Федерации Ф.Р-5865. Оп.1. Д.113.
4. Российский государственный архив экономики. Ф.3429. Оп.9. Д.206.
5. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Library and Archives. N.Valentinov Papers. Box 1. Folder 16. Письмо М.А.Алданова Н.В.Вольскому от 6 августа 1954 г.
6. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Library and Archives. N.Valentinov Papers. Box I. Folder 20. Письмо Г.Я.Аронсона Н.В.Вольскому от 20 октября 1963 г.
7. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Library and Archives. N.Valentinov Papers. Box 2. Folder 17. Письмо Н.В.Вольского Л.Хеймсону от 23 января 1961 г.
8. Булдаков В. Элиты и массовая культура. Россия времен Первой мировой войны // Историк и Художник. 2005. №3 (5). С.182–201.
9. Бялик Б.А. Властители дум и чувств. В.И.Ленин и М.Горький. М.: Сов. писатель, 1970. – 246 с.
10. Валентинов Н. Недорисованный портрет... / Сост., автор предисл. и коммент. Н.Канищева, О.Лежнева. М.: Терра, 1993. – 557 с.
11. Валентинов Н.В. Наследники Ленина / Ред.-сост. и авт. предисл. Ю.Г.Фельштинский. М.: Терра, 1991. – 238 с.
12. Гловели Г.Д. Богданов // Революционная мысль в России XIX – начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В.Журавлев. М.: РОССПЭН, 2013. С.52.
13. Горький // Революционная мысль в России XIX – начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В.Журавлев. М.: РОССПЭН, 2013. С.267.

14. Десницкий В.А. М.Горький. Очерки жизни и творчества. М.: Гослитиздат, 1940. – 364 с.
15. Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М.: Объединенная редакция МВД России, 2012. – 319 с.
16. Журавлев В. Первая мировая война в человеческом измерении: власть и общество // Россия XXI. 2014. №2. С.62–95.
17. Из архива Л.О.Дан / Сост., примеч., очерк биогр. Б.Сапир. Amsterdam: Stichting Intern. Inst. voor Sociale Geschiedenis, 1987. – 209 с.
18. Из переписки М.А.Алданова и Е.Д.Кусковой / Публ. Е.Эткинда // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим: Б.и., 1992. Вып.1. С.310–343.
19. Конференции РСДРП 1912 года. Документы и материалы. М.: РЭССПЭН, 2008. – 1118 с.
20. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1962. Т.30. Июль 1916 – февраль 1917. – 561 с.
21. Мария Федоровна Андреева. Переписка; Воспоминания; Статьи; Документы; Воспоминания о М.Ф.Андреевой. М.: Искусство, 1961. – 720 с.
22. Мейеров Я. Из воспоминаний юности // Память. Исторический сборник. Париж, 1980. Вып.3. С.120–142.
23. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
24. Мирошкин А. Футуристы идут на войну // НГ-ЕХ LIBRIS. 2014. 19 июня. С.8.
25. Мицкевич С.И. Революционная Москва. 1888–1905. М.: Гослитиздат, 1940. – 496 с.
26. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И.Канищева. М.: РОССПЭН, 2012. – 1110 с.
27. Николаевский Б. А.Н.Потресов. Опыт литературно-политической биографии // Потресов А.Н. Избранное / [Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Д.Б.Павлова]. М.: Мосгорархив, 2002. С.380–460.
28. Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В.Журавлев. М.: РОССПЭН, 2005. – 637 с.
29. Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия / Отв. ред. В.В.Журавлев. М.: РОССПЭН, 2009. – 703 с.
30. Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. М.: Изд-во МГУ, 2011. Т.2. Власть. Общество. Культура. – 738 с.
31. Павлов Д.Б. От составителя // Потресов А.Н. Избранное / [Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Д.Б.Павлова]. М.: Мосгорархив, 2002. С.3–23.
32. Потресов А.Н. Избранное / [Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Д.Б.Павлова]. М.: Мосгорархив, 2002. – 488 с.
33. Потресов А.Н. Интернационализм и космополитизм. Две линии демократической политики. М.: Либроком, URSS, 2011. – 90 с. (репринт изд. 1916 г.).
34. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В.В.Шелухаев, сост. К.А.Соловьев. М.: РОССПЭН, 2014. – 718 с.
35. Революционная мысль в России XIX – начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В.Журавлев. М.: РОССПЭН, 2013. – 613 с.
36. Розенталь И.С. А.Н.Потресов // Политическая история России в партиях и лицах. М.: ТЕРРА, 1993. С.185–204.

ВОКРУГ ОДНОГО ПИСЬМА

37. Розенталь И.С. К вопросу об адаптации интеллигенции в России до и после 1917 г. (По страницам дневника Корнея Чуковского) // Клио. 2015. №2 (98). С.50–59.
38. Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг. М.: РОССПЭН, 2004. – 255 с.
39. Розенталь И.С. Москва начала XX века: евреи, власть, общество // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. 1999. №1 (19). С.95–119.
40. Розенталь И.С. По страницам «Историка и Художника» // Историк и художник: Сб. воспом. и ст. памяти проф. Сергея Сергеевича Секиринского. М.: ИРИ РАН, 2013. С.45–58.
41. Розенталь И.С. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М.: РОССПЭН, 1996. – 254 с.
42. Розенталь И.С. Страницы жизни генерала Джунковского // Кентавр. 1994. №1. С.90–103.
43. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А.Петров. М.: РОССПЭН, 2014. – 982 с.
44. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М.: РОССПЭН, 2011. – 886 с.
45. Серадский Ю. Польские годы Ленина / Пер. с польск. М.: Госполитиздат, 1963. – 64 с.
46. «События, свидетелем которых я была, и люди, с которыми я встречалась...» Из воспоминаний Е.В.Нечаевой / Публ. И.В.Кашкиной // Голоса истории. Сб. науч. тр. [Музея революции]. М.: Б.и., 1992. Вып.23. Кн.2. С.50–88.
47. Соколов О.Д. М.Н.Покровский и советская историческая наука. М.: Мысль, 1970. – 276 с.
48. Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 270 с.
49. Таланов А. Большая судьба. М.: Политиздат, 1967. – 208 с.
50. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. – 326 с.
51. Хайлова Н. Люди из примечаний. «В кадетской партии я была своего рода enfant terrible» // Россия XXI. 2012. №3. С.150–167.
52. Цимбаев К. Трехсотлетие Дома Романовых: Юбилей 1913 года как художественное действо // Историк и Художник. 2005. №1. С.181–195.
53. Чубинский М.П. Год революции (1917) (Из дневника) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1997. – С.227–244.
54. Чуковская Л.К. Памяти детства: Мой отец – Корней Чуковский. М.: Время, 2007. – 281 с.
55. Чуковский К.И. Дневник: В 3 т. / Сост. Е.Чуковская. М.: ПРОЗАиК, 2012. Т.1. 1901–1921. – 590 с.; Т.2. 1922–1935. – 654 с.
56. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2015. – 863 с.

**Наталья Довжик, Александр Репников
Владимир Симиндей**

МОСКВА–КАУНАС– ВИЛЬНЮС В 1940–1941 ГОДЫ:

**МЕЖДУ ГЕОПОЛИТИКОЙ
И СОЦИАЛЬНЫМ ВОПРОСОМ**

УДК
94(47)''1940/1941''
94(474.5)

В публикуемых документах Российского государственного архива социально-политической истории отражены особенности становления советской власти в Литве в предвоенный период. Показано, что ключевыми мотивами в действиях советской власти были: 1) военно-политические соображения, связанные с ожиданием войны; 2) радикальная трансформация социально-экономической структуры литовского общества, опиравшаяся на сложный баланс идеологии, практических нужд и реальных возможностей.

Peculiarities of the Soviet power making in Lithuania in pre-war years are reflected in documents held in the Russian State Archive of social and political history that are published now. It is demonstrated the key motives of the Soviet power activities were as follows: 1) military and political considerations connected with expectancy of war; 2) radical transformation of the Lithuanian society social and economic structure that relied upon a complex balance of ideology, practical needs and real possibilities.

Ключевые слова: геополитика; внешняя политика; Прибалтика; Литва; экономика; идеология; архивные документы.

Key words: geopolitics; foreign policy; the Baltic states; Lithuania; economy; ideology, archive documents.

E-mail: natalia.dov@mail.ru; rgaspi@inbox.ru; simindei@mail.ru

Прибалтийская историография в постсоветский период постоянно педалировала тематику сталинских репрессий после установления советской власти в Латвии, Литве и Эстонии в 1940 г.¹ и восстановления – в 1944–1945 гг. Сквозь эту призму рассматривались и другие аспекты деятельности советских органов власти и управления в Прибалтике, если вообще рассматривались с научной точки зрения. Во всяком случае, нарочито антисоветская националистическая «оптика», на наш взгляд, заметно искажает события и оценки, связанные с политическими, экономическими, социальными и культурно-образовательными процессами в раннесоветской Прибалтике. Вторым существенным недостатком, отчасти связанным с первым, остается малое и неравномерное введение в научный и медийный оборот архивных документов. Отдавая дань памяти жертвам советских политических репрессий в Латвии, Литве и Эстонии, мы хотели бы обратиться к другим вопросам: 1) мотивации преобразовательной деятельности советской власти в прибалтийских республиках накануне войны; 2) трансформации политических режимов и органов власти и управления; 3) подбора методов и способов реформирования экономики и социальной структуры общества; 4) утоления голода в «новых кадрах».

Руководствуясь интересами научного познания, специалисты Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) подготовили к печати сборник документов «Советская власть в Прибалтике: август 1940 – июнь 1941 г.». Вниманию читателей журнала *Россия XXI* мы представляем подборку документов, касающихся установления советской власти в Литве, непосредственно примыкавшей в то время к германской Восточной Пруссии и несколько отстававшей от Эстонии и Латвии в социально-экономическом, прежде всего промышленном, развитии. По Договору между СССР и Литвой от 10 октября 1939 г. о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области она получила территориальные приращения и новую столицу.

Поиск, анализ и отбор для публикации значимых документов привел нас к мысли о том, что ключевыми мотивами в действиях советской власти на территории Литвы в 1940–1941 гг. были:

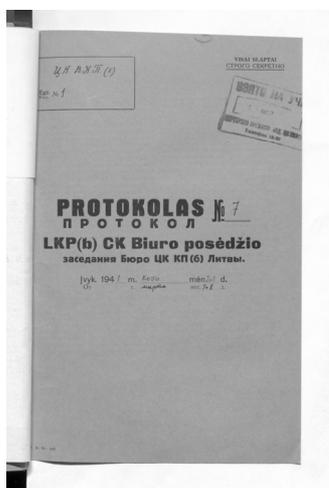
¹ *Впервые советская власть в неоккупированных немцами уездах и волостях Прибалтийского края установилась фактически сразу после Октябрьского переворота в Петрограде, в конце 1917 – начале 1918 г., а в Латвии первый раз была восстановлена вооруженным путем в 1918–1919 гг.*

- военно-политические соображения, связанные с усилением напряженности в отношениях Москвы и Берлина и ожиданием войны;
- во-вторых, радикальная трансформация социально-экономической структуры литовского общества, опиравшаяся на сложный баланс идеологических постулатов, практических нужд и реальных возможностей.

Идеологически и политически мотивированные действия по «ликвидации эксплуататорских классов» выливались в решения о

- национализации банков и муниципализации крупного землевладения;
- реорганизации торговли и промышленности;
- увольнении «реакционных элементов» и повышении зарплаты малоимущим рабочим и служащим;
- наделении земель безземельных и малоземельных крестьян и их кредитовании при сохранении некоторой части относительно крупных собственников («при отчуждении излишков земли предлагается не допускать огульного причисления к категории помещиков крупных земельных собственников» [1, л.20]);
- свертывании религиозных учебных заведений и наращивании профессионально-технического образования.

Думается, что в публикуемых документах из РГАСПИ о первых месяцах установления советской власти в Литве читатель сможет найти немало интересных и даже парадоксальных фактов и взаимосвязей между ними в контексте советской действительности и риторики того периода, а также подготовки к надвигающейся войне. Часть архивных документов (№1–3, 7, 9) ранее публиковалась в Литве [См.: 2]. В России документы №1–12 публикуются впервые (орфография и пунктуация приведены в соответствии с современными правилами русского языка).

Документ 1².

Т. Булганину³
В. Молотов
23.VII.40 г.

экз. №1

Секретно.

ТЕЛЕФОНОГРАММА тов. ДЕКАНОЗОВА⁴
Из Каунаса – 12.VII.40 г. в 22 час. 45 мин.
Тов. МОЛОТОВУ В.М.⁵

Сегодня я беседовал с вернувшимся из Вильно Креве-Мицкевичусом⁶. Наряду с другими вопросами, о которых сообщу особо,

² Публикуется по: [1, л.7]. – Опубликовано: [2, т.1, с.675–676].

³ Булганин Николай Александрович (1895–1975) – советский партийный и государственный деятель. В 1938–1944 гг. зам. председателя Совета народных комиссаров СССР. Также с 1938 по апрель 1940 г., с октября 1940 по 1945 г. и в 1958 г. возглавлял правление Государственного банка СССР. Член Президиума (Политбюро) ЦК ВКП (б) – КПСС (1948–1958). Министр Вооруженных сил СССР (1947–1949), министр обороны СССР (1953–1955), председатель Совета министров СССР (1955–1958).

⁴ Деканозов Владимир Георгиевич (1898–1953) – советский партийный и чекистский работник, дипломат. В 1931–1934 гг. секретарь ЦК КП (б) Грузии; в 1935–1936 гг. заведующий отделом ЦК КП (б) Грузии; в 1936–1938 гг. нарком пищевой промышленности Грузинской ССР, в 1938–1939 гг. начальник отдела, зам. начальника ГУГБ НКВД СССР; в 1939–1947 гг. зам. наркома (министра) иностранных дел СССР, в июле–августе 1940 г. уполномоченный ЦК ВКП (б) и СНК СССР в Литве, в 1940–1941 гг. полпред СССР в Германии; в 1947–1951 гг. зам. начальника Главного управления советского имущества при Совмине СССР; в 1952–1953 гг. член Комитета радиовещания при Совмине СССР. В июле 1953 г. арестован, в декабре 1953 г. приговорен к смертной казни.

⁵ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1906 г., в 1921–1930 гг. секретарь ЦК ВКП (б), одновременно в 1928–1929 гг. первый секретарь МК ВКП (б). Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП (б) в 1926–1957 гг. (с перерывом). С 1930 по 1941 г. председатель СНК СССР. Нарком (министр) иностранных дел СССР в 1939–1949 и 1953–1956 гг., министр государственного контроля СССР в 1956–1957 гг.

⁶ Креве-Мицкевичюс Винцас (1882–1954) – литовский литератор и общественно-политический деятель. В 1908 г. окончил Львовский университет. В 1920 г. вернулся в Литву; с 1922 г. профессор Литовского университета (Каунас), председатель Правления

был обсужден вопрос о состоянии виленской промышленности. Большинство предприятий в г. Вильно простаивает или работает с мизерной нагрузкой. Причины – отсутствие сырья или сбыта. Такими являются промышленность: кирпичная, лесопильная, стекольная, кожевенная, бумажная, маслодельная, спиртовая.

В процессе разговора встал вопрос о приглашении представителей соответствующих народных комиссариатов из СССР для ознакомления с состоянием предприятий, вопросов сырья, сбыта и оказания практической помощи. Креве ухватился за эту идею и обещал поставить этот вопрос на Совете министров. Мне кажется, что этим надо воспользоваться, чтобы быстро направить сюда группу уполномоченных наркоматов, в первую очередь легкой, пищевой и текстильной промышленности, а также стройматериалов. Можно было бы поставить вопрос шире: о посылке сюда различных групп работников по разным отраслям государственного аппарата, чтобы тем самым подготовить вопросы практического осуществления связи с нашими организациями по линии товарооборота, финансов, промышленности и проч.

Креве же поставил передо мною вопрос об усилении аппарата политической полиции, особенно в Вильно, нашими людьми и вообще он склонен уже теперь пускать наших людей во все отрасли государственного аппарата. Конечно, Палецкис⁷ и кабинет в целом тоже охотно будут за это предложение.

Литовского общества по ознакомлению с культурой народов СССР. В июне 1940 г. и.о. Президента Литвы А.Меркисом назначен заместителем премьер-министра, министром иностранных дел и вр.и.о. министра просвещения в просоветском правительстве Литовской Республики, некоторое время исполнял обязанности премьер-министра. В 1941 г. стал президентом Академии наук Литовской ССР. В 1944 г. эмигрировал на территорию подконтрольной германским нацистам Австрии, с 1947 г. жил в США.

⁷ Палецкис Юстас Игнович (1899–1980) – популярный литовский журналист, литератор, советский государственный деятель. Работал директором литовского телеграфного агентства «Эльта», после правонационалистического военного переворота 1926 г. был уволен, в 1939 г. арестован. После ввода советских войск в Литву в июне 1940 г. и.о. Президента Литвы А.Меркисом был утвержден в должности премьер-министра Литовской Республики, после отставки А.Меркиса – и.о. Президента. После выборов в Народный Сейм, провозгласивший образование Литовской ССР, с августа 1940 г. по апрель 1967 г. председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР. С началом агрессии нацистской Германии против СССР был эвакуирован. В 1941–1966 гг. зам. председателя Президиума Верховного Совета СССР, в 1966–1970 гг. председатель Совета На-

Не менее важной является помощь партийному аппарату. Можно было бы теперь же направить сюда для работы в партийном аппарате, особенно в уездах, человек 100, преимущественно со знанием хотя бы белорусского и польского языков.

Прошу Ваших указаний.

Подпись – ДЕКАНОЗОВ.

Передал – Яшин,
Приняла – Петрова
верно /подпись/
(рассылку см. на об.)
М–1195с.

Документ 2⁸.

*тт. Микояну⁹
и Деканозову
Прошу срочно разобраться
в этом деле
В. Молотов*

ТЕЛЕФОНОГРАММА (по ВЧ)
Из КАУНАСА – 27/VIII–40 г. 21.30
тов. МОЛОТОВУ.

Находящийся в командировке в Мемеле сотрудник Госбанка СССР тов. Шаповал протелефонировал в 20 час. 27 августа, что распоряжением германского министра финансов с сегодняшнего дня ликвидирована литовская свободная торговая зона в Мемеле. В зону введены войска и выставлены военные патрули. Литовские таможенные чиновники отстранены.

циональностей ВС СССР.

⁸ Публикуется по: [1, л.24]. – Опубликовано: [2, т.2, с.186–187].

⁹ Микоян Анастас Иванович (Ованесович) (1895–1978) – советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1915 г., член ЦК РКП (б) с 1923 г., кандидат в члены Политбюро с 1926 г., член Политбюро (Президиума) в 1935–1966 гг. В 1926–1930 гг. нарком внешней и внутренней торговли СССР, с 1930 по 1934 г. нарком снабжения СССР, нарком пищевой промышленности СССР (1934–1938), в 1938–1949 гг. нарком (министр) внешней торговли СССР, в 1937–1964 гг. зам. Председателя СНК (СМ) СССР, в 1964–1965 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Германские власти просят вывезти литовские грузы из зоны. В связи с этим, тов. Шаповал просит срочно послать в зону товарные вагоны, рабочих и нескольких ранее там работавших таможенных чиновников.

Прошу Ваших указаний.

ПОЗДНЯКОВ¹⁰.

Передал – Яшин.

Приняла – Обрезкова.

Разослано:

т. Сталину¹¹, т. Молотову, т. Ворошилову¹², т. Микояну, т. Кагановичу¹³, т. Вышинскому¹⁴, т. Деканозову, т. Соболеву¹⁵, в дело.

¹⁰ Поздняков Николай Георгиевич (1900–1948) – советский дипломатический работник. В 1932–1935 гг. секретарь Полпредства СССР в Финляндии, с 1938 по февраль 1940 г. временный поверенный в делах СССР в Литовской Республике, с марта по август 1940 г. полпред СССР в Литве, с сентября 1940 г. уполномоченный ЦК ВКП (б) и СНК СССР в Литовской ССР.

¹¹ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953) – советский политический и государственный деятель; генералиссимус Советского Союза, Герой Советского Союза (1945). Член РСДРП с 1898 г., член Бюро ЦК РСДРП (б) в 1917 г., в 1919–1952 гг. член Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). С 1922 г. генеральный секретарь ЦК РКП (б) – ВКП (б), с мая 1941 г. председатель СНК (СМ) СССР. В 1941–1945 гг. председатель ГКО, Верховный главнокомандующий.

¹² Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – советский государственный, военный и политический деятель, Маршал Советского Союза (1935), дважды Герой Советского Союза (1956, 1968). Член РСДРП с 1903 г., с 1921 г. член ЦК ВКП (б), член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП (б) – КПСС в 1926–1960 г. В 1925–1934 гг. председатель РВС СССР, нарком по военным и морским делам СССР, в 1934–1940 гг. нарком обороны СССР. В 1953–1960 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

¹³ Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1911 г., член ЦК ВКП (б) в 1924–1957 гг., член Оргбюро ЦК (1924–1925, 1928–1946), член Политбюро (Президиума) ЦК (1930–1957). С апреля 1925 по июль 1928 г. генеральный секретарь ЦК КП (б) Украины. Секретарь ЦК ВКП (б) в 1928–1939 гг. В 1935–1937, 1938–1942 и 1943–1944 гг. нарком путей сообщения СССР, в 1937–1939 гг. нарком тяжелой промышленности СССР, в 1939–1940 гг. нарком топливной (нефтяной) промышленности; занимал ряд других высоких государственных и партийных должностей до 1957 г.

¹⁴ Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – член РКП (б) с 1920, член ЦК с 1939 г. В 1928–1931 гг. член коллегии Наркомата просвещения РСФСР. С мая 1931 г. прокурор

Послано под гриф
27–VIII–40 г.
М–1439 сс.

Документ 3¹⁶.

Тов. Вышинскому, Соболеву, Потемкину¹⁷
Прошу разобраться
В. Молотов

М–1544с
Послано под гриф
6/IX–40 г.

ТОВ. МОЛОТОВУ

К началу учебного года по проекту ЦК предполагается провести следующие мероприятия:

1) Реорганизовать существующие начальные школы с различным количеством лет обучения; прогимназии и гимназии в начальные школы, неполные средние школы и полные средние школы с соответственным изменением учебных планов и составлением переходных программ на основе программы советской школы.

Первые классы гимназии переименовать в пятые классы, вторые классы – в шестые и т.д. Седьмые и восьмые классы гимназии в 1940–41

РСФСР, зам. наркома юстиции РСФСР. С июня 1933 г. зам. прокурора, в марте 1935 – мае 1939 г. прокурор СССР. В 1939–1944 гг. зам. председателя СНК СССР. С 1940 г. первый зам. наркома иностранных дел СССР. В 1946–1953 гг. министр иностранных дел, затем постоянный представитель СССР в ООН.

¹⁵ *Соболев Аркадий Александрович (1903–1964) – советский дипломатический работник. Секретарь НКВД СССР (1939–1942), советник Посольства СССР в Великобритании (1942–1945), в 1946–1949 гг. помощник Генерального секретаря ООН, в 1951–1953 гг. посол в Польше, в 1954–1960 гг. зам. представителя, представитель СССР при ООН, в 1960–1964 гг. зам. министра иностранных дел СССР.*

¹⁶ *Публикуется по: [1, л.32–33]. – Опубликовано: [2, т.2, с.206–207].*

¹⁷ *Потемкин Владимир Петрович (1874–1946) – советский дипломат и государственный деятель. Полпред СССР в Греции (1929–1932), Италии (1932–1934), Франции (1934–1937). В 1937–1940 гг. первый зам. наркома иностранных дел, в 1940–1946 гг. нарком просвещения РСФСР.*

учебном году оставить как параллельные 9 и 10 классам средней школы, с соответствующей разницей в программах.

Мужские и женские гимназии объединить (из 77 гимназий с 22 231 учащимися имеется 7 мужских и 9 женских гимназий с 5 856 учащимися, остальные гимназии смешанные).

2) Вновь открыть 42 неполных и средних школы и увеличить количество классов в начальных школах приблизительно на 1000 классов.

3) Основную сеть начальных еврейских (134 школы, 18 395 учеников), польских (соответственно 9 и 254) и школ других национальностей сохранить с увеличением количества часов на преподавание в них литовского языка и укрупнением мелких школ.

Сохранить также средние школы нацменьшинств с их укрупнением за счет слияния, а в небольших городах еврейские, польские и другие частные гимназии с малым количеством учащихся, отдельное существование которых экономически не оправдывается, слить с литовскими гимназиями, открыв параллельно классы с преподаванием родного языка.

4) Существующие в провинции две реакционные еврейские учительские семинарии с 73 студентами предполагаем закрыть с предоставлением студентам права поступления в Виленский пединститут или Университет, где имеются специальные кафедры по еврейскому языку и литературе.

По этому вопросу имеются возражения некоторых еврейских товарищей из Наркомпроса, предлагающих эти семинарии взять на государственный счет и сдать в одну семинарию, готовящую учительские кадры для еврейских школ. Религиозно-реакционный состав студентов делает этот вариант неприемлемым.

5) В текущем году открывается около 20 школ для детей начальствующего состава РККА, которые будут находиться в ведении Наркомпроса Литовской ССР. Содержание этих школ бюджетом республики не было предусмотрено.

6) При Ковенском и Виленском университетах предполагаем открыть вечерние рабочие факультеты без отрыва от производства.

7) Ввиду отсутствия квалифицированных местных сил по марксизму-ленинизму крайне необходима присылка 6 квалифицированных руководителей кафедры марксизма-ленинизма в вузах (возможно русских).

8) В связи со взятием на государственный счет бывших частных учебных заведений, расширением сети школ и т.п. для нужд просвещения, вероятно, потребуется некоторая дотация из общесоюзного бюджета, размер которой сообщим после дополнительной проверки.

Просим сообщить Ваше заключение.

СЕМЕНОВ¹⁸, СНЕЧКУС¹⁹, ГЕДВИЛАС²⁰.

6.IX.40 г.

Принято по ВЧ.

Документ 4²¹.

Оригинал из НКВД

ТЕЛЕФОНОГРАММА (по ВЧ)

Из КАУНАСА – 26/IX–40 г. в 00 ч. 15 мин.

СНК СССР – тов. МОЛОТОВУ.

Во исполнение §4 Постановления №1755–715сс Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП (б) от 21 сентября 1940 г. представляем расчет по необходимому увеличению эмиссии литы.

Необходимо, чтобы литовский банк кредитовал государство в сумме 111 миллионов лит.

1. Повышение заработной платы рабочих до уровня заработной платы в СССР потребует 10 миллионов лит. Рабочим ежемесячно выплачивается 7 миллионов лит. Ввиду того, что повышение заработной платы

¹⁸ Семенов Владимир Семенович (1911–1992) – советский дипломатический работник. Советник Полпредства СССР в Литве (1939–1940), Германии (1940–1941). Дипломатическую карьеру завершил в должности посла СССР в ФРГ (1978–1985).

¹⁹ Снечкус Антанас Юозович (1903–1974) – литовский советский политический деятель. С 1920 г. на подпольной революционной работе, неоднократно арестовывался литовскими властями; в 1936–1939 гг. первый секретарь ЦК Коммунистической партии Литвы на нелегальном положении (Каунас). В июне 1940 г. просоветским правительством Литвы назначен директором Департамента государственной безопасности, Первый секретарь Коммунистической партии Литовской ССР (1940–1974). Во время Великой Отечественной войны возглавлял республиканский штаб партизанского движения.

²⁰ Гедвилас Мечисловас (1901–1981) – литовский коммунистический деятель. Член Компартии Литвы с 1934 г., в июне 1940 г. утвержден на должность министра внутренних дел Литвы в правительстве Ю.Палецкиса, с августа 1940 по январь 1956 г. председатель СНК (СМ) Литовской ССР, в 1957–1973 гг. министр народного образования Литовской ССР.

²¹ Публикуется по: [1, л.49–50].

будет идти впереди повышения цен на товары, государство должно будет покрывать денежные потребности предприятий.

2. Повышение заработной платы служащим государственных учреждений до уровня заработной платы в СССР потребует дополнительно 12 600 тысяч лит. Ежемесячно заработная плата служащих составляет 14 миллионов лит.

3. Строительство потребует 12 миллионов лит. По прибытии частей Красной Армии в Литовской ССР ощущается большой недостаток в жилищном помещении, поэтому надо увеличить жилищное строительство.

По расчетам инженеров, можно до конца текущего года организовать строительство, которое потребует 12 миллионов лит (в подавляющем большинстве строительство уже начато, только нужны средства, чтобы его закончить).

4. Для нужд социального обеспечения необходимо 9 миллионов лит. Вводятся новые формы социального обеспечения. В Литовской ССР около 3 миллионов жителей. В полном социальном обеспечении нуждается не менее 1% населения, т.е. около 30 тысяч. Считая на каждого человека по 100 лит в месяц, до конца года потребуются 9 миллионов лит.

5. Для нужд здравоохранения необходимо 15 миллионов лит. Теперь вводится бесплатное лечение. В медицинской помощи нуждается около 5% населения, что составит около 150 тысяч человек. Таким образом, на каждого нуждающегося потребуются в среднем около 30 лит в месяц.

6. Для нужд просвещения необходимо 17 миллионов лит. После введения бесплатного обучения число учеников возросло на 100%. Необходимо расширить сеть школ и увеличить число учителей.

7. Для проведения общественных работ необходимо 16 миллионов лит. Теперь интенсивно строятся дороги, в частности автострада Вильнюс–Каунас, и перешиваются железнодорожные пути. На этих работах занято около 10 тысяч рабочих, которым до конца этого года надо будет выплатить 6 миллионов лит.

На ремонте уже существующих дорог работают около 15 тыс. рабочих, которых зимой потребуются направить на лесозаготовки. До конца года им потребуются выплаты около 10 миллионов лит.

8. Кредитование вновь наделенных земель и малоземельных крестьян потребует около 20 миллионов лит.

Ваше решение по вопросу эмиссии лита просим сообщить нам в самом срочном порядке.

ПОЗДНЯКОВ, ГЕДВИЛАС.

Передал – Яшин.
Приняла – Кудрявцева.

Документ 5²².

*Нужен ответ
М.*

ТЕЛЕФОНОГРАММА – Т.Т. ПОЗДНЯКОВА и ГЕДВИЛАС
26/IX.1940 г. в 1 час.
тов. МОЛОТОВУ.

Просим разрешения на проведение национализации частных домовладений в Литовской ССР в порядке, изложенном в нижеследующих проектах Указа Президиума Верховного Совета и Постановления Совнаркома:

I. Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР

О муниципализации и национализации крупных домовладений

- 1) Муниципализировать и национализировать в городах Вильнюс, Каунас, Паневежис и Шавли все домовладения с полезной площадью от 300 и выше квадратных метров, а в других городах – домовладения с полезной площадью от 250 и выше квадратных метров.
- 2) В отношении домов, принадлежащих рабочим, служащим и трудовой интеллигенции, допускаются исключения в сторону повышения установленной в §1 нормы при условии, что их дома не являются объектом наживы.
- 3) Поручить Совету Народных Комиссаров Литовской ССР установить сроки и порядок муниципализации и национализации.

II. Постановление Совета Народных Комиссаров Литовской ССР

О муниципализации и национализации крупных жилых домов
на территории Литовской ССР

Совет Народных Комиссаров на основе Указа Президиума Временного Верховного Совета Литовской ССР постановляет:

- 1) Муниципализировать во всех городах и местечках и зачислить в жилищный фонд временных местных исполкомов (или самоуправлений):

²² Публикуется по: [1, л.46–48].

а) в городах Вильнюс, Каунас, Шауляй и Паневежис дома, в которых полезная площадь составляет более 300 квадратных метров, а во всех других городах и местечках – дома, в которых полезная площадь превышает 250 квадратных метров со всеми принадлежащими к домам строениями;

б) во всех городах и местечках дома бесхозные, независимо от их размера;

в) во всех городах и местечках строения торгового характера (торговые ряды, магазины, лавки, складочные помещения и т.п.), обособленные от домовладений, независимо от размера и местонахождения их.

Примечания: 1. Если одно лицо является собственником нескольких домов, ему оставляются дома с таким расчетом, чтобы общая площадь их не превышала в городах Вильнюс, Каунас, Шауляй и Паневежис 300 квадратных метров и в других городах и местечках – 250 квадратных метров.

2. В отношении рабочих, служащих и трудовой интеллигенции временные местные исполкомы (или самоуправления) с согласия Наркомхоза могут оставить в частном владении дома и несколько больше установленных норм, если владельцы их не являются эксплуататорами и их дома не служат им целью наживы.

2) Национализировать и передать в ведение соответствующих наркоматов, государственных учреждений и государственных предприятий, находящихся в городах и местечках:

а) строения, принадлежавшие бывшим государственным центральным ведомствам и их местным органам;

б) строения, принадлежавшие ликвидированным общественно-политическим организациям;

в) памятники старины, искусства и быта и строения государственных и муниципалитетных театров, музеев и библиотек.

3) Все строения, перечисленные в пунктах а, б и в статье 2-й настоящего постановления, если они не используются по прямому назначению соответствующими государственными учреждениями или их местными органами, зачисляются в муниципализированный жилищный фонд временного местного исполкома (или самоуправления).

4) Муниципализировать в сельских местностях и зачислить их в жилой фонд временного местного исполкома (или самоуправления), кроме строений, указанных в статье 3-й настоящего постановления, все бесхозные строения.

МОСКВА–КАУНАС–ВИЛЬНЮС В 1940–1941 ГОДЫ

5) Муниципализация и национализация строений производится по постановлениям временных уездных исполкомов (или самоуправлений) и временных исполкомов городов Вильнюс, Каунас, Шауляй и Паневежис, которые направляют свои предложения Народному Комиссару Коммунального Хозяйства для представления их на утверждение Совета Народных Комиссаров Литовской ССР.

6) Предложить всем соответствующим органам местной власти всю работу по муниципализации и национализации домов и оформлению приемки их начать с 1-го октября сего года и закончить ее до 1-го января 1941 г.

7) Постановления временных уездных исполкомов (или самоуправлений) и временных исполкомов (или самоуправлений) городов Вильнюс, Каунас, Шауляй и Паневежис о муниципализации и национализации строений могут быть обжалованы в Совет Народных Комиссаров Литовской ССР в течение трех месяцев со дня получения извещения о муниципализации или национализации строений.

8) Поручить Наркомхозу Литовской ССР в недельный срок издать по согласованию с Наркомюстом Литовской ССР инструкцию по применению настоящего постановления.

Ждем Вашего решения.

ПОЗДНЯКОВ, ГЕДВИЛАС.

Приняла Васильева
вв-5
М-1719с

Документ 6²³.

От т. Деканозова

СЕКРЕТНО.

«26» октября 1940 г.

№ 5

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
товарищу В. М. МОЛОТОВУ

Как я Вам докладывал, в Литве за последнее время были установлены случаи скупки немцами рабочего и продуктивного скота. Вы мне пору-

²³ Публикуется по: [1, л.83].

чили сделать соответствующее предупреждение Председателю Германской Делегации. По приезде из Берлина Нёльдеке²⁴ я это сделаю.

Сейчас хочу Вас поставить в известность о том, что случаи обмена немцами худшего скота на лучший и скупки ими лучшего рабочего и продуктивного скота приняли за последнее время массовый характер. Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 24.IX–40 г.²⁵, видимо, в Литве реализуется плохо, хотя по этому вопросу я неоднократно делал напоминания Председателю СНК т. Гедвиласу и просил его следить за этим. Поэтому я счел необходимым сообщить имеющиеся в моем распоряжении дополнительные факты Председателю СНК т. Гедвиласу и Секретарю ЦК КП (б) Л т. Снечкусу и *поставил перед ними вопрос* о принятии эффективных мер по выполнению директивы ЦК и СНК от 24.IX–40 г. п. «в»²⁶.

О последующем буду ставить Вас в известность.

Прилагаю перечень фактов продажи и скупки немцами скота, зарегистрированных местными органами власти за последнее время.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое²⁷.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(В. Деканозов).

²⁴ Нёльдеке Вильгельм (1889–1971) – германский дипломатический работник, генеральный консул в Катовице (1934–1939), сопредседатель смешанной советско-германской комиссии по эвакуации германских граждан и лиц немецкой национальности с территории Литовской ССР в Германию и литовских граждан и лиц литовской национальности с территории Германии (Мемельская область) в Литовскую ССР, а также по урегулированию имущественных претензий (1940–1941), посол в Дании (1951–1954).

²⁵ Постановление СНК СССР «О работе советской делегации в смешанной советско-германской комиссии по эвакуации германских граждан и лиц немецкой национальности с территории Литовской ССР в Германию и литовских граждан и лиц литовской национальности с территории Германии (Мемельская область) в Литовскую ССР, а также по урегулированию имущественных претензий» от 24 сентября 1940 г. Утверждено Политбюро ЦК ВКП (б) 24 сентября 1940 г.

²⁶ Упомянутый пункт в исходном документе значился как «в» и гласил: «В целях предотвращения закупок для вывоза в Германию эвакуирующимися немцами рабочего скота и распродажи продуктивного скота, дать частное указание местным властям Литовской ССР о воспрещении до конца эвакуации такого рода покупок и продаж лицам немецкой национальности» [См.: 2, т.2, с.235].

²⁷ Не публикуется.

Подпись

Разослано: тт. Молотову, Микояну, Вышинскому.

Документ 7²⁸.

От т. Позднякова

Сов. Секретно

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА СОЮЗА ССР
товарищу МОЛОТОВУ В. М.

25 октября с.г. в течение нескольких часов на Бюро ЦК КП (б) Литвы обсуждалось положение в литовском корпусе. Присутствовали руководящие работники корпуса, Совета II армии и Совета Прибалтийского ОВО.

В результате обсуждения мы пришли к выводу, что политическое состояние корпуса продолжает оставаться неблагоприятным, т.к. политические настроения его бойцов продолжают, в основном, оставаться независимыми от нашего руководства, самостоятельными. Главнейших причин тому три. Первая – корпус засорен ущемленным элементом (задетым отрезкой земли и проведенной национализацией). Вторая – созданный в корпусе политический аппарат из кадровых советских политработников еще не нашел каналов влияния на состав бойцов и что этому сильно мешает отсутствие у него контактирующей прослойки из литовцев (просто не могут сговориться). Третья – в корпусе не проведено классовое расслоение, т.е. враждебный элемент еще не вышиблен из седла, который противосоветскую работу ведет путем сплачивания бойцов на национальной почве (против русификации).

В связи с этим Бюро ЦК намерено просить ЦК ВКП (б) разрешить удалить из корпуса ущемленных. Это тем более необходимо, если учесть, что в связи с предстоящей национализацией домов, кинотеатров, гостиниц и пр., а также с предполагающимся усилением обложения кулака и городского частника прослойка ущемленных будет увеличиваться.

Одновременно с этим решено в спешном порядке укомплектовать за счет литовцев институт заместителей политруков. Придется это делать частью за счет гражданских кадров и частью за счет приема активистов-бойцов в партию и комсомол. Последнее станет возможным, если ЦК ВКП (б) разрешит командованию РККА теперь же начать создавать в корпусе партийные и комсомольские организации (пока же в корпусе

²⁸ Публикуется по: [1, л.94–97]. – Опубликовано: [2, т.2, с.280–281].

имеется лишь около 30 литовских коммунистов, и то работающих в особом отделе).

В целях ликвидации третьей причины мы указали руководителям корпуса на необходимость иначе построить воспитательную работу среди бойцов. Дело в том, что они мало используют местный материал. Например, они не заостряют вопроса о том, в чью пользу и в ущерб кому произведена отрезка земли, национализация промышленных и торговых предприятий и т.д. Вместо того, чтобы переключить работу на прямой классовый язык и тем самым разоблачить суть националистической тактики врага, политработники корпуса до сих пор главным образом занимались беседами и докладами на такие отвлеченные пока для бойцов корпуса темы, как, например, отличие Красной Армии от буржуазных армий. Правда, политруку, не знающему литовского языка, трудно овладеть местным материалом. Это мы учитываем. Но вместе с тем это еще раз указывает на всю актуальность вопроса о помощниках политруков из литовцев.

Особый вопрос о приведении бойцов литовского корпуса к красноармейской присяге. После известного отпора командование РККА решило отложить приведение к присяге до 23 февраля 1941 г. Я лично не уверен в том, что в феврале мы не будем иметь эксцессов. Дело в том, что в литовском крестьянстве католическая религия засела довольно крепко. Раньше литовские солдаты присягали богу, а теперь им предлагают присягу без упоминания о боге. Для бывшего литовского солдата это звучит непривычно и неприемлемо. К тому же мы воздерживаемся пока от антирелигиозной работы. Следовательно, к февралю месяцу литовские бойцы еще не будут в этом отношении перевоспитаны.

На Бюро было также принято решение и об улучшении экономического и бытового положений бойцов литовского корпуса. При прежних ассигнованиях, но повышенных ценах начало ухудшаться питание. Решено дать дополнительные суммы. Согласились отпустить необходимую сумму и на ремонт казарм. А главное, решили полностью материально уравнять бойца литовского корпуса с основным красноармейцем (подтянуть заработную плату, дать право на бесплатную посылку писем и распространить на него существующие в отношении красноармейца льготы).

На настроениях и поведении офицерства не останавливаюсь, т.к. они ясны и без специальных пояснений. Нужно лишь отметить, что оно ведет себя исключительно лояльно (что и подозрительно) и что, несмотря на это, оно не может быть непричастным к враждебной агитации в корпусе. Но с поличным еще никто не пойман.

МОСКВА–КАУНАС–ВИЛЬНЮС В 1940–1941 ГОДЫ

Были приняты также и другие существенные решения. Полный текст решения Бюро ЦК будет выслан Вам немедленно после того, как он будет разработан комиссией и утвержден на Бюро 28 октября 1940 года.

(Подпись) /Н. Поздняков/.

№ 10

«27» октября 1940 г.

1–4 экз. тов. Молотову

5^й – в дело.

Разослано: т.т. Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Тимошенко²⁹, Вышинскому.

29.X–40 г.

M–2208 сс

Документ 8³⁰.

Штамп:

Н. К. И. Д.

Секретариат Наркома

Вход. № 48/8

15/XI–1940 г.

ТЕЛЕФОНОГРАММА (по ВЧ)

ИЗ КАУНАСА, 14 НОЯБРЯ 1940 ГОДА, 11 час. 29 мин.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК СССР тов. ВЫШИНСКОМУ.

Имеющийся в Литовской ССР завод боеприпасов «Линкайчи» находится в весьма неблагоприятном состоянии вследствие того, что он не имеет хозяина. Бывшее Министерство обороны, которое занималось этим заводом, ликвидировано, а союзный Наркомат боеприпасов до сих пор этот завод не принял, хотя его представители приезжали на этот завод неоднократно. Уже прошло около 2-х недель, как последние представители Наркомата боеприпасов выехали из Каунаса в Москву с согласованным здесь проектом постановления СНК СССР по передаче этого

²⁹ Тимошенко Семен Константинович (1895–1970) – советский военачальник и государственный деятель, Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). В 1939 г. командующий войсками Украинского фронта («Польский поход»); в 1939–1940 гг. командующий Северо-Западным фронтом (советско-финская война); в 1940–1941 гг. нарком обороны СССР.

³⁰ Публикуется по: [1, л.104].

завода Наркомату боеприпасов. Видимо, до сих пор этот проект остается еще не утвержденным. Отсутствие руководства приводит к тому, что заводоуправление, не зная будущих заданий, не принимает никаких мер к заготовке сырья, топлива, текущему ремонту оборудования и т.д. Здесь наблюдаются случаи ухода рабочих с завода.

Наркомат боеприпасов должен принять этот завод немедленно. Кроме того, ему необходимо теперь же принять меры к охране данного завода, договорившись о том с Наркоматом обороны. Конкретно, нужно дать задание прибалтийскому особому военному округу о взятии этого завода под охрану. Охрана завода недопустимо плохая. Базируется она на малоопытной милиции и вспомогательной охране из рабочих.

(Поздняков).

Передала Горбунова

Приняла Ильина.

вх. 1440

Разослано: т. Молотову, т. Вознесенскому³¹, т. Сергееву, т. Куроптеву³², Ген[еральный] Секр[етария]т, т. Павлову, в дело.

Документ 9³³.

От т. Гедвиласа

т.т. Микояну, Берия³⁴ + мне.

³¹ Вознесенский Николай Алексеевич (1903–1950) – советский партийный и государственный деятель. В 1932–1934 гг. на руководящих постах в ЦКК и ВКП (б), Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции СССР. С марта 1939 г. член ЦК ВКП (б), с февраля 1941 г. кандидат в члены Политбюро ЦК. С марта 1941 г. первый зам. председателя СНК СССР. С декабря 1942 по январь 1948 г. являлся председателем Госплана при СНК СССР. С января 1948 г. председатель Государственного планового комитета СССР.

³² Куроптев Леонид Михайлович (1908–1941) – советский партийный и дипломатический работник. Член ВКП (б) с 1925 г., в 1939 г. направлен на работу в НКВД СССР, занимал должность заведующего Договорно-правовым отделом, а затем – Отделом скандинавских стран. В августе 1941 г. вступил добровольцем в Народное ополчение, пал смертью храбрых.

³³ Публикуется по: [1, л.107]. – Опубликовано: [2, т.2. с.317–318].

³⁴ Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП (б) с 1917 г., первый секретарь ЦК КП (б) Грузии (1931–1938). 1-й зам. наркома внутренних дел СССР и начальник ГУГБ НКВД СССР (1938). В 1938–1945 гг. и в марте–июне 1953 г. нарком (министр) внутренних дел СССР, одновременно в

МОСКВА–КАУНАС–ВИЛЬНЮС В 1940–1941 ГОДЫ

Виза: От т. Гедвилас
Тт. Микояну, Берия, + мне.

Виза: Надо обсудить в ЦК
А.М.[икоян]

экз. № 1

Секретно

Литовская Советская
Социалистическая Республика
СОВЕТ НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ
27.XI.1940 г.
№ 130с

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА СССР
тов. В. М. МОЛОТОВУ

В Литовской ССР в настоящее время насчитывается около 20 000 военнопленных, прибывших с территории бывшей Польши. Большинству из них приходится оказывать материальную помощь. Начиная с октября месяца по сей день средства для вспомоществования упомянутых беженцев присылались американской организацией "American Joint Distribution Committee"³⁵.

Ввиду того, что названная организация не имеет возможности пересылать денежные средства в Литовскую ССР, уполномоченный ее, находящийся в Каунасе, представил на мое усмотрение следующий план: в Литовской ССР находится около 1000 военнопленных, желающих эмигрировать в США, располагающих необходимыми для этой цели средствами и получивших согласие органов США на въезд. Упомянутые беженцы, направляясь в США, расходы по поездке – каждый приблизительно по 4000 рублей – внесли бы в организацию Красного Креста в Каунасе, каковые средства были бы употреблены на вспомоществование военно-

1941–1953 гг. заместитель, 1-й зам. Председателя СНК (Совмина) СССР; зам. председателя ГКО СССР (1944–1945). Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС (1946–1953); в 1953 г. арестован, расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР.

³⁵ Имеется в виду American Jewish Joint Distribution Committee (Джойнт) – крупнейшая еврейская благотворительная организация со штаб-квартирой в Нью-Йорке, созданная в 1914 году.

беженцам. Центр же вышеназванной организации в США "American Joint Distribution Committee" оплатил бы расходы по переезду упомянутых эмигрантов.

Таким же путем можно было бы освободиться приблизительно от 1 000 военнопленных как от нежелательного элемента и одновременно создать фонд для вспомоществования остальной массе военнопленных.

Совнарком Литовской ССР против предложенного плана ничего возразить не может.

Прошу Вашего согласия по двум принципиальным вопросам:

а) разрешить выезд в США приблизительно 2000 упомянутых военнопленных; б) разрешить американской организации "American Joint Distribution Committee" оказывать материальную помощь проживающим на территории Литовской ССР военнопленным из Польши.

Председатель Совнаркома Литовской ССР – М.Гедвиласу.

верно: *подпись*

М–2921 с

2–кк

Документ 10³⁶.

Мне 7-го

<подпись, неразборчиво>

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Председателю Президиума Верховного
Совета СССР тов. КАЛИНИНУ М.И.³⁷

Председателю Совета Народных
Комиссаров СССР тов. МОЛОТОВУ В.М.
Москва – Кремль

В Литовской ССР имеется 20 тыс. беженцев, прибывших во время польско-германской войны, в том числе с территории бывшей Западной Белоруссии после установления там советской власти. Две тысячи из

³⁶ Публикуется по: [1, л.111].

³⁷ Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1898 г., член ЦК РКП (б) с 1919 г., кандидат в члены Политбюро с 1921 г., член Политбюро (1926–1946). В 1919–1938 гг. председатель ВЦИК и ЦИК СССР, в 1938–1946 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

МОСКВА–КАУНАС–ВИЛЬНЮС В 1940–1941 ГОДЫ

них имеют визы иностранных консульств на въезд в различные государства. Другие две тысячи добиваются этого. Однако о выпуске их с территории Литовской ССР нет окончательного указания НКВД и НКВД.

В связи с выборами в Верховный Совет СССР возник вопрос об участии в выборах беженцев, остающихся на территории Литвы.

Поскольку Польское государство больше не существует, считать всех беженцев иностранцами, очевидно, мы не можем, тем более что многие из них проживали на территории бывшей Западной Белоруссии, входящей сейчас в состав СССР.

Просим указания об участии этой группы лиц в выборах в Верховный Совет.

Считаем, что всем беженцам, желающим выехать за границу, целесообразнее было бы предоставить эту возможность теперь же. Остающимся же предложить подать заявления о приобретении гражданства СССР, после чего допустить к участию в выборах.

Каунас, 1940 г. декабря 4-го дня.

Подписали:

Председатель Президиума Временного Верховного Совета Литовской ССР – Палецкис.

Председатель СНК Литовской ССР – Гедвилас.

2-й секретарь ЦК КП (б) Литвы – Мескумас.

Уполномоченный ЦК ВКП (б) и СНК СССР – Поздняков.

Передал: Кергот

Принял: Козлов.

4 декабря 1940 г.

22 часа 00 мин.

Разослано:

т.т. Сталину, Ворошилову, Кагановчу, Микояну, Берия, Вышинскому.

Верно: *подпись, неразборчиво*

7-ор

Документ 11³⁸.

Оформлено.

За – виза А. Микояна

ТЕЛЕФОНОГРАММА (по ВЧ)

т.т. ПОЗДНЯКОВА, СНЕЧКУСА.

³⁸ Публикуется по: [1, л.117].

СОВНАРКОМ СОЮЗА ССР – Тов. МОЛОТОВУ В.М.

Из КАУНАСА 19.XII – 23 ч. 50 м.

В Литовской ССР еще силен католицизм, и особенно в деревне. В связи с наступающими рождественскими днями (25–26 декабря) встает вопрос о нашей линии поведения в этом случае. Мы пришли к такому выводу, что в отношении школьных каникул придется в текущем году сделать исключение, то есть сохранить рождественские каникулы.

Особо стоит вопрос в отношении предприятий и госучреждений. Для значительной части рабочих и служащих рождественские дни являются не только религиозным вопросом, но и бытовой традицией. За истекший короткий период существования советской власти, естественно, нам еще не удалось сломать как эту, так и некоторые другие традиции. С этим приходится считаться.

Возможны три решения вопроса:

- 1) работать в упомянутые дни;
- 2) предоставить возможность каждому коллективу, предприятию или учреждению решать вопрос по своему усмотрению;
- 3) организованно разрешить в текущем году в эти дни не работать.

Мы склоняемся к последнему решению. Установлено, что враждебные агенты уже собирают подписи среди рабочих и служащих на заявления о разрешении не работать в эти дни. Идя последним путем, мы могли бы вырвать из их рук эту инициативу.

В настоящее время проходит предвыборная кампания по выборам в Верховный Совет Союза ССР от Литовской ССР. Полагаем, что объявление рождественских дней рабочими днями без соответствующей разъяснительной работы, на которую не хватает сил и времени, может неблагоприятно отразиться на ходе выборов.

Просим Вашего указания.

ПОЗДНЯКОВ. СНЕЧКУС.

Передал Бергес

Приняла Васильева.

Верно: (Подпись)

Разслано: т. Сталину, т. Молотову, т. Ворошилову, т. Кагановичу, т. Микояну, т. Жданову³⁹, т. Вышинскому, т. Маленкову.

³⁹ Жданов Андрей Андреевич (1896–1948) – советский партийный и государственный деятель. Член Политбюро ЦК ВКП (б) в 1939–1948 гг.; в 1922–1934 заведующий отделом, 1-й секретарь Нижегородского губкома, (обкома, крайкома), Горьковского крайкома ВКП (б); в 1934–1948 гг. секретарь ЦК ВКП (б), одновременно в 1934–1944 гг. 1-й секретарь

М–3416с

Документ 12⁴⁰.

От т. Позднякова

Сов. Секретно.

Центральный Комитет ВКП (б)

товарищу СТАЛИНУ И.В.

товарищу МОЛОТОВУ В.М.

товарищу АНДРЕЕВУ А.А.

Мне уже приходилось писать в связи с итогами 5 съезда Компартии Литвы о национальном вопросе в Литовской ССР. В частности, мною было высказано пожелание, чтобы Академия Наук СССР помогла нам разобраться в историческом прошлом литовского народа.

В ближайшее время для республики этот вопрос становится актуальным. С мая 1941 г. в городах начинается паспортизация. Решением Бюро ЦК КП (б) Л всем Горисполкомам и Уисполкомам предложено предварительно (до мая) привести в порядок наименования улиц и нумерацию домов. Вследствие этого решения отдельные исполкомы создали комиссии на предмет переименования улиц.

В связи с этим, мною было обращено внимание т. СНЕЧКУСА, секретаря ЦК, на необходимость осуществления в этом деле руководства. Мною было указано, что комиссия одного города может встать на путь оставления старых наименований, а комиссия другого города, наоборот, может выбросить все литовские наименования и заменить их общесоветскими наименованиями («Революционная», «Коммунистическая», «Пионерская» и т.д.). И то и другое было бы на сегодня политически вредно.

Вопрос стал предметом обсуждения Бюро ЦК КП (б) Л. Была создана комиссия из трех товарищей для дачи директивного указания по этому вопросу исполкомам. Тов. Снечкус, видимо чувствуя сложность положения, просил, чтобы в работе комиссии было и мое участие.

Понимая, что местные работники намерены ответственность за решение этого вопроса возложить на меня и учитывая, что мне одному трудно разобраться в прошлом литовского народа, мне ничего иного не

тарь Ленинградского обкома и горкома ВКП (б), в 1941–1945 гг. член Военных советов Северо-Западного направления Ленинградского фронта, в 1946–1947 гг. председатель Совета Союза Верховного Совета СССР.

⁴⁰ Публикуется по: [1, л.131–133].

оставалось, как оградить пока от устранения имени, связанные с удаленными временами литовской истории и решительно высказаться против позднейших наименований улиц, противоречащих советскому времени (см. проект постановления Бюро ЦК КП (б) Л).

Полагаю, что в современных условиях это было единственно правильное решение. При этом следует учесть, что с переименованием улиц, площадей и т.п. национальная политика Советского Союза приобрела широко публичный характер, она буквально вышла на улицы города Литовской республики.

ПРИМЕЧАНИЕ: к именам удаленных времен относятся такие, как «Витовас Великий», «Гедеминас», «Кестутас», «Бируте» и т.д.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое, на 2 листах.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ЦК КП (б) ПО ЛИТОВСКОЙ ССР

Подпись (Поздняков)

4 экз.

2 в адрес

2 в дело

[Неразб.]⁴¹ 41.

Проект

В предстоящей работе, в связи с проведением паспортизации, по установлению наименования улиц в городах, Бюро ЦК КП (б) Л предлагает Укомам и Исполкомам строго руководствоваться при этом следующими указаниями:

1. Переименование улиц не должно носить массового характера, а проводиться только в необходимых случаях.

2. Обязательному переименованию подлежат такие улицы (также площади, парки, скверы, сады), существующие наименования которых противоречат советскому времени, например:

а) старорежимные наименования «Президентская», «им. Сметоны», «им. Юозапавичюс», «им. Лукшиса» и т.д., включая имена политических деятелей и названия политических организаций сметоновского режима;

б) наименования религиозного происхождения в честь разных орденов, «святых», ксендзов и т.п.;

в) наименования иностранного происхождения – «Парижская», «Немецкая», «Финская» и т.д.

⁴¹ Не позднее апреля 1941 г.

3. Наименования, связанные с именами исторических деятелей отдаленных эпох и с именами популярных лиц позднейшего времени (имеющих значение в развитии литературы, искусства, науки, техники и вообще культуры литовского народа), а также с названиями прогрессивных организаций и течений оставить нетронутыми.

4. Фактическое переименование улиц, площадей и т.д. (смена вывесок и пр.) может производиться лишь после утверждения их Президиумом Верховного Совета. Городские и уездные Исполкомы обязаны представить свои предложения в Президиум Верховного Совета, с указанием старого наименования и предлагаемого нового наименования.

5. При внесении предложения о присвоении улицам и т.д. новых наименований, следует руководствоваться следующим.

В новых наименованиях улиц и т.д. должна отражаться память народа о погибших борцах за дело коммунизма (имена погибших борцов); новая советская эпоха в жизни литовского народа («Советская», «Комсомольская», «Пионерская», «Московская», «Октябрьская» и т.д. улицы); жизнь Советского Союза и его деятелей и имена прогрессивных деятелей литовского народа разных эпох, сознательно спрятанных от народа литовской буржуазией.

Библиография

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.82. Оп.2. Д.151.
2. СССР и Литва в годы Второй мировой войны: Сб. док. / Ин-т истории Литвы, Ин-т всеобщей истории РАН, Совмест. Лит.-Рос. комиссия историков; Сост. А.Каспаравичюс, Ч.Лауринавичюс, Н.Лебедева. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2006–2012. Т.1: СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 гг.); Т.2: Литва в политике СССР и в международных отношениях (август 1940 – сентябрь 1945 гг.).

Первым правилом должно быть признано не предоставлять журналистам полной свободы, но вместе с тем внушить читателю приятную уверенность, что эти журналисты свободны.

Жан Порталас, сотрудник Наполеона I

**Журналисты, которые кусают,
не должны позволять,
чтобы их кормила
чья-либо рука.**

Синклер Льюис

Андрей Юрганов, Филипп Тараторкин

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

ЛЮБОВЬ ПРОСТРАНСТВА

УДК
929

В статье рассматривается новейший опыт исследования особенностей формирования нового социально-психологического и творческого пространства в советской литературе и общественной жизни 1920-х гг. на примере материалов личных архивов советских литераторов и их судебно-следственных дел. Авторы анализируют механизмы адаптации творческой личности к условиям и требованиям складывающейся тоталитарной культуры.

The authors consider the most recent experience that is acquired due to study of peculiarities of a new social-psychological and creative space formation in the Soviet literature and public life of the 1920s exemplified by materials of the Soviet men of letters' private archives and their legal cases and court investigations. The authors analyze mechanisms of creative personalities' adaptation to conditions and requirements of the emerging totalitarian culture.

Ключевые слова: советская литература; общественная жизнь; репрессии и чистки; Исаак Бабель; Илья Ильф; Валентин Катаев; Евгений Петров

Key words: the Soviet literature; public life; repressions and purges; Isaac Babel; Ilya Ilf; Valentin Kataev; Evgenij Petrov

E-mail: taratorkin@mail.ru ; iurganov@yandex.ru

*Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов*

Б.Л.Пастернак

О.И.Киянская и Д.М.Фельдман написали остросюжетную книгу о пространстве [1]. Интеллектуальном и социальном, идеологическом и личном. О пространстве несвободы и пространстве сопротивления этой несвободе. Как ни широко предметное поле интеллектуальной истории, авторы монографии создали именно галерею портретов, строго опирающуюся на документы личных архивных фондов, судебно-следственные материалы, материалы периодической печати. Ни одного декларативного заявления, не подкрепленного кропотливым источниковедческим анализом каждого из «портретов», не найдет читатель в этой увлекательной книге.

Особое место в книге занимает история Якова Бельского. С детективным сюжетом, биография этого человека более всего отвечает жанровому самоопределению авторов: это тонкий психологический портрет литератора, живущего в эпоху вынужденного выбора. Пространство личной свободы сокращается до невозможности не адаптироваться. Вопрос ставится иначе – о мере и формах адаптации к эпохе. Говоря о Бельском в 1927 г., авторы отмечают: «...в партийной периодике ему было очень некомфортно. Несмотря на востребованность и каждодневную занятость, журналист пребывал в глубокой депрессии» (С.238). Фиксация атмосферы личной (творческой, психологической) депрессии на фоне официального социального оптимизма представляется одним из нервов монографии.

Авторы показывают, как с разной степенью успешности их герои осваивали «логику интриги» (так названа одна из глав части монографии, посвященной Владимиру Нарбуту). Мемуарный, эпистолярный, редакционный и прочие материалы свидетельствуют: освоение «логики интриги» если и не гарантировало советским писателям и журналистам физического выживания (и уж точно не гарантировало сохранения доброго имени и репутации, а скорее наоборот), то становилось базовым правилом игры. Оказаться и тем более задержаться вне «логики интриги» означало, по сути, оказаться вне литературного процесса, а то и потерять жизнь.

Биографический материал в монографии опирается на большой комплекс судебно-следственных материалов. Своеобразие этого ис-

точника значительно менее очевидно, чем кажется. Присущий таким источникам пафос правды («сам признался!») нередко вводит в заблуждение не только следователя, но и опытного исследователя. Однако именно эти источники, как и, например, дневники, позволяют наиболее системно представить себе... Только что дают они представить себе? Лицо героя или персонаж героя? И если персонаж, то тогда можно попытаться выстроить создавшую его «логику интриги». Что и делают авторы.

Так, в монографии приведены собственноручные показания фельетониста Аркадия Бухова, реэмигранта из Литвы. Вот какой уникальной полноты идейно-психологический автопортрет рисует А.Бухов в собственноручных показаниях (написано за полтора месяца до расстрела):

«Мои антисоветские настроения начались с первых же месяцев возникновения сов[етской] власти. Именно из-за этих настроений, кроме обывательского страха за свою судьбу, я и эмигрировал в 1918 году. Но если первоначально эти настроения были хаотичны и я их сдерживал, то во время моего пребывания в Литве они превратились в открытую контрреволюционную работу в газете "Эхо", которая заняла резко антисоветскую позицию. Никем не подталкиваемый, находясь вне сферы влияния белой эмиграции, никем не вынуждаемый, я самостоятельно вел борьбу в газете со всем советским, борьбу мелкую, издевательскую, беспринципную и поэтому – глупую, ронявшую меня в глазах даже несоветски настроенных людей и теперь заставляющую меня вспоминать о ней как о самом позорном времени своей жизни. Основная причина этой борьбы, как ни горько и стыдно в ней признаваться, – злоба на тех, кто остался и работает у себя на родине, в то время как я – хотя и уехал добровольно – выкинут из своей страны как человек просто не честный для новой жизни» (С.411).

Аркадий Бухов настаивает на «самодвижности» своей антисоветской деятельности: «никем не подталкиваемый, никем не вынуждаемый»...

Между тем еще одним нервом повествования является в монографии исследование прямых и косвенных механизмов принуждения к участию в «советской деятельности».

Было бы неверно думать, что это принуждение только репрессивное или, напротив, только интеллектуальное. Авторы очень интересно и убедительно показывают, насколько одно переплетается с другим.

Как целые биографические мифы, над прояснением которых бьются поколения литературоведов и историков литературы, рождаются из одного эпизода, подчас случайного, но впоследствии адаптированного к канону писательской (или партийно-политической, или чекистской, или какой-нибудь иной) биографии. Пример – Евгений Петров, младший брат Валентина Катаева, сознательно конструировавший свою «биографическую легенду».

Намеренно ли так получилось или возникло между строк, но в монографии идет постоянная переключка голосов, заочный диалог героев, творческие и человеческие биографии которых складываются в причудливые «судьбы скрещенья». Вспоминается, как Бориса Пастернака читатели «Доктора Живаго», в том числе и те, кто был романом восхищен, упрекали в неправдоподобности наполняющих роман ситуаций встречи всех со всеми: так, мол, в жизни не бывает. Пастернак же утверждал, что только так и бывает. Вот и в монографии О.И.Киянской и Д.М.Фельдмана постоянно все со всеми встречаются. «Чекистом, спасшим жизнь молодому одесскому поэту» (С.13), оказывается Яков Бельский. А «скандально знаменитый акмеист, ставший партийным функционером, покровительствовал литераторам» (С.23) – это о В.Нарбуте.

Больше того. Вполне детективная история лежит, как выясняется, в основе журнальной литературной полемики 1920-х годов. Авторы, в частности, говоря об одной из таких полемик, констатируют, что «проекты Воронского (редактора *Красной нови*. – Ф.Т., А.Ю.) основывались на доктрине Троцкого, а предприятия "молодогвардейского" типа – контрпроекты, ей оппонировавшие» (С.89). Но выясняется, что именно В.Нарбут определил идейно-политическую топографию и систему координат литературной журнальной периодики середины – второй половины 1920-х годов: «Дзержинский – с помощью Нарбута – доказал, что при чекистском покровительстве могут успешно развиваться издательства, ориентированные партийно и не соотносимые с доктриной Троцкого» (Там же).

Тема чекистского покровительства – сквозная тема истории советской литературы. «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка, ставшая, наверное, в 1920-е годы одним из последних покушений на удержание за литературой права на гласность, до предела обострит вопрос, кто за кем стоит в литературе, да и «негорбящегося человека» выведет на свет Божий в страшной и полностью прочитываемой роли

вдохновителя и организатора политических убийств. Авторы, однако, не концентрируясь на сюжете гибели (убийства) М.В.Фрунзе, вновь обращаются к проблеме социального самосознания литературы, совершающегося в личном творческом опыте каждого писателя. Они цитируют письмо Б.Пильняка председателю Совнаркома А.И.Рыкову: «В январе этого года я задумал написать рассказ о том, как машина человеческого коллектива подчиняет себе человеческие индивидуальности, и о том, как благие пожелания в нашей российской действительности очень часто превращаются в катастрофические непоправимости...» (С.118–119).

Из монографии явствует, что операторами «машины человеческого коллектива», а часто и непосредственными режиссерами (и опосредованными исполнителями) «катастрофических непоправимостей» являются чекисты – «заклятые друзья» передовых отрядов советской литературы.

Бытовая сцена, описываемая сыном В.П.Катаева Павлом Катаевым, вырастает в значении до уровня своеобразного социального маяка:

«По свидетельству П.В.Катаева, Бельский, возвратившись со службы в "органах", "хватаясь за голову, рассказывал об огромном количестве стукачей в писательской среде и о доносах на отца, которые сам читал".

"– Их много!.. Почти все!.."

Лицо отца, когда он об этом рассказывал, менялось и становилось похожим на незнакомого мне Яшу Бельского. И интонации отцовского голоса – этакое "крика шепотом" – так же копировали его голос» (С.254).

Примечательно, что именно судьбу Якова Бельского авторы монографии называют «зеркалом эпохи» (С.322). Какова же эта судьба, лучше всех определяет сам Бельский. В воспоминаниях его товарища А.П.Мацкина [2] приводится такое описание последней встречи автора с Бельским летом 1937 года:

«Журналист "был грустен", "не шутил, как обычно" и с завистью сказал своему харьковскому другу: "Тебе хорошо! Ты беспартийный и в Чека не служил. А я сплю и вижу, как ко мне подходят два оперативника в козловых сапогах и говорят: «Ну, Бельский, пойдем с нами!». "Так оно и случилось – буквально через несколько дней", – констатировал мемуарист» (С.304).

В конечном итоге, монография О.И.Киянской и Д.М.Фельдмана – это опыт исследовательского анализа того, как русская советская литература и журналистика 1920-х – 1930-х гг. отвечает на призыв «оперативников в козловых сапогах» (или в другой одежде) «Пойдем с нами!». И куда идет, или как пытается остаться на месте, или в чем находит силы, чтобы идти в противоположном направлении.

Библиография

1. Киянская О.И., Фельдман Д.М. Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы. М.: Форум, 2014. – 448 с.
2. Мацкин А.П. По следам уходящего века. [Воспоминания критика и театроведа.] М.: Аслан, 1996. – 272 с.

*Памяти замечательного историка
и автора журнала Сергея Ярова*

BEATUS ЯРОВ

Коренной петербуржец Сергей Викторович Яров (20 июля 1959–14 сентября 2015) пользовался заслуженным авторитетом в гуманитарной среде. Обширные познания, приобретенные, в том числе, благодаря многолетним занятиям в архивах, сделали его одним из ведущих экспертов истории советского периода. Он был автором 19 монографий и учебных пособий. Ряд из них выдержал несколько изданий. Его работы «Блокадная этика» (1-е изд. 2011) и «Повседневная жизнь блокадного Ленинграда» (2013) были удостоены престижных премий – Анциферовской (2012) и Просветитель (2014). Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН Яров совмещал плодотворную исследовательскую деятельность с преподаванием. Многие ученики профессора Европейского университета и Российского государственного педагогического университета им. Герцена защитили диссертации и стали квалифицированными исследователями.

Выдающиеся достижения Сергея Викторовича приобретают особый смысл на фоне его неординарной для ученого биографии. Он выделялся в «герметичной» корпорации потомственной питерской профессуры. Я никогда ничего не слышал от него об отце. Свои первые университеты Яров при живой матери проходил в Доме малютки (в детдоме для дошкольников) и в учебных интернатах. Он редко рассказывал об этом опыте. Но того, что он считал необходимым сообщить, было достаточно, чтобы прийти в ужас от этого «круга» советского педагогического ГУЛАГа. С одной стороны, – жестокие сверстники, с другой, – педагоги с садистическими наклонностями и подчас педофильскими влечениями.

Пресловутая среда, казалось, сделала все, чтобы с малых лет «заесть» Ярова. Но он, кстати, не единственный из своих однокашников,

кто выстоял. Работал на заводе и учился на вечернем отделении истфака ЛГУ. Отслужил в армии. Его продвигали «по комсомольской линии». Яров даже был освобожденным секретарем комитета комсомола завода. Но его, в отличие от многих нынешних «деятелей», не прельстили «перестроечные» стратегии конвертации комсомольской активности в ресурсы политики и бизнеса. При первой возможности он ушел в науку, где и состоялся как выдающийся ученый.

Дети, брошенные родителями, если выживают, часто превращаются в волков, которые мстят миру за непереносимую боль одиночества. И лишь немногие, Яров в их числе, преобразуют детские страдания в любовь к ближнему в подзабытом нами христианском смысле. Он был блаженным в исходном значении этого слова – одним из тех, кто лицезреет Бога на небесах. Никто не слышал от него дурного слова. И не только в собственный адрес. В отличие от большинства из нас Яров не злословил об отсутствующих. Принципиально не употреблял алкоголь. За девушками ухаживал исключительно «платонически». Деньги тратил, в основном, на книги.

Блаженный... *Beatus*... Второе значение этого латинского слова – счастливый. Был ли Сережа счастлив? Предполагаю, только когда создавал свои труды и преподавал. Он был одинок. Был чудаковат. Упорно писал от руки. Даже слышать не хотел, что компьютер открывает новые возможности работы с текстом. Я, грешен, часто над ним подшучивал. А сегодня подкатили слезы. Пятьдесят шесть – по современным меркам – начало расцвета. В июле, когда последний раз был в Питере, мне в голову не могло прийти, что больше его не увижу. Уверен, что человеку, который сделал себя наперекор жизненным обстоятельствам, важно услышать от нас, что жил он не зря, что его будут вспоминать многие и через много лет. Вспоминать добрым словом.

*Сергей Эрлих,
директор издательства «Нестор-История»*

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог, Президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр», главный редактор журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Савин Андрей Иванович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории Сибирского отделения РАН

Медведев Жорес Александрович

кандидат биологических наук, биохимик-геронтолог,
почетный член Биохимического общества, член Американского геронтологического общества, историк, публицист

Мильков Владимир Владимирович

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН

Мироненко-Маренкова Ирина Константиновна

кандидат исторических наук, преподаватель, РГГУ,
доктор философии,
Высшая школа социальных исследований (Париж)

Розенталь Исаак Соломонович

доктор исторических наук

Репников Александр Витальевич

доктор исторических наук, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории, профессор Российского университета театрального искусства

Довжик Наталья Николаевна

аспирантка факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова, ведущий специалист Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории

Симиндей Владимир Владимирович

руководитель исследовательских программ фонда
«Историческая память», ответственный редактор Журнала российских и восточноевропейских исторических исследований

Тараторкин Филипп Георгиевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
России Средневековья и Нового времени РГГУ,
директор Гуманитарного архива РГГУ

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation "Experimental Creative
Center", Editor-in-chief of "Russia XXI",
Chief producer of the Theatre "On the Boards"

Savin Andrey Ivanovich

Ph.D., historian, senior researcher, Institute of History,
Siberian Branch of RAS

Medvedev Zhores Aleksandrovich

Ph.D. in biology, biochemist-gerontologist, the honorary member
of the Biochemical Society and of the American Gerontological Society,
historian, publicist

Mil'kov Vladimir Vladimirovich

D.Sci., philosopher, head specialist, Institute of Philosophy, RAS

Mironenko-Marenkova Irina Konstantinovna

Ph.D., historian, the teacher, Russian State University for Humanities,
doctor in philosophy, EHESS, Paris

Rosental' Isaak Solomonovich

D.Sci., historian

Dovjick Natal'ya Nikolaevna

graduate student, Political Science Faculty of Moscow State Lomonosov
University, the leading expert of the Center documentary publications
of the Russian State Archive of Socio-Political History

Repnikov Alexander Vital'evich

D.Sci., historian, Deputy Director, Center documentary publications
of the Russian State Archive of Socio-Political History, Professor
of Russian Theatrical Art University

Simindey Vladimir Vladimirovich

Head of research programs, "Historical Memory" Foundation, executive
editor of the "Journal of Russian and East European historical studies"

Taratorkin Philip Georgievich

Ph.D., historian, assistant professor, Chair of Early and Early Modern
Russian History, Director of the Humanities Archive, Russian State
University for Humanities

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Early and Early Modern Russian
History, Russian State University for Humanities

Авторам – научные направления журнала и порядок рецензирования статей

1. Журнал публикует статьи по следующим научным направлениям: исторические науки и археология (07.00.00), политология (23.00.00), культурология (24.00.00).
2. Редакция журнала осуществляет предварительный отбор рукописей на соответствие их требованиям к статьям, представляемым для публикации в журнале.
3. Статья регистрируется в базе данных журнала (дата поступления, название статьи, ФИО автора, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, E-mail)
4. Ответственный секретарь направляет рукописи, удовлетворяющие первичным требованиям, на рецензирование члену редакционного совета, курирующему соответствующее научное направление, или внешнему рецензенту.
5. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.
6. Рецензент направляет в редакцию рецензию (2 экземпляра: один с подписью, один анонимный), либо рекомендуя статью к публикации, либо предлагающую автору переработать статью с учетом высказанных замечаний, либо содержащую мотивированный отказ в публикации статьи. Рецензия оценивает вклад статьи в постановку и решение научной проблемы и соотносит выводы автора с существующими научными концепциями. Наличие критических замечаний и возражений рецензента при общей положительной рекомендации допускает опубликование материала в порядке научной дискуссии.
7. Редакция направляет автору копию рецензии (анонимный экземпляр) или мотивированный отказ и по запросу направляет в Министерство образования и науки Российской Федерации подписанную рецензию.

Information for authors – science directions of the journal and procedure of critical reviews creation

1. The journal publishes articles in following fields of science: historical sciences and archeology (07.00.00), political science (23.00.00), cultural studies (24.00.00).
2. The editorial board carries out a preliminary selection of manuscripts on the grounds of manuscripts' correspondence to requirements set by the journal.
3. The article is registered in the journal database (date of receipt, article's title, author's surname, name and patronymic, author's academic degree and academic title, workplace and position, e-mail).
4. Executive Secretary forwards manuscripts that satisfy primary requirements to a member of Editorial Council responsible for respective field of science or to an external reviewer.
5. All reviewers are acknowledged experts on the subject of peer-reviewed material and have for the last 3 years publications on the subject of peer-reviewed articles. Reviews are stored in the publishing and editorial offices over 5 years.
6. A reviewer sends his/her opinion to the Editorial office in 2 copies (one copy is signed, the other copy is anonymous) and either recommends the article for publication or suggests revising the article taking critical remarks into account. Finally a reviewer can offer a reasoned rejection of the article. A reviewer assesses contribution of the article in formulation, development and solution of a scientific problem and compares the author's conclusion with the existing scientific concepts. Critical responses and objections of a reviewer allow publication of the material by the way of discussion provided a reviewer gives a general positive recommendation.
7. The Editorial office provides the author with a chance to learn the anonymous copy of review and at request sends the signed copy to the Ministry of education and sciences.

«МИР СТРАНСТВИЙ» – это книга о том, что человек способен противостоять вихрю кровавых трагедий XX века, понять происходящее, усмотреть в хаосе событий смысл своей жизни и, в конечном счете, стать творцом истории. Профессор Эрих Вульф – один из ведущих организаторов «психиатрической революции» в Германии – подростком прошел через испытания, вызванные вовлечением в ряды гитлерюгенда, пленением, нравственными усилиями, связанными с денацификацией, осмыслением фальши, бесчеловечности и жестокости нацистского режима. Закончив медицинский факультет Кёльнского университета, Э.Вульф учился философии в Париже. В 1961 году он поехал в Южный Вьетнам в качестве врача и преподавателя высшей школы. Он был страстным противником американского вмешательства в дела Вьетнама. Установив контакты с оппозицией, с Вьетконгом, Э.Вульф информировал европейскую общественность о жестокости и бессмысленности американо-вьетнамской войны. Его книга «Годы учебы во Вьетнаме», опубликованная в 1968 году, стала важным импульсом для широкого международного движения против войны во Вьетнаме. В 70-ые – 80-ые годы Эрих Вульф был причислен к наиболее известным немецким интеллектуалам не только как психиатр, но и как активист освободительного движения в странах третьего мира.

Бурная жизнь Эриха Вульфа, неразрывно связанная с его научной работой, представлена на фоне политических событий последних сорока лет.

Будучи активным реформатором психиатрической помощи и основателем немецкой школы социальной психиатрии, Э.Вульф разработал методы реабилитации лиц с психическими расстройствами. В использовании его учения и его опыта очень нуждается отечественная психиатрия, для которой проблема социальной адаптации лиц с психическими расстройствами является весьма актуальной и неотложной задачей.

**Книга выйдет в издательстве
Форум в ноябре 2015 г.**

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в редакции

Тел. (495)691-74-79

E-mail: russia21@ecc.ru, kurilenkova@ecc.ru

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

ЖУРНАЛ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ

с доставкой по всей России (или приобрести)

в книжном интернет-магазине «Русская деревня»

www.hamlet.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

83496 – по каталогу Агентства «Роспечать».

Для иностранных читателей

подписка проводится через агентство «МК-Периодика»:

тел. (495)672-70-12, e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала

оформляется через Научную электронную библиотеку:

www.elibrary.ru

Вниманию подписчиков!

Подписка на 2016 год

только по каталогу «Пресса России»

индекс старый 39363.

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2015. Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
сайт <http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 26.10.2015.
Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Объем 11,5 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ № .
Отпечатано в ООО «Полиграфторг»
428019, г.Чебоксары, пр.И.Яковлева, 15.
Тел. 8(8352)28-77-98, 57-01-87

5.2015 september-october

Theory and Practice of Political Games

Sergey Kurginyan

Miracle of Survival and New Threats _____ **6**

Pages of History

Andrey Savin

“We Need Orders and Distinctions”.
Role of Awards in the Soviet Identity
Formation _____ **28**

Zhores Medvedev

A Dangerous Profession (to be continued) ____ **38**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Vladimir Mil'kov

The Ancient Russian Notions
of the Other World _____ **64**

Irina Mironenko-Marenkova

“Insane for Christ” and “Wordly Holiness”
in Ancient Rus. The Classical French
Historiography Text on the Russian
“Foolishness for Christ” _____ **92**

Topical Archive

Isaak Rosental'

Thoughts Caused by a Letter.
Once More about *Intelligentzia*
on the Eve of February, 1917 _ **116**

*Natalya Doyjick,
Aleksandr Repnikov,
Vladimir Simindei*

Moscow–Kaunas–Vil'nyus
in 1940–1941. Between Geopolitics
and Social Issue _____ **142**

Readers' Letters

*Philip Taratorkin,
Andrey Yurganov*

Love of Space _____ **170**

РОССИЯ XXI